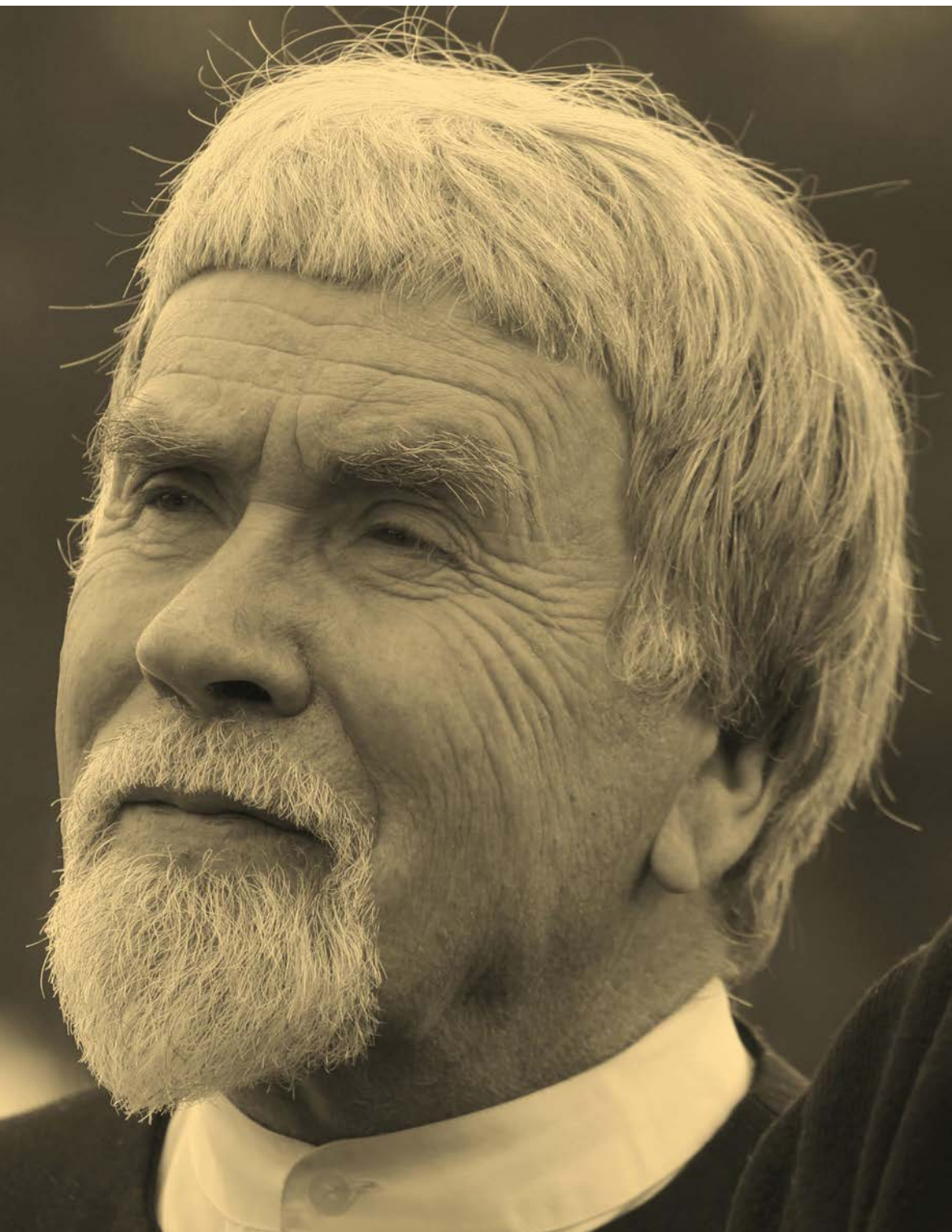

«С благодарностью
— Ваш

Валентин

Курбатов

Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска»

УДК 821.0
ББК 83.3(2)64
К 93

*На авантитуле представлен авторский рисунок;
на титульном развороте – автограф В. Я. Курбатова.*

Редактор-составитель Ю.П. Перминов

Курбатов В. Я.

К 93 «С благодарностью – Ваш В. Курбатов». – Tobольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Tobольска», 2022. – 152 с.; ил.

ISBN 978-5-98178-136-0

Настоящее издание составлено из писем лауреата Государственной премии РФ В. Я. Курбатова (1939–2021) председателю президиума общественного благотворительного фонда «Возрождение Tobольска» А. Г. Елфимову. В книгу также вошли статьи и рецензии, посвящённые изданиям фонда, принадлежащие перу выдающегося литературного критика, одного из немногих, кто в труднейших условиях сохранял честь и достоинство своей профессии.

УДК 821.0

ББК 83.3(2)64

© А. Г. Елфимов, вступительное слово, комментарии, 2022

© Сайфуллин Т. А., оформление, 2022

© Общественный благотворительный фонд «Возрождение Tobольска», 2022

ISBN 978-5-98178-136-0

ПРЕОБРАЖАЮЩИЕ СЛОВА

Всего несколько слов Курбатова (да вот, к примеру, и те, что дали название книге, составленной, в том числе, из писем Валентина Яковлевича) могли укрепить душевно, развеять сомнения и тревоги — и ещё недавно он сам произносил их... И всякий раз, когда открываю «почтовый ящик», глаза мои ищут «Письмо, где сердце говорит, // Где всё наруже, всё на воле...» (А. С. Пушкин) — от Курбатова, поскольку никуда не ушла из сердца многолетняя примета — утро, начавшееся словами из Пскова: «Здравствуй, Аркадий!», предвозвещает сердцеприимное и духоукрепляющее течение дня...

Ищут — и уже не находят...

Письма — связующее звено между людьми. А когда кого-то уже нет живых, тогда и открывается дверка в прошлое. И ты находишься во власти прошлой жизни, той жизни, которую уже не вернуть... Да, в «электронных» письмах невозможно услышать дыхания автора, определить по нажиму «пера», где он был взволнован, а что для него является преходящим. Более того, как показывает и мой опыт, письмо от руки — вечное. А недавно, когда, раскрыв одну из книг фонда, увидел в ней предисловие Курбатова, вспомнил и о письмах Валентина Яковлевича, ощутив, почти в буквальном смысле, сердечную недостаточность своего нынешнего бытия — без весомого и необманного, доброжелательного слова этого подвижника русской культуры. И тут же всполошная мысль обожгла сознание: а хранит ли «ящик» те десятки писем, начинавшиеся словами: «Здравствуй, Аркадий!»? Оказалось — хранит, но, к горькому сожалению, не все...

Моему знакомству с Курбатовым поспособствовали Савва Васильевич Ямщиков, «реставратор вся Руси», и Александр Фёдорович Быков, великолепный художник-макетчик, на годы вперёд установивший высочайшую художественную планку издательских проектов фонда «Возрождение Тобольска». Произошло это накоротке, в 2002 году... Чуть смущённая

улыбка, борода клинышком, «пскопская» причёска под «горшок», неизменным теплом светящиеся бирюзовые глаза под косматыми бровями, неповторимый голос, будто слегка треснувший, особая интонация, словно с подпевом, а всё сказанное им — точно из глубин и высот русской жизни: «Жизнь, господа, это красота, литература — это красота, радость земная — в ощущении вечной красоты вокруг»...

А затем — череда писем, встреч, звонков... Сохранившаяся переписка начинается с 5 мая 2008 года, она невелика, но каждое курбатовское письмо воспринималось и воспринимается мной как подлинная, воистину высокая литература. Сокровищница мудрости и доброты. И где бы ни встречались с ним: в Москве, в Михайловском или Тобольске, в Иркутске или в Елабуге — всегда это было состояние праздника. От разговоров, от его душевного тепла, какого-то исходившего от него света.

Сейчас, просматривая книги нашего альманаха «Тобольск и вся Сибирь», сетую: как же мы Валентина Яковлевича в наш редакционный совет не включили... Но и начальные номера — «Тобольск», «Томск», «Тюмень», «Сургут», «Лукоморье», где появилась первая статья Курбатова — о Михаиле Знаменском (я ещё тогда сомневался — откуда он знает нашу «сибирскую тему», но текст получился блистательным), можно сказать, были осенены участием — зримым и незримым — этого по-русски истового, восторженно верующего, широко образованного человека. То же самое следует сказать и обо всех последующих книгах, изданных фондом.

«Курбатов — как апостол: он роняет слова, которые преображают», — сказал поэт Юрий Беликов. При жизни Валентина Яковлевича не довелось мне ознакомиться с этим, на мой взгляд, гениальным определением, но иметь возможность ощущать и своё собственное преображение — посчастливилось. Собственно, мне, человеку и самому уже немало пожившему-повидавшему, обладающему определёнными знаниями и житейским опытом, позволяющими заниматься издательской и просветительской деятельностью, не стыдно признаться: все годы общения с Валентином Яковлевичем чувствовал в себе волнующую радость одной из духовных институций — ученичества. В том числе внимая его «почтовой прозе», по определению Пушкина. Внимая и такому его совету: «Не нравится что-то в вашем лице, когда смотрите утром в зеркало, — вспомните, какую книжку вчера прочитали: не она ли исказила ваш лик?»

Да и сегодня эта радость ученичества никуда не делась, несмотря на горечь утраты, выжигающей сердце всякий раз, когда из жизни уходят

родственные тебе по мировоззрению люди. Но полученные от них знания — жизненные, духовные, культурные — не превращают в пепел уже довольно «поношенное» сердце, а благодатным светом способствуют прорастанию новых устремлений, книгами и, конечно же, письмами продолжая «проповедовать... всю ту же русскую правду» (Владимир Бондаренко). Уходя, такие люди остаются незримыми опорами нашего неба, столпами культуры. Одно присутствие Валентина Курбатова в русском культурном поле создавало в нём магнитные связи, налагало силовые линии духовного воздействия на ум и сердце, придавало ему и вес, и значение. В нём отпечатлелся и полноценный состав русского духа.

Сегодня многие, кто состоял с Курбатовым в переписке, с кем он общался чаще других, вспоминают, что примерно за полгода до кончины Валентин Яковлевич начал потихоньку, но как-то настойчиво со всеми прощаться. В частности, настаивал, чтобы какие-то встречи, поездки состоялись, «а то вдруг больше не увидимся». В телефонных разговорах я тоже слышал эту фразу не единожды, журил Валентина Яковлевича, а в итоге он сводил её к шутке: у него было удивительное чувство юмора и способность иронизировать над самим собой. Поэтому — не ве-ри-лось, что такое вообще может случиться, и каждый день я ждал от него письма, звонка ли со словами: «Всё, Аркадий Григорьевич, еду, встречай в Тобольске такого-то числа».

Одна из человеческих и творческих загадок Валентина Курбатова — расположенность к общению, которое он называл «способом дыхания», готовность вступить даже в трудный диалог, способность говорить со всеми. После него остались тома переписки с теми писателями, которых мы без сомнения числим в основании русской культуры: Виктором Астафьевым, Василием Беловым, Валентином Распутиным, Семёном Гейченко, Евгением Носовым. Уверен, и для них, великих, Курбатов был подарком судьбы — такой мудрый собеседник и такой чуткий и внимательный критик.

Курбатовские письма — особый жанр, который Валентин Яковлевич наполнил участливостью к собеседникам, художественной прозорливостью, житейской приметливостью, живым ясным языком. Не задаваясь такой целью, он тем не менее создал объёмные, необычные по творческому размаху и наполнению литературные портреты деятелей современности.

А ещё были тома критических и литературоведческих статей, публицистических заметок и культурологических «отчётов» о состоянии

нашей духовной «надстройки». Его перо погружалось в вязь густой русской прозы, изведало и глубины дневниковых исповедей. Он из тех культурных и общественных деятелей, кто по камертонному настрою своего глубокого внутреннего мира готов был обдумать важные для всех нас вещи — и умел сказать о них.

И, наверное, до самой кончины будет неотступно следовать за мной его тихое ласковое подборматывание, в котором слышится всё самое главное о нём самом, литераторе, философе, собеседнике великих — и о нас тоже:

«Только сейчас, как ни странно, при усталости, при старости физической, при подступающем изнеможении я впервые, может быть, чувствую полноту и радость служения русскому слову. Как никогда прежде, именно сейчас выпадает русскому человеку услышать слово впервые, пойти райским садом и снова назвать каждый предмет как в первый раз. Поднять слово к свету и увидеть его, как яблоко поспевшее, а внутри этого яблока — пылающее зёрнышко, из которого рождается мир... Мы бы снова могли почувствовать себя народом и собраться вокруг языка, как вокруг последнего оплота и спасения. Язык содержит в себе всё — и веру, и государство, и общество — в высших совершенных развитиях».

Быть адресатом Курбатова — безусловное счастье, и держать это счастье в себе, в «почтовом ящике», где угодно, только не на миру, непротитительно. Даже если его адресат далеко не в одном ряду с теми, о ком он создавал свои книги. Но и эти письма — уже неотъемлемая часть русской культуры, уже тобольского «замеса», связанная с городом, перед которым благоговел Валентин Яковлевич...

Слава Богу, что он был! Слава Богу, что он есть! — Валентин Курбатов, благодаря которому Русский мир не утрачивает своего величия.

Раннее утро... Над Тобольском — пылающее зёрнышко весеннего солнца...

«Спасибо Вам за счастье этих дней...»

- 05.05.2008   Здравствуйте, дорогой Аркадий Григорьевич!
Письмишко получил. Обязательства помню. Возьму только маленький тайм-аут, чтобы полежать в питерской больнице и собрать развалившийся механизм, привести порядок развал-схождение. Я уж давно предлагаю эти слова «развал-схождение» взять в качестве долговременной программы «Единой России», тем более она ничем другим и не занимается. Очень жалею, что встреча наша была так мимолётна, потому что до осетра на весле вон сколько тыщ километров времени и пространства.
Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.
- 19.05.2008   Здравствуйте, Аркадий! Простите, Аркадий Григорьевич, кажется, сочинилось совсем не то, чего бы Вам желалось. Но куда денешь сердце, которое сегодня читает одно, завтра – другое. Всего сразу не обнимешь. Пока не посылаю заметку в «Литературку», ожидая Ваших замечаний. Может, непременно нужно что-то упомянуть для дела, а я этого не знаю.
С благодарностью, Ваш В. Курбатов.

20.05.2008   Здравствуйте, Аркадий! Писем от Вас и Лощица¹ нет. Наверно, Вы послали их по другому адресу. На всякий случай повторяю свой нынешний адрес: wk2909@mail.ru. Но это уже и не важно. Важно, что поправки не нужны и я могу послать материал в «Литературку». А уж они как рассудят. «Лит.Россия» готова напечатать тотчас, но она уж очень легковата весом. Она — на крайний случай.

Спасибо. И обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

15.06.2008   Дорогой Аркадий Григорьевич! Проглядел я — дали мою заметку в «Литгазете»², но, видно, так и поленились связаться с Вами или Лощицем, чтобы взять обложки альманаха и показать их. А без них заметка странна, словно подпись под милым северным рисунком. Правда, я не видел в газете (увидел только в Интернете) и не знаю, на каком месте стоит и видно ли материал на полосе. Это всё из-за давней нашей взаимной неприязни с Поляковым³. Но, конечно, виноваты и сотрудники отдела, которым я давал Ваш адрес и которые обещали связаться с Вами. Простите.

С благодарностью, Ваш В. Курбатов.

09.08.2008   Дорогой Аркадий Григорьевич! Савва [Ямщиков]⁴ говорит, что Вы собираетесь выпустить альбом Стин и Фирсова, и просит меня

---

¹ Юрий Михайлович Лошиц (21 декабря 1938) — выдающийся русский писатель, публицист и литературовед. Лауреат Патриаршей литературной премии. Главный редактор первых десяти томов историко-культурологического, литературно-художественного альманаха «Тобольск и вся Сибирь», издаваемого фондом «Возрождение Тобольска».

² Речь в этом и предыдущих письмах идёт о большой статье Валентина Курбатова «Прирастать Россией», посвящённой книгам альманаха «Тобольск и вся Сибирь». Публикация состоялась в «Литературной газете» 4 июня 2008 г. в рубрике «Портфель ЛГ» (№23 (6175)). См. приложение — «Валентин Курбатов — об изданиях фонда „Возрождение Тобольска“».

³ Поляков Юрий Михайлович (1954) — советский, русский писатель, поэт, драматург, киносценарист и общественный деятель, председатель Национальной ассоциации драматургов, председатель редакционного совета «Литературной газеты» до 2021 г., главный редактор «Литературной газеты» (2001–2017).

⁴ Савва (Савелий) Васильевич Ямщиков (8 октября 1938 — 19 июля 2009) — выдающийся русский художник-реставратор, историк искусства, публицист, журналист, учёный-культуролог, историк, писатель, теле- и радиоведущий. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1982). Член Российской академии естественных наук (РАЕН). Член

написать несколько слов. Говорит, что сам он свою статью уже написал, и вот теперь просит меня о двух-трёх страничках. Что это будет за издание? И нужны ли эти страницы? Ведь и Вы напишете, и Савва. И что-то верно, скажут сами Ирина Игоревна и Анатолий Васильевич. Не «заговорим» ли мы сами фотографии?

Жду ответа, как соловей...

Ваш В. Курбатов.

ИРИНА ИГОРЕВНА СТИН И ЕЁ МУЖ, Анатолий Васильевич Фирсов, вошли в историю отечественной культуры как выдающиеся мастера цветной фотографии. Издание фонда — фотоальбом «Избранные фотографии» — доступен в нашей онлайн-библиотеке, но, к сожалению, по сей день не отпечатан.

Ирина Стин и Анатолий Фирсов соединили свои жизни ещё в юности и с тех пор нераздельно творили на протяжении полувека, вписав в историю отечественного фотоискусства одну из самых красивых страниц. В 1960-е гг. Ирина и Анатолий первыми из фотографов открыли людям красоту русского Севера: Поморье, Соловки, Валаам. Не случайно они так крепко дружили с Юрием Казаковым, автором «Северного дневника» и гениальных рассказов.

Нам бы очень хотелось, чтобы это издание стало живым воплощением их великой любви. Не только любви друг к другу, но и их общей глубокой любви к Родине. Мы надеемся, что эта книга своим целомудренным цветом и чистым слогом озарит каждого нашего читателя, подаст ему силы и вдохновение.

Союза писателей России. Большую часть своей жизни Ямщиков провёл в русской провинции, сначала занимаясь профилактическими реставрационными работами на произведениях иконописи, а затем обследуя музейные запасники, составляя реставрационную «Опись произведений древнерусской живописи, хранящихся в музеях РСФСР» и отбирая иконы для восстановления в Москве. За сорок с лишним лет Савве Ямщикову удалось возродить сотни произведений иконописи, уникальные собрания русских портретов XVIII–XIX вв. из различных музеев России, вернуть имена забытых художников. Организованные Ямщиковым выставки, на которых показывали открытия реставраторов, стали неотъемлемой частью русской культуры. Открыл жанр русского провинциального портрета XVIII–XIX вв., возродил к жизни имена забытых русских художников и иконописцев. Автор многочисленных научных трудов, книг, альбомов, каталогов о русском искусстве, устроитель выставок, один из тех людей, кто несколько десятилетий боролся за сохранение культурного наследия России.

Вспоминаю своё знакомство с Ириной Игоревной и Анатолием Васильевичем. Это произошло в Ярославле на юбилее Саввы Васильевича Ямщикова. Я обратил внимание на двух симпатичных людей, сидевших в первом ряду, и даже сфотографировал их. Мне сказали, что это выдающиеся фотохудожники, чем я был весьма озадачен. Ведь я был уверен, что всех российских мастеров фотографии уже знаю в лицо: к тому времени перезнакомился со многими российскими фотохудожниками, посещал выставки и сам всерьёз занимался фотографией.

Когда чествование Саввы переместилось за стол, я оказался напротив Ирины Игоревны и Анатолия Васильевича. Мы слушали тосты, выступления замечательных гостей, песни под гитару, а в промежутках обменивались незначительными, как казалось, репликами.

Так, впервые узнав друг друга, мы потом на долгое время расстались. А потом мне пришло приглашение на выставку, посвящённую совместной творческой деятельности Ирины Игоревны и Анатолия Васильевича (это была первая их выставка за 50 лет творчества!), она проходила в Фотоцентре на Гоголевском бульваре. В конце года я был завален делами, но всё отложил и на один день полетел в Москву. Выставкой я был совершенно ошеломлён, хотя до этого видел много выставок, бывал на самых известных фотобиеннале. Прежде всего, я осознал то, что мне как фотографу таких высот никогда не достичь. Каждый снимок — шедевр фотографического умения, творчества, профессионализма и... Божьего промысла. Работы Ирины Игоревны и Анатолия Васильевича и сегодня поражают меня своим необъяснимым совершенством.

Ирина Игоревна тогда же, на Гоголевском бульваре, предложила: «Может быть, вы эту выставку в Тобольск возьмёте?». Договорившись предварительно о показе экспозиции в Тобольске, мы расстались.

Вскоре позвонил Анатолий Васильевич и сказал, что с Ириной Игоревной случилась беда: она слегла после автомобильной катастрофы. Контакты прекратились на довольно долгое время. И вот много позже Ирина Игоревна позвонила сама: «Жизнь наша идёт к завершению. Выставка, которую вы видели, у нас есть в цифровом варианте, мы хотели бы её вам подарить. Может быть, где-то в изданиях вы используете наши фотографии, они вам будут полезны. А нам важно, чтобы наше творчество не ушло от людей вместе с нами».

Я побывал у них дома. Ирина Игоревна не вставала, Анатолий Васильевич показывал мне фотографии, вместе они их комментировали,

рассказывали о своей жизни. И вот тут я задумался о том, что жизнь этой супружеской четы совершенно удивительная, и спросил их, почему они не записали все эти необыкновенные эпизоды своей жизни, свои воспоминания о встречах с выдающимися людьми: Анри Картье-Брессоном, Расулом Гамзатовым, Юрием Казаковым... А истории их путешествий по стране (в то время великому Советскому Союзу)! А случаи в экспедициях, когда они порой оказывались на волосок от гибели...⁵

28.10.2008   Спасибо за весточку, дорогой Аркадий Григорьевич! Представляю, какое было счастье — Ваша поездка к Валентину Григорьевичу⁶. К сожалению, он вернулся в Москву в тяжёлом состоянии. Стала стремительно сдавать память — он не смог мне даже назвать, кто был в Иркутске, было трудно смотреть, как он мучается, ещё мучительнее видеть, как страдает за него Светлана Ивановна. Оба они видели Василия Ивановича Белова⁷ и страшатся той же судьбы. Но Бог милостив. Сейчас Валентин Григорьевич в больнице и, будем надеяться и молиться, чтобы врачи укрепили его.

Буду рад фотографиям из Усолья. Как и вообще Вашим фотографиям, которые люблю и которые однажды всё-таки приведут меня в Тобольск. Непременно приведут.

А адрес вот: 180024, Псков-24, ул. Юбилейная, д. 46, кв. 34.

13.01.2009   Здравствуйте, Аркадий! Это чё же Вы так делаете, дорогой Аркадий Григорьевич? Насилу донёс! У нас уж лета не такие, чтобы эки тяжести носить⁸. А вот развернул и сижу, и вот опять не знаю, что делать — бежать к кому-то показывать? с кем-то обниматься? Петь на морозе? Пойти напиться и целый вечер

---

⁵ Здесь и далее автор сопроводительных текстов и пояснений — А.Г. Елфимов.

⁶ Валентин Григорьевич Распутин (15 марта 1937 – 14 марта 2015) — классик современной русской литературы; многие годы был связан духовными узами родства с фондом «Возрождение Тобольска», дал название его главному издательскому проекту — альманаху «Тобольск и вся Сибирь».

⁷ Василий Иванович Белов (23 октября 1932 – 4 декабря 2012, Вологда) — выдающийся русский писатель, один из крупнейших представителей «деревенской прозы».

⁸ В.Я. Курбатов получил посылку из Тобольска с новыми изданиями фонда.

заказывать ресторанному оркестру «Песню о Ермаке»? Тут надо делать что-то соответственное неожиданности подарка. Чуть даже выжить из ума не грех.

Какое прекрасное человечество собрали Вы в Ежедневнике! И я примазался! А как писать в нём — не знаю. Только глядеть по праздникам. А «Пельмени»!⁹ Тотчас покидал в окно все купленные в магазине и посадил бабу лепить.

А про Ваш с Кривцовым альбомы¹⁰ не утерплю в какую-нибудь публичность напишу. Кричать о них надо — так хороши. Раздавать в качестве государственной награды за выдающиеся достижения в области Отечествостроения. Считаю себя одним из первых награждённых и беспомощно оборачиваюсь, ища заслуг. Ещё и не смотрел как следует — только жадно похватал, там страницу — тут страницу. Жду первого свободного вечера, чтобы разложиться по избе и ничего больше не видеть и ни о чём не думать.

Восьмикилограммовое спасибо, дорогой Аркадий Григорьевич!

Мне тут в одном месте премию обещали (правда, надо до марта дожить) и, коли не обманут и денег хватит на дорогу в Тобольск, сяду и поеду. Хватит откладывать. Я уж так сроднился с городом и с Вами, что словно на Родине не был и ощущаю это как живой укор. Только бы Вы были свободны и нашли для меня дня два-три.

Обнимаю Вас. И бегу смотреть (не утерплю до свободного-то вечера). Ваш В. Курбатов.

---

⁹ Новиков В.Г. Сибирские пельмени: кулинарная повесть [о сибирских пельменях и не только ...] / — Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска», 2009. — 118, [1] с.: ил., фотографии. На авантитуле — Пятнадцатилетию общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» посвящается.

¹⁰ Елфимов А. Ангел Сибири. Кривцов П. Ангел вострубил. Альбомы фотографий (2 книги в коробе) / Вступит. тексты к альбомам: Распутин В.Г. «Возвращение Тобольска», Быков А.В. «Двойная метафора». Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска», 2008; «Ангел Сибири» — это собрание цветных фоторабот об исторических памятниках, сегодняшнем дне города и его окрестностях, выполненных председателем Президиума фонда «Возрождение Тобольска» А.Г. Елфимовым. Подборка видов родного города собиралась им с 1994-го по 2008 г. В альбом включены фотографии из циклов: «Тобольские окна», «Тобольские двери», «Тобольское небо», «Зимние этюды», «Отражение», «Тобольский офорт» и др. Альбом чёрно-белых фотографий «Ангел вострубил» — о православном Тобольске, его людях и друзьях. Преимущественно в альбоме представлена портретная галерея. Автор фоторабот — один из лучших фотохудожников России с мировым именем П. П. Кривцов. Фотоальбомы отпечатаны в Италии, фирмой «График» в Вероне.

23.01.2009 Дорогой Аркадий Григорьевич!

А всё-таки, наверно, я уж в январе не смогу поехать с Вами. Вдруг свалился в Пушкинском Михайловском и вместо того, чтобы писать о Вас и Кривцове, кувыркался в жару и тоске. Насилу выкарабкался и бросился домой. Теперь вот уже оглядываюсь и сажусь за рецензию на ваши альбомы. Тут, главное, кураж не пропустить. А уж когда сердце остынет, потом себя не столкнёшь. Бог послал в утешение немного снега, прибелил грязь, и на душе немного посветлело. Ну, а сойдёт, так у меня ваш альбом есть — разогну, оденусь потеплее и пошёл по горам и лесам!

Обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов.

24.01.2009 Дорогой Аркадий Григорьевич!

Эх, как в пропасть кидаюсь! Уже положил было себе числиться в окончательных стариках и не заглядывать в этакую даль, ограничить карту России Москвой и Петербургом, но вот будто неловкость какую чувствую. Умничал, умничал про Тобольский альманах, а сам ничего в глаза не видел. Давайте попробуем. У нас здесь пятого февраля начинается театральный Пушкинский фестиваль, в котором я уже 15 лет участник и расписан по творческой лаборатории. Но и на день ехать не хочется. Поэтому решил опоздать на денёк-другой и вернуться 7-го февраля (тем более что восьмого внучке семь лет). Значит, тогда получается так: я приеду в Москву, скорее всего, именно 31-го (поезд приходит в семь утра). Отдохну, потому что совершенно не умею спать в поездах, и рвану к Вам на свидание. И мы полети-и-им! А обратно хорошо бы сразу взять билет из Тобольска на самолёт на 5-е (не знаю, когда самолёт вылетает — но когда бы не вылетал — на 5-е), чтобы я 6-го вечером (поезд на Псков в 19 часов) мог выехать в Псков и, как ни в чём не бывало, явиться 7-го на утреннее заседание Лаборатории, притворившись, что два дня просто проспал.

По-моему, больше ничего не надо. Текст про Ваш и Кривцовский альбом заканчиваю и пришлю ещё до своего отъезда.

С благодарностью Ваш В. Курбатов.

25.01.2009 Дорогой Аркадий Григорьевич!

Чего-ито я размахнулся — до пятого-то. Не слишком ли? Если самолёт из Тобольска вечером, то давайте обратно возьмём на четвёртое, а то Вы ведь не оставите меня гостевать одного (хотя я умею это делать прекрасно), всё будет неловко, а у Вас каждый день на счету. Так что смотрите сами. А про альбомы написано вот это. Попробую опять постучаться в «Литературную газету»¹¹.

Жду от Вас весточки в понедельник (про пятое-четвёртое), чтобы самому определиться с обратным отъездом из Москвы.

Ваш В. Курбатов.

■■■■■■ ВСТРЕТИЛИСЬ МЫ С ВАЛЕНТИНОМ Яковлевичем Курбатовым и заместителем главного редактора газеты «Завтра» Андреем Александровичем Фефеловым в Москве, в аэропорту; в Тобольск полетели вместе. Перед посадкой выпили в буфете по рюмочке... Всю дорогу Валентин Яковлевич шутил, очаровав своим искромётным юмором ближайших соседей. В Тобольске я ему устроил прогулки на снегоходе — он гонял, как мальчишка, азартно, что было в его характере. 3 февраля 2009 г. Валентин Курбатов и Андрей Фефелов посадили свои именные липы в парке «Ермаково поле», о котором будет сказано позже. ■■■■■■

07.02.2009 Дорогой Аркадий Григорьевич!

Проснусь от солнца, встающего за Чувашским мысом, попытаюсь спрятаться под подушку. Как же — спрячешься! Пора! А на улице-то «Мороз и солнце! День чудесный!» «Не велеть ли в санки кобылку бурую запрячь?» Нет, не велеть! Сейчас приедет Аркадий Григорьевич, и мы поедem в офис молчать и думать, как нам собрать сегодня в Фонде Лену Швецову¹² и директора нового

---

¹¹ Статья В. Я. Курбатова «Третий центр, или Во свете Твоём» опубликована в №16 (6220) «Литературной газеты» от 15.04.2009. См. приложение — «Валентин Курбатов — об изданиях фонда “Возрождение Тобольска”».

¹² Швецова Елена Прокопьевна — заведующая Музеем печати г. Тобольска; в описываемое время — научный сотрудник Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИАМЗ).

Губернаторского музея и вместе решить, как распоряжаться картинной галереей и новой экспозицией, как не делить, а сделать музей единым, тем более, что Фонд помогал и тем и этим, и это его прямое дело и у них общая духовная программа. И как сделать так, чтобы и в экспозициях было побольше жизни и живого дыхания, как в самом Фонде, чтобы душа там глядела без официальных строгостей. А потом надо ехать вниз — к Государю и думать над тамошней экспозицией, чтобы она была не частно семейной, а имперской, чтобы с порога делалось ясно, что государь не бедный семейный человек с больным сыном и гордой женой, а Государь Ремезовых и Менделеевых, Алябьевых и Перовых, Ершовых и декабристов. И чтобы было видно, что он потому и стал бедным семейным частным человеком, «гражданином Романовым», что перестал быть Государем великих людей. Чтобы из этого и мы для себя какие-то выводы сделали. И Фонд «Возрождение Тобольска» и тут первый, потому что он — Фонд возрождения не памятников, а высокого государева духа, и Николая ему никак не миновать¹³.

А потом (эх, ма-а!) надо ехать к Владыке. Не пить чай за пустой беседой, а думать, как вернуть семинарию из тюремного замка в старое здание, ведь в тюрьме и воздух тюремный (поневоле в окно выпрыгнешь). И как девочек вернуть в епархиальное училище к Захарии и Елисавете¹⁴. И как обустроить в новом музее и зал Ремезова¹⁵, и тронный зал, и зал церкви, чтобы они были пронизаны друг другом, как единым делом, потому что они были детьми единого государства. И как использовать Кремль, чтобы светская и духовная часть не деньги делили, а были умно совместны для общего дела.

---

¹³ 29 апреля 2018 г. в Тобольске для жителей и гостей города распахнул свои двери первый в России государственный Музей семьи Императора Николая II. Объект музейного показа расположен в мемориальном здании бывшего Губернаторского дома, который исторически связан с пребыванием в ссылке Императорской семьи Николая II с августа 1917-го по апрель 1918 г.

¹⁴ Церковь Захарии и Елизаветы — памятник сибирского барокко, возведённый в 1758–1776 гг. в городе Тобольске. В середине 90-х гг. храм в разрушенном состоянии передали в ведение Тобольско-Тюменской епархии, которая и занялась его реставрацией.

¹⁵ Семён Ульянович Ремезов (1642 — после 1721) — выдающийся русский энциклопедист Сибири — картограф, архитектор, строитель, историк, художник, писатель, чья жизнь — от рождения до смерти — связана с Тобольском.

А потом мы собрали бы студентов пединститута и семинаристов вместе и сказали бы о счастье христианской юности и одинаковых педагогических задачах и о том, что Фонд будет звать к ним лучших писателей, мыслителей, художников, церковных деятелей для регулярных совместных встреч и «проектов».

А завтра рванём по улицам Верхнего города для встречи с домоуправами, чтобы они взяли шефство над улицами Нижнего и чтобы жители той и другой части собрали свои домашние фото и бумажные домашние архивы, чтобы лучше сохранить интонацию прошлого, как Родины своего сердца и духа.

Простите, Аркадий Григорьевич, что не пустился в эти мечтания при Вас, потому что надо ведь непременно было брать с собой и Андрея [Фефелова], а он непременно повернул бы в свою молодую сторону, потому что (я заметил) у него скоро готовы ответы на все вопросы, а нам противоречить друг другу было бы «непедагогично» (нас бы на этом и ловили). И ещё — мне кажется, что все презентации книг альманаха «Тобольск и вся Сибирь» надо использовать для того, чтобы собрать как можно большее число попечителей, чтобы они видели отдачу и лучше понимали проблематику, и были бы больше связаны друг с другом сознанием единой ответственности. Не в том дело, кто больше денег даст, а в том, кто вернее почувствует единство и кто уже будет остерегаться делать что-то поперёк или просто «втихую», потому что все в делании братья и чуть чего — стыда не оберёшься.

Спасибо Вам за счастье этих дней, за то, что Город так теперь и полетит в мои сны своим белым верхним лебединым крылом и нижним сереньким — журавлиным.

Поклон Оле и детям.

Ваш В. Курбатов.

10.02.2009

Дорогой Аркадий Григорьевич!

Вы послали что-то долгое и серьёзное. Мой бедный компьютер старался, старался, да и не смог принять это длинное сообщение. Поди, картинки какие-нибудь прилагали? А он у меня деревенский — ему минута уже в тягость. Тексты ещё принимает, а картинки — нет. Так что уж повторите, пожалуйста, основу Вашего

сообщения, а «иллюстрации» лучше простой почтой. Тем более я действительно думаю и думаю о своей поездке и чувствую непрерывную вину, что ничем не помог Вам, гуляя направо и налево. Хоть обратно беги, чтобы хоть что-то исправить.

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

10.02.2009

Спасибо, дорогой Аркадий Григорьевич, всё добралось — кроме фотографий. Но их и посылать не надо — компьютер не поднимет. Текст к юбилею напишу. Тексты Барабановой¹⁶ тоже посмотрю, не торопясь. В редакторы грядущей книги не пойду¹⁷. Я не владею этой профессией, а это профессия (и редкая). А вот предисловие, если не найдётся более необходимого человека, попробую написать, когда получу все тексты и фотографии. Хотя лучше, чтобы написал кто-то влиятельный. Это нужно для дела, для продвижения книги, для авторитета Издательства. А наш брат — это так, виньетка, пустое украшение.

А про деловые встречи это я, конечно, так — от гордости. И от глупости. Я понимаю, как Вы устали от всех попыток. А у чужого человека есть преимущество — он не ведает про противоречия и озабочен одним делом. И тут иногда что-то может и повернуться. Тем более что для обоснования своего вмешательства (а ты кто такой?) я мог воспользоваться удостоверением Члена Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации. Вроде как на службе. И Совет бы меня за это очень похвалил.

Ну, ладно, что было, то было... Я был счастлив — чего ещё!

Ваш В. Курбатов.

¹⁶ Барабанова Людмила Павловна — известный тюменский журналист; едва ли не с первых лет в профессии писала о Тобольске. Автор нескольких историко-краеведческих книг, в т. ч. «Этюды о заповедном городе: 400-летию Тобольска посвящается», «Град Тоболеск» и др.; Л.П. Барабанова выразила желание переиздать её книжку (выходила к 400-летию Тобольска) с моими фотографиями, и когда я сказал, что тексты устарели, стала предлагать сделать новую — с текстами, на которые я попросил взглянуть В.Я. Курбатова.

¹⁷ Утренний ангел / Аркадий Елфимов [фото], Дмитрий Мизгулин [стихи]. — Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска», 2009. — 134, [1] с.: ил., портр., цв. ил.

14.02.2009 Дорогой Аркадий Григорьевич!

Вот что написалось о юбилее¹⁸. Всё боишься повторить других и надеешься выделить что-то своё. И всё равно понимаешь, что мы неизменно будем повторяться. Посмотрите и вычеркните, что покажется неверным или лучше сказанным другими. Авось слова два всё-таки останется. С благодарностью и любовью.

Ваш В. Курбатов.

P.S. Знакомы ли вы с Анатолием Петровичем Секериным?¹⁹ Почему-то он спросил при моём упоминании о Тобольске: не ведома ли мне фамилия Елфимов. Я сказал, что ведома, но развивать не стал — мало ли какие там контексты.

15.03.2009 Дорогой Аркадий Григорьевич!

Вот что написалось о Мизгулине²⁰. Простите, что больше писал о нём, о слове, а не об изображении. Это понятно — передо мной был только текст. Кажется, получилось многовато. Но уж больно важна тема и не хотелось бы говорить в полслова.

Пусть Вас не смущает, что тут больше о Церкви. Сейчас это важнее всего. Это видно и по дыханию последних стихов (даже сборников Мизгулина). Поклонитесь ему и попросите прощения, если ему покажется сочинённое немного простодушным — хочется, чтобы услышали не только тонкие эстеты, а просто читатели. «Иллюстрации» могут быть самые разные — светлые пейзажи, храмы, глухие ворота, чистые небеса, тёмные подворотни, ясные лица.

---

¹⁸ 15-летие общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска».

¹⁹ Секерин Анатолий Павлович — бизнес-консультант, финансист, учредитель центра книжной культуры «Гутенберг». В 2005–2008 гг. организовал в Санкт-Петербурге образовательный проект «Школа завтра». В 2008 г. создал издательство «Ломоносовь». Организатор и участник ряда благотворительных проектов в Пушкинском музее-заповеднике «Михайловское», Псковская область. Является членом Учёного совета музея-заповедника, членом попечительского совета Святогорского Свято-Успенского монастыря (Пушкинские Горы).

²⁰ Предисловие В. Я. Курбатова к упомянутой уже книге «Утренний ангел»; Мизгулин Дмитрий Александрович (1961) — поэт, член Союза писателей России, президент литературного благотворительного фонда «Дорога жизни», сопредседатель редакционного совета альманаха «День поэзии XXI век», член Попечительского совета общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска». В то время — президент, председатель правления ОАО «Ханты-Мансийский Банк».

Может быть, доснять только немного «натюрмортов»: лампы, свечи, тонкий дым кадила, — что позволят снять батюшки, если им сказать, что это не для «картинности», а для читательской молитвы. Если у Вас есть книга Мизгулина «Как будто жизнь не начиналась...», то я бы прибегнул только к ней, потому что последняя «Новое небо» необходимо, я попрошу жену перепечатать стихи. А пока набрасываю в ещё не выстроенном порядке стихи, которые я бы взял, чтобы Вы уже сейчас думали об «иллюстрациях»: «Этот вечер не тронут прогрессом...», «В жизни — всё идёт по плану...», «Жизнь уходит понемногу...», «Мир ночной погрузился во мрак...», «Хватило и зрелищ и хлеба...», «Ночь темна. И дождик блёклый...», «Живём по человеческим законам...», «Перестройка. Перековка...», «Планы партии — планы народа...», «В царстве срама и хама...», «Либо навзничь. Либо — вскачь...», «Пиши, пиши, писатель...», «Зачем, скажи, нудя и мучась...», «Смирил Господь. Болею...», Рождество, «Традиции. Вера. Устои...», «Февраль снаружи и внутри...», «Когда всё валится из рук...», «Вострубят ангелы — пора...», Утренний ангел, «Пока победно шествует эпоха...», «Дни нашей жизни коротки...», «Встрепенёт притихнувшую душу...», «Покуда хватало здоровья и сил...», «Мы жили с Господом в разлуке...», «Не хотел бы подводить итоги...», «А вспомнишь — на память приходят не даты...». И ещё отберу стихов тринадцать, чтобы было сорок. Больше читатель не услышит — покажется, что уже читал. Хотя тут, конечно, надо учесть, что человек будет возвращаться к книжке не раз и открывать на разных стихах. В «Движении души» было 35. В названии был бы хорошо «Утренний ангел», как обещание...

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

17.03.2009

Дорогой Аркадий Григорьевич!

Вот ориентировочное оглавление книги «Утренний ангел». Если покажется много, уберите пяток стихотворений, которые вам самому покажутся менее всего пригодными для фоторяда. Стихи отыскиваются легко. Прошёл по начальным строкам и готово — это вернее, чем отмечать страницы — тут уж точно видишь, что выбрано.

Обнимаю и благодарю Вас. Устроители Пушкинского Праздника в Михайловском, когда я показал им стихи, загорелись позвать Дмитрия на этот Праздник. И пусть.

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

30.03.2009 Дорогой Аркадий Григорьевич! Деньги пришли. Спасибо! Мне так ещё никогда не платили, и я, признаться, смутился. Боюсь набаловаться. А тут ещё премию получил — Горьковскую²¹. Гуляй — не хочу. Вручала САМА Л.А. Путина. Оказалась проста, мила и естественна. Мы всласть попели потом русских и советских песен и расстались с нежностью. А пишу я вот чего. Устроители Пушкинского Праздника поэзии в Михайловском по моей наводке захотели пригласить Дмитрия Мизгулина принять в нём участие. Скажите мне, пожалуйста, его телефоны, чтобы Устроители могли позвонить ему.

Ваш В. Курбатов.

07.05.2009 Спасибо, Аркадий Григорьевич!
Макет получил. Есть дивные страницы. Жалею только, что не могу посмотреть в реальном виде, при делении страниц, как смотрятся порознь та и эта сторона страницы. Не хватило мне тревоги, которая разлита в поэтической части книги, духовного беспокойства. Красота всё выравнивает и успокаивает. Вероятно, надо было попробовать строить на контрасте большой фотографии и вставки. И некоторые страницы хотелось бы видеть всё-таки помрачнее, пожестче, чтобы «не подводить поэта», не уступать драматизма, которым дышит книга. Мне больше по сердцу страницы, которые выдержаны в одном колорите, без резких цветовых перепадов. И Вам, вероятно, было бы интереснее сделать книгу интонационно жёсткую с отчетливо новым изобразительным качеством. Может быть, поработать немного с компьютером, хотя

---

²¹ Валентин Курбатов стал лауреатом IV Горьковской литературной премии за 2008 г. в номинации «Мои университеты». Награду он получил за высокий профессионализм и беззаветное служение изящной словесности. Торжественная церемония награждения лауреатов прошла в Центре развития русского языка 25 марта 2009 г.

Вы этого не любите — вирировать, увести в негатив, соляризовать. Но тут нужна такая мера, чтобы всё не «поехало», что и не знаешь даже — надо ли пробовать. Может быть, удастся найти жёсткое решение обложки? А общее впечатление (простите!), что художник не почувствовал книги, не услышал поэта. И вообще не знает религиозного беспокойства. Красота не всегда спасение, иногда она — усыпление. А пейзажи опять смотрел с нежностью, отодвигал стихи и вставки и искал целой страницы — так просилась душа «домой» — в Тобольск.

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

02.07.2009 В каком вагоне-то едете, Аркадий Григорьевич? Ахломов²² в одиннадцатом, а Вы? Чтобы мы поскорее «нашлись».

В нетерпении встречи. Ваш В. Курбатов.

18.07.2009 Нет ли у Вас дел в Иркутске, дорогой Аркадий Григорьевич? А то я намереваюсь просидеть там чуть не две недели, да неделю на буксирчике по Ангаре с Валентином Григорьевичем [Распутиным]. Эх, мы бы с Вами сняли сюжет! И ка-а-ак бы напечатали в нашем альманахе! А то уж я соскучился. А Вы теперь Бог знает когда приедете...

Обнимаю Вас. Приветы Ольге и милым Лизе и Кириллу.

Ваш В. Курбатов.

21.08.2009 Дорогой Аркадий Григорьевич! Поздравляю Вас и Мизгулина с замечательным текстом Небольсина²³. Вот теперь альбом и

---

²² Виктор Васильевич Ахломов (15 марта 1938 – 15 апреля 2017) — советский и российский фотожурналист, заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат премии Союза журналистов РФ.

²³ Сергей Андреевич Небольсин (13 ноября 1940 – 3 января 2022) — советский и российский филолог, литературовед-пушкиновед и писатель, специалист по теории литературы, русской литературы в международных взаимосвязях. Доктор филологических наук (2002), профессор. Ведущий научный сотрудник и заведующий отделом теории литературы ИМЛИ им. А.М. Горького РАН.

полон и целен и ясен. Мне, к сожалению, не хватило ни умишка, ни высоты. Тут вот и видно, что значит порода и настоящее разумение культуры. Тут и видишь своё любительство. Теперь надо спокойно снять мой текст и оставить один Небольсинский. Он держит всё. Книга становится кристаллом. А я свой непременно использую (мы, старые евреи, экономны). Вот выйдет Ваша книга, и я напечатаю его как «рецензию». И будет благо книге и делу.

А спросить хотел вот о чём. Не лягут ли Ваши дороги во Псков в конце сентября, когда мне возьмёт и исполнится (29 сентября) 70 лет. Мы бы и посидели на завалинке. Да, может, ещё бы два-три человека приехали — и у меня был бы праздник. У Гены Сапронова²⁴ (уже заботами дочери и двух сотрудников издательства) обещает выйти сочиненная ещё нами с Геней (завтра сорок дней, как его нет) книжка моих дневников, так что «юбилей», Бог даст, встретим новым изданием и будет хороший повод встретиться в библиотеке. Я был бы очень рад Вам. Ещё раз поздравляю с замечательным предисловием к альбому.

С любовью Ваш В. Курбатов.

21.10.2009

Дорогой Аркадий Григорьевич! Не могу наглядеться на «Тобольское серебро»²⁵. Сам альбом выделкой и дизайном, качеством фотографий, шрифтами и полями достоин тобольских мастеров серебряного дела. Он сам есть произведение искусства, которое можно часами разглядывать, лаская страницы, как, верно, авторы ласкали сами оригиналы. Ну, может, так оно и надо, всякому веку своё — тогдашним тобольским художникам чудеса золочения и

---

²⁴ Геннадий Константинович Сапронов (10 мая 1952 – 14 июля 2009) — журналист, издатель. В 1991 г. организовал издательскую фирму «Офсет», с 1999 г. выпускал продукцию под маркой «Издатель Сапронов». Был членом Ассоциации книгоиздателей России. Достижения в искусстве оформления книг «Издателя Сапронова» неоднократно отмечались дипломами Российской ассоциации книгоиздателей, престижных национальных конкурсов. За годы существования издательства вышли в свет более 100 наименований замечательных литературных произведений.

²⁵ Тобольское серебро с XVIII в. до наших дней. Из собраний государственных музеев и частных коллекций: альбом: коллекционное издание. — Тобольск: Изд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска», 2009 (Санкт-Петербург: Printissa). — 283. [5] с.; илл. — 50 номер. экз.

чернения, монашеского смирения металла, готового под рукой мастера, как под Господней рукой обратиться в цветок и птицу, нателный крест и дароносицу, а нынешним художникам — благодарное возвращение тех чудес нашей памяти и народной гордости, чтобы не один тобольский купец или абалацкий игумен мог насладиться дорогим предметом, а всяк мог увидеть его и погордиться. Тем сделать, а этим восславить. С одной гордостью за родной город, милую землю и небесное совершенство человека. Не могу иначе передать чувство, как счастливое замешательство. Каждый предмет от водосвятной чаши до табакерки стоит поэмы. Во всём какая весёлая молодость времени, какая радость открытой, словно только созданной земли, когда карты Сибири чертятся даже на табакерках: это наше! это сделали мы! И удаль охот, и «кавалество и дамство», и — так естественно — цитата из гомеровой «Одиссеи», и во всём и через всё — благодарение Богу и восхищение жизнью. И всё это на пяточке земли, который, однако, признавал себя всей землёй, потому что и был ею духом. Тобольск и была вся Сибирь — её сердце, её воля и ум, её власть и молитва, потому что без этих чувств не сделаешь таких молодых чудес. Любовь и свобода, достоинство и отвага, честь и дерзость глядят из каждой вещи, как лицо русского человека той поры, как лучший портрет его славы и силы. Господи, неужели это мы были так чисты и свободны, так смелы перед миром, так гордо послушны Богу? Фонд «Возрождение Тобольска» каждым изданием надеется напомнить нам об этом, вернуть забытое чувство ренессансной отваги в прежней полноте, чтобы мы однажды снова без надмения, без национального чванства, а только с радостным удивлением и благодарностью Богу могли повторить за светлейшим Суворовым в детском полёте: «Мы русские — какой восторг!»²⁶

А сегодня получил Ваши диски²⁷. Какой замечательный день увезли Вы из Пскова, как город отозвался Вам красотой! И только горько пожалел, что назавтра Вы не были с нами в Печорах и

---

²⁶ Во многом эти высокие слова В.Я. Курбатова относятся к Е.Н. Семёнову — бывшему главному художнику издательства «Искусство», автору дизайна книги «Тобольское серебро».

²⁷ 7.10.2009 г. отправил В.Я. Курбатову 6 дисков с фотографиями, в т.ч. и с его юбилея.

Изборске, чтобы земля наша уехала в Тобольск вся с братским приветом любви, ведь мы одно тело.

С бесконечной благодарностью Ваш В. Курбатов.

25.11.2009 И ничего, Аркадий Григорьевич, — и хорошо, что пишут. А автор ядовитой статьи и всегда был таков. Тут ещё и его издательская ревность, так что пускай их! Значит, видят и, значит, читают. Чего же больше. Дара это ни у Мизгулина, ни у Вас не отнимет. Работа честная. Ну и всё.

А Вы, верно, на нон-фикшне? Впервые выставка для меня проходит без Гены, и я на неё не поеду. Будет очень тяжело.

Обнимаю Вас. Ваш В.Курбатов.

05.12.2009 Нет, Аркадий Григорьевич, не смогу я быть в Исторической библиотеке. Ложусь в больницу до Нового года, чтобы привести в порядок совсем разгулявшееся сердце. Каталог Ваш получил. Тут и видно, как велика, системна и последовательна Ваша работа.

А вот как накоплю здоровья, ка-а-ак рвану в Тобольск! Там, поди, сейчас зима и белейшие снега, а у нас всё дожди и плюс восемь. И тут и у самых здоровенных людей сдают нервы.

Обнимаю Вас. Ваш В.Курбатов.

13.01.2010 Дорогой Аркадий Григорьевич! Я забыл, писал ли я Вам, что в Москве есть замечательный поэт Владимир Коробов²⁸, рождённый в Тобольске. У него и цикл стихов есть «Возвращение в Тобольск» (Дружба народов. 2007. № 9). Вот несколько строк оттуда:

Заледеневшею рукой
в холодном храме
поставь свечу за упокой —

---

²⁸ Коробов Владимир Борисович (24 апреля 1953 – 26 ноября 2011) — русский поэт, эссеист и переводчик, критик, драматург.

отцу и маме.
 Благодаря им был рождён
 в сем дивном граде
 и летописцем занесён
 в его тетради.

Что если бы Фонд издал его книжку да с Вашими фотографиями?²⁹ Чтобы постепенно складывался цикл альбомов стихов и фотографий, как явление ещё совсем новое для одного города. А уж я бы предисловие сочинил, потому что люблю этого классического в красоте и чистоте поэта, хотя мы и незнакомы с ним «в натуре». Можно ли отписать ему ваш адрес, чтобы он послал Вам свою книжку, а Вы бы уж сами посмотрели. Ни одну сторону это ни к чему не обязывает, а познакомиться землякам и хорошим людям никогда не помешает.

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

07.02.2010

Спасибо, Аркадий Григорьевич, получил «фотку» Гаврюшкина³⁰. Чудо, как хороша! Хотя я бы сделал, вероятно, такое же лицо при такой цифре. Правда, я бы сделал его и при предшествующих «работах». На самом деле для меня, старика, это страшное обвинение нынешнего дня. Я не знаю, как после этого жить. Люди голодают, маются в бездомье, а ЭТИ покупают фотокарточки за цену нескольких человеческих жизней. Давайте «ходить мимо», а если возьмут и купят за эти деньги, тотчас тайком отдать их тем, кто ни сном, ни духом не виноват в «новостях жизни». Или лучше не отдавать — они не сумеют ими воспользоваться, а вложить в какое-то живое и спасительное человеческое дело. Хотя и тут видно, какой я дурак — люди, которые думают об этом, никогда не будут участниками этих аукционов.

Простите. Ваш В. Курбатов.

---

²⁹ Изменчивый пейзаж / А.Г. Елфимов [фото], В.Б. Коробов [стихи]; [вступ. ст. В. Курбатова]. — Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска», 2010. — 115, [4] с.; ил. — (Коллекционное издание).

³⁰ Гаврюшкин Игорь Валерьевич — известный в Санкт-Петербурге и Пскове культуртрегер, бывший советник по культуре губернатора Псковской области А.А. Турчака.

- 02.04.2010   Дорогой Аркадий Григорьевич! Загляните-ка в храм-то. Там уж поют «Воскресения день и просветимся торжеством и друг друга обьемем». Обьемем! И просветимся! Коробов прислал свои стихи. Говорит, что послал и Вам. Смотрите — если надумаете продолжить серию стихотворных фотоальбомов — пишите. Я с радостью попробую что-то написать. Пришлёте мне «контрольки» фотографий (то есть сократите их, чтобы объём был поменьше, и чтобы я немного представлял видеоряд — хоть часть его). А пока — с Пасхой. Со светлым Христовым Воскресением. Дай нам Бог повидаться в этом году.
Христос Воскресе! С любовью Ваш В. Курбатов.
- 19.10.2010   Вот, дорогой Аркадий Григорьевич, что сочинилось про Коробова. По замыслу ничего, по исполнению хуже. Авось, потом выровняется. Сейчас сажусь за Распутина. Помоги, Боже. Тут будет совсем трудно.
- 23.10.2010   Дорогой Аркадий Григорьевич! Дела подстёгивают меня, поэтому, чтобы не увязнуть, я попытался написать о Распутине сейчас. Да и Вам, чуёт моё сердце, хочется сделать его поскорее. Он храбрится, но не очень здоров, и всякое подтверждение его деятельного существования помогает ему крепиться и прибавляет силы.
Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.
- 29.10.2010   Дорогой Аркадий Григорьевич! Я не знаю, послал ли Вам Коробов сокращённый вариант текста, и на всякий случай пересылаю Вам то, что он прислал мне. Дай Бог, чтобы всё сложилось. Может выйти хорошая серия. Заинтересованные сибирские поэты потянутся к Вам с толстыми кошельками, борясь за право быть изданными в ней. А Вы будете привередничать и просить переделать строку за строкой, чтобы стихи не уступали красоте фотографии.
Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

27.12.2010

Спасибо, дорогой Аркадий Григорьевич! Ахломов передал мне Ваши книги. И вот я скитаюсь по Бразилии — такой живой, бедной, богатой, несчастной, счастливой. И только напрасно ищу её великого футбола — какая же Бразилия без футбола? Это уж Россия какая-то! А без шуток — альбом чудесно живой, человеческий, как и Ваш дневник³¹. Одна «карточка» живёт во мне отдельной жизнью — как мальчик бежит берегом моря за двумя девочками. Не нагляжусь. И жалею, что она попала на разворот, а то бы уж давно переснял и выдавал за свою — такая в ней ненаглядная живопись, как у какого-нибудь английского Уистлера³². Перелистнул уже нетерпеливо и календарь³³. Тут бы надо в конце списочек персон, почтенных отдельной страницей, — стало бы ясно, что это какая-никакая современная история, а не просто товарищи автора альбома. Страничку можно составить и сейчас и разослать этим «персонам», чтобы они почувствовали, что они братья по общему делу.

С новым годом, дорогой Аркадий Григорьевич! Спасибо за несказанные подарки!

С нежностью к Вам Ваш В. Курбатов.

22.01.2011

Дорогой Аркадий Григорьевич! Как-то Ирина Игоревна Стин (Царствие небесное!) говорила, что Вы хотите издать их альбом с Анатолием Васильевичем. И просила меня написать для него вступление. Теперь с её кончиной и болезнью Анатолия Васильевича всё переменилось. Но я не смел не исполнить её просьбы. И вот на всякий случай посылаю Вам этот текст³⁴. Не сочтите это ни просьбой, ни «подсказкой», а примите только как исполнение воли близкого нам обоим человека.

С любовью Ваш В. Курбатов.

---

³¹ Елфимов А. Г. Бразилия: Дневник путешественника из Сибири. — Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска, 2010. — 144 с., илл.

³² Вероятно — Джеймс Эббот Мак-Нейл Уистлер (1834–1903) — американский и английский художник, мастер живописного портрета, а также офорта и литографии.

³³ Ежегодный календарь фонда «Возрождение Тобольска».

³⁴ См. приложение — «Валентин Курбатов — об изданиях фонда „Возрождение Тобольска“».

02.02.2011 Получил, получил, Аркадий Григорьевич! Доехали и Мальта³⁵, и Папка с тетрадами. И экслибрис!³⁶ Долговато, конечно, ехали, но вот — передо мной. Виктор Петрович Астафьев³⁷ в этих случаях всё время приговаривал «как ни болела, а померла». Доехали и, слава Богу! И душа опять сорвалась — и к Вам. Так бы и сбежал по взвозу в милый деревянный город и мёрз, мёрз, чтобы потом тем слаще глядеть в окно тёплого номера. А сейчас пока Мальтой греюсь. Так замечательно полно, что и ехать не надо — много ли больше мне там покажут, чем я увидел у Вас. Ну, моря нет, так велика беда — набухал в ванную воды да малость синьки для цвету — вот тебе и Мальта.
Обнимаю Вас. С нежной благодарностью Ваш В. Курбатов.

12.02.2011 Вот что значит нечувствие-то к слову у нашего брата-критика. Учи нас, учи, а всё так дураками и помрём. Не «дыхание» у Валентина, а мощнее и вернее — «благодать». Значит, так — ОТЦОВСКАЯ БЛАГОДАТЬ БАЙКАЛА³⁸. Простите, Аркадий Григорьевич.
Ваш В. Курбатов.

В ПИСЬМЕ ОТ 16.02.2011 Г. МНОЙ БЫЛА высказано сомнение в правильности того, что ставим статью «Слово о Распутине», а также намерение поставить в книгу гениальную фотографию П. П. Кривцова, где Светлана Иванова как крылом накрывает голову Валентина Григорьевича.

---

³⁵ Елфимов А. Г. Мальта [Текст]: Фотоальбом. — Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска», 2010. — 251 с.: цв. ил., карты, портр.

³⁶ Книжные знаки Аркадия Елфимова [Текст]: экслибрис / [авт. вступ. ст. и сост. Т. Л. Леонидова]. — Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска», 2010. — 54, [1] с.: ил., портр., цв. ил.

³⁷ Астафьев Виктор Петрович (1924–2001) — русский писатель, эссеист и драматург, сценарист. Герой Социалистического Труда (1989). Лауреат двух Государственных премий СССР (1978, 1991), Государственной премии РСФСР имени М. Горького (1975) и двух Государственных премий РФ (1995, 2003 — посмертно). Член Союза писателей СССР. Участник Великой Отечественной войны.

³⁸ Распутин В. Г. Отцовская благодать Байкала: [Очерки Валентина Распутина] / [ред.-сост. Н. М. Полунина; фот. А. Г. Елфимова]. — Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска», 2011. — 246, [1] с.: цв. ил., портр.; 25 см. — (Библиотека альманаха «Тобольск и вся Сибирь»).

16.02.2011 Дорогой Аркадий Григорьевич! Мне показалась очень «сдержанной», чтобы не сказать, бедной — обложка. Не лучше ли был бы тот вариант, который внутри после посвящения 300-летию Иркутска (светлый). Скромная обложка хороша для текстовой книги, для исследования о Байкале и не очень увлекательна для фотоальбома. «Слово о Распутине» меня тоже смущает. Тут кто-то из нас лишний: или я, или Слово. Или оно должно быть первым, потом перебивка и дальше моё сочинение. Или отнести его в конец перед справкой о Вас. Два «предисловия» подряд — это перебор. И потом тот, кто берёт книгу Валентина Григорьевича, кажется, знает о нём больше, чем мы все.

Вы говорили, что в альбоме будут фотографии Валентина Григорьевича на Байкале. Я их не нашёл. Их бы непременно надо было хоть две-три, иначе моё «Двое» просто не имеет смысла. Их надо увидеть вместе — этих «двоих». Да и «отцовство» Байкала предполагает и карточку «сына», чтобы это «отцовство» не было отвлечённо всеобщим, а было сначала конкретным. А уж потом и нашим — через него.

А фотографии прекрасны! Жалко, что защищены. Я бы утащил каждую на рабочий стол компьютера и больше уж на Байкал и не ездил — мне бы хватило. Простите.

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

18.02.2011 Похоже, я Вас огорчил, Аркадий Григорьевич, своими вторжениями в «процесс». Наплюйте и забудьте! Тут у кого не спросишь — всяк предложит свой вариант. Нашего брата не переслушаешь. Книга уже есть и нечего тут. Вот только всё-таки предложил бы развести моё предисловие и «Слово о Распутине». Может, начать со «Слова», а меня как раз отвести в конец, чтобы читатель мог сам увидеть этих «двоих».

Ваш В. Курбатов.

27.06.2011 Дорогой Аркадий Григорьевич! Календарь — вещь благая и высокодостойная. Но у меня всё равно возникает малое примечание. Все поименованные люди достойны, но они возможно (да и на-

верно — никогда не будут все знакомы друг с другом — таковы уж русские пространства) и всякий раз, встречая на столе с утра незнакомого человека, будут смущаться присутствием чужого лица — оно будет жить с Вами целый день и отчего-то вызывать досаду и торопить следующий день, чтобы увидеть просто милый мир и обрадоваться ему. Посему (двоеточие) предлагаю не простое брюзжание, а взять, да, скажем, и поместить нашего брата в уголке пейзажа с малым примечанием — писатель, фотограф, нефтяник. И нам в пейзаже будет хорошо (мы будем частью Родины) и пейзажу с нами хорошо, потому что он увидит, что его населяют порядочные люди. Потому что главное-то на странице всегда Родина, а мы сбоку (а то зазнаемся, а это русскому человеку вредно). На 15 марта прибавил Валентина Григорьевича Распутина (кроме Вити Ахломова) — они на русском просторе не подерутся. Да и в других случаях (догадываюсь) иногда будут сходиться по двое — вот пейзаж их и примирит. А в Иркутске после наших вечеров нам пришла записка, которая для меня лучше всякой медали: «Дядьки, вы полный восторг!» Значит, не зря эти вечера с Геной [Сапроновым] затевали и, значит, не зря продолжаем.

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

КАК-ТО ПОСМОТРЕЛ ПАРУ ПЕРЕДАЧ с Вениамином Смеховым и подумал: вот бы он прочёл «Конька-Горбунка» П.П. Ершова, может, и есть эта сказка в его репертуаре. Полагал, что Валентин Яковлевич был с ним знаком, поскольку со Смеховым дружил Савва Васильевич Ямщикова.

06.07.2011 Нет, Аркадий Григорьевич! Мы не знакомы со Смеховым³⁹. В Михайловском раз пересеклись. Он подарил мне диск с пушкинскими текстами, как подарил бы другому, кто оказался в это мгнове-

---

³⁹ Смехов Вениамин Борисович (1940) — советский и российский актёр театра и кино, режиссёр телеспектаклей и документального кино, сценарист, телеведущий, литератор.

ние рядом. По-моему Вам просто надо постучаться на Таганку, спросить его и просто предложить то, что Вы хотите. И всё само собой и устроится. Про нашу встречу боюсь загадывать — у нас нет билетов на поезд. Добрые тётеньки стараются, но, похоже, ничего не выйдет. Простите, если опять не повидаемся.

Ваш В. Курбатов.

08.08.2011 Нет, Аркадий Григорьевич, не буду я писать о «газовиках». Это будет уж очень притянута. И сразу будет видно, что и не бывал ни разу и «предмета» не знает. Да и им не велика честь, что напишет кто-то, кого они в глаза не видели. Так что уж готовьте издание, как задумали с Павлом [Кривцовым]⁴⁰. А читателям и зрителям будут важны вовсе не тексты, а — есть ли они в героях или нет. И это не к укоризне, а только к правильному пониманию «жанра». И мы-то ведь (такие умные и взрослые), получая новые альбомы наших товарищей, почти бессознательно ищем своих изображений. И только не найдя их, вчитываемся в текст, ища в нём провалов. Если меня нет, так разве может быть текст умён и глубок?

Простите. Ваш во всё́м другом готовый тотчас броситься на помощь В. Курбатов.

12.10.2011 Дорогой Аркадий Григорьевич! С тревогой посылаю предисловие к Вашей с Валентином Григорьевичем книге «Возвращение Тобольска»⁴¹. Нарочно посылаю пораньше, чтобы у Вас было время сделать замечания, а я, Бог даст, успел бы сделать поправки.

Господи, помоги нам всем! Ваш В. Курбатов.

---

⁴⁰ Книга «Трудовая доблесть» — плод совместного сотрудничества фонда «Возрождение Тобольска» с П.П. Кривцовым, чьи фотоработы посвящены нефтяникам и газовикам Сургута, первопроходцам новых времён, людям, в чьей судьбе, по словам Валентина Распутина, судьба всей земли. Издание отмечено званием лауреата Тюменского регионального конкурса «Лучшая книга года – 2012» в номинации «Лучшая корпоративная книга».

⁴¹ Распутин В.Г. Возвращение Тобольска: [цельногравированная книга (отпечатана с медных досок), выполнена в технике офорта, акватинты] / В.Г. Распутин; офорты Н. Казимова. — Тобольск: Возрождение Тобольска, 2012. — 14 с.: [20 л. с текстом, 7 л. ил.]. К экз. № 1–30 прилагаются одна из 30 медных досок. Авторы статей: Л. В. Родионова, В. Я. Курбатов. Редактор Е. С. Зашихин. Дизайнер В. Е. Валериус.

- 13.10.2011   Спасибо за добрые слова, Аркадий Григорьевич! Бог даст, ещё поработаем. Да и до Тобольска всё не оставляю надежды доехать. Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.
- 26.11.2011   Дорогой Аркадий Григорьевич! Болею. Не выхожу из дому третью неделю — бронхи и лёгкие. Должен был быть в Чусовом⁴². Никуда не тронулся. И никак не выправляюсь. Очевидно, это сказалось и на вот этой попытке выполнить давнее неуверенное обещание написать немного о новой серии⁴³. Написать-то написал, а кому показать — не знаю. Бывали у меня два товарища в «Лит. газете». Оба по разным причинам уволились. Теперь постучаться не к кому. Никого не знаю. Но, кажется, кто-то был у Вас, кому Вы передавали книги? Всё равно ведь надо показывать обложки — тут это важно. И Вы, вероятно, будете на нон-фикшн. Прямо отдать текст всегда надёжнее — труднее отвертеться.
Простите, что вышло не очень ловко.
Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.
- 06.01.2012   Добрался, добрался сегодня календарь, Аркадий Григорьевич! Бегу хвалиться всем, кто попадает на улице, потому что одному радость носить трудно. А народу, народу прибавилось! В одном календаре — целое человечество добрых людей! Эх, всех бы перезнакомить друг с другом. Мы бы ИМ показали! С Рождеством Христовым! У Вас, поди, снега? А у нас — осень. Дождь и дождь. И грустно — сил нет.
Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.
- 11.01.2012   Дорогой Аркадий Григорьевич! Не умею я скачивать из интернета — ума нет дак... Может быть, можно прислать вёрстку так —

---

⁴² Валентин Яковлевич родился в селе Салаване Куйбышевской области (ныне — Новочеремшанск Ульяновской области), в Чусовом (куда переехали родители) провёл детство и юность, во Пскове остался жить после службы в армии, потому что очень понравился этот город.

⁴³ Библиотека альманаха «Тобольск и вся Сибирь».

прямо на адрес. Или научите, что делать при скачивании. Книжку Коробова можно передать прямо мне 22-го января. Я буду в этот день у Вити Ахломова проездом из Суздаля. А уж я передам в их Союз. У Вити бы и повидались. И про аллею поговорили.

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

11.01.2012

Может быть, Аркадий Григорьевич, разбить «Аллею» на художников, писателей, учёных?⁴⁴ Тогда можно было бы каждый раздел предварить эпиграфом из тех стихов, которые Вы приводите в конце. Скажем общий эпиграф ко всей книге из А. Хомякова: «Мы дружбе здесь воздвигнем // Храм священный...», потому что это лучше всего передаёт идею замысла — подлинно храм дружбы. Или из В. Гофмана: «...меж лип старинных // И много встреч, и много лиц...». Поэтов можно было предварить: «где русских лип аллеи // лет романтических затей?». А скажем, художников из М. Кузмина: «на золотую липу в небе жёлтом...». Или из Белого: «Так в листья лип, // Провиснувшие, — Свет // Дрожит, дробясь, // Как брызнувший стеклярус»; «других» людей (политиков, священников) из «какого-нибудь» Эренбурга: «были липы, люди, купола...». Составитель может выбрать сам по вкусу — слава Богу, текстов достаточно.

У меня ничего другого о Тобольске, кроме того, что приводите Вы, нет. Может, ещё Знаменский, но у меня уже нет этого текста. Больше ничего умного сказать не могу, — где возьмёшь ума-то на восьмом десятке?

Может, и общее название «Храм священный» на фоне фотографии аллеи, а в подзаголовке тут же и эпиграф-объяснение из

---

⁴⁴ Речь идёт об издательском проекте фонда «Возрождение Тобольска» — «Дружбы храм священный», посвящённого липовой аллее в парке «Ермаково поле». Данная книга находится в стадии предпечатной подготовки, представляет собой своеобразный мозаичный образ нашей общей Родины, развёрнутый в пространственно-временных координатах. Это — сборник статей, очерков, эссе, стихотворений, репродукций картин, художественных фоторабот и прочих материальных свидетельств российской культуры, истории, государственности. Авторы объединяет то, что все они, в течение нескольких лет, стали соавторами создания в Тобольске уникальной липовой рощи, заложенной по замыслу председателя президиума фонда «Возрождение Тобольска» А. Г. Елфимова классиком русской литературы Валентином Григорьевичем Распутиным.

Бунина «меж лип старинных и много встреч и много лиц». Может, на обложке и часть фотографий героев с липками в руках (таких достаточно), уходящих «аллеей» в глубину от Распутина к какому-нибудь микробно незаметному Курбатову. Да, про Курбатова. Вот моя более пышная (хоть и более короткая биография для справки).

Ваш В. Курбатов.

24.01.2012 Дорогой Аркадий Григорьевич! Вы спрашивали телефон вдовы Владимира Коробова. У меня почему-то оказались записаны два и который из них вернее — не знаю. Но один уж точно верен. <...> Зовут её Людмила Николаевна Абаева⁴⁵ — она тоже хороший поэт. Витя Ахломов очень хвалил Вашу с Коробовым книгу. Говорит, что успел прочитать и посмотреть два раза и тоже почувствовал в ней новое качество. Значит, ура! И Наше дело правое!

Обнимаю и благодарю Вас. Ваш В. Курбатов.

10.02.2012 Спасибо, дорогой Аркадий Григорьевич!
Получил и роскошного Мишу Трофимова⁴⁶ (вероятно, это лучшая из его книг по оформлению)⁴⁷, и Евангелие Достоевского⁴⁸. Сразу кинулся глядеть отчёркивания, загнутые страницы, «отметки

---

⁴⁵ Людмила Николаевна Абаева (14 сентября 1951 – 2 ноября 2012) – российская поэтесса, переводчица.

⁴⁶ Трофимов Михаил Ефимович (14 октября 1936 – 19 апреля 2019) – русский поэт, член Союза писателей СССР (1972). Ему был дан талант редкого поэтического качества: пристрастие к стихии народного поэтического мира и умение организовать эту стихию в больших поэтических формах. Лепил из глины разные фигурки, в том числе, героев своих стихов: хабалду, лешего, чупыря, барана-охотника... Особенно были любимы малышами книги Трофимова «Звонышко» и «Жили на озере Чупыри», ребята постарше с удовольствием запоминают буквы и учатся читать, познают тайны родной сибирской природы, листая вслед за автором «Лесную азбуку». В 2014 г. фонд «Возрождение Тобольска» издал книгу избранных произведений Михаила Трофимова «Медвежья родина» (Библиотека альманаха «Тобольск и вся Сибирь»). См. приложение – «Валентин Курбатов – об изданиях фонда „Возрождение Тобольска“».

⁴⁷ Трофимов М.Е. Лесная азбука: [стихи]/худож. А.Н. Аземша. – Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска», 2011. – 82 с.: ил.

⁴⁸ Евангелие Достоевского: В 2 т. /Подгот., статьи и коммент. В.Н. Захарова, Б.Н. Тихомирова. – М.: Русский мир, 2010. – 1136 с. Т. 1. Личный экземпляр Нового Завета 1823 г. издания, подаренный Ф.М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850 г. Т. 2.

острые ногтей», и как будто заново читать известные страницы. Благодарю Вас и всё тоскую, тоскую по Тобольску с каждой новой страницей календаря.

Ваш В. Курбатов.

20.02.2012 Вот, дорогой Аркадий Георгиевич, моя бедная биография, о которой Вы просили. Выберите из этих торжественностей, что лучше ляжет в контекст издания. Перебор тут не годится. Чем больше таких пышностей, тем человек меньше верит в их значимость. Семён Гейченко⁴⁹ показывал свою визитку, где было сказано, что он и директор, и писатель, и Герой Соцтруда и депутат. А потом показывал старую карточку, на которой от руки было написано «Пушкин». Пушкину хватало такой визитки. А нам вот уж фамилии не хватает.

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

05.03.2012 Нет, дорогой Аркадий Григорьевич, не смогу я быть в Иркутске 15–16⁵⁰, потому что скорее всего буду в Москве. У нас там

Исследования. Материалы к комментарию; Адресат приобрёл несколько экземпляров этого издания и раздарил его своим друзьям. Позднее фондом издано: Евангелие Ф. М. Достоевского: в трёх томах. — Тобольск: Возрождение Тобольска, 2017. — 100 экз. Т. 1: Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет: факсимиле личного экземпляра Нового Завета 1823 г. изд., подаренный Ф. М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850 г.: первое издание [предисл. А. Г. Елфимов; Описание маргиналий: В. Н. Захаров, В. Ф. Молчанов]. — [2017]. — 620 с.: факс.; 19 см + 3 кн. — Текст старослав. Т. 2: Исследования. Материалы к комментарию. Сибирская тетрадь Ф. М. Достоевского / [сост. В. Н. Захаров; тексты В. Н. Захаров, В. Ф. Молчанов, Б. Н. Тихомиров, В. П. Владимирцев]. — [2017]. — 1181, [3] с.: ил., портр., факс.; 23 см. — Сост. указан на обороте тит. л. — Часть текста старослав. — Библиогр.: с. 1176–1178 и в примеч. — Указ. произведений Ф. М. Достоевского, упоминаемых в коммент. к «Сибирской тетради»: с. 1173–1175. Т. 3: Свидетельства. Критика. Богословие / [сост. В. Н. Захаров; тексты Г. В. Беловолов, А. П. Дмитриев, В. Н. Захаров]. — [2017]. — 759, [1] с.: портр.; 23 см. — Сост. указан на обороте тит. л. — Библиогр.: с. 758–759 и в примеч. Редактор В. М. Гуминский. Дизайнер В. Е. Валериус.

⁴⁹ Гейченко Семён Степанович (1903–1993) — советский писатель-пушкинист, музейный работник. Заслуженный работник культуры РСФСР. Герой Социалистического Труда (1983). Организовал воссоздание мемориального музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» в Псковской области. Лауреат Государственной премии РСФСР имени Н. К. Крупской (1989) и Государственной премии Российской Федерации (2001, посмертно).

⁵⁰ 15–16 марта 2012 г. в Иркутске состоялась конференции, посвящённая 75-летию В. Г. Распутина.

15 марта заседание в Общественной палате. И собираются приехать начальники наших «литературных вечеров», чтобы обсудить, как всё будет в июне. Правда, они собираются при этом поздравлять В.Г., а я ещё так и не знаю, не сбежит ли он. Пусть пригласят Виктора Стефановича Кожемяко⁵¹, который только что выпустил книжку бесед с В.Г. «Эти двадцать убийственных лет». Книжка — лучший портрет В.Г. этих двадцати лет. Прямо бы с книгой и пригласить. Уже одно это обеспечило бы иркутской конференции достаточный авторитет и высоту. У меня нет его адреса и телефона, но он есть у В.Г.

Простите. Ваш В. Курбатов.

11.04.2012 Дорогой Аркадий Григорьевич! Ах, как жалко, что Конюхов⁵² лишил меня возможности написать о Конюхове! А уж так разбежался. И уж готовил фразу про Шёлковый путь, что «смерть звёзды на пути каравана губит вернее, чем вражеская засада». И что «в одиночестве лучше слышишь тщету слов, но вернее чувствуешь их глубину, потому что слово оказывается нагим перед небом и делается беззащитно перед океаном». И что на таких путях и сам становишься малым, как семечко на ветру, но зато лучше слышишь Бога. Ну, вот пусть он и не прочитает таких слов о себе, раз так. А я зато поеду в Сургут, а может, даже хоть на пару дней доберусь до Тобольска, который для меня и океан, и Эверест, и мыс Гор, и Северный полюс.

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

14.04.2012 Христос воскрес, дорогой Аркадий Григорьевич! Гляжу на часы и улыбаюсь — вон уже во Владивостоке мои друзья про-

---

⁵¹ Виктор Стефанович Кожемяко (1935) — советский и российский журналист, обозреватель газеты «Правда» с 1963 г. С 1988 г. возглавлял отдел прессы и публицистики «Правды», с 1991 г. — политический обозреватель «Правды». Член Союза писателей России (2002) Автор многих книг.

⁵² Фёдор Филиппович Конюхов (1951) — выдающийся советский и российский путешественник, писатель, художник, священник; давний друг и соратник фонда «Возрождение Тобольска».

кричали «Воистину воскрес!»), и уж Валентин Григорьевич в Иркутске тихонько сказал, и красноярские друзья, и уж вот и Вы готовитесь. Обнимемся. «Ныне вся исполнишася света», исполнимся и мы.

Ваш В. Курбатов.

28.12.2012 Спасибо, Аркадий Григорьевич, за миновавший год, когда мы хоть на ходу, а виделись. Бог даст, и в Новом обнимемся. Жалко, что эти года так торопят. Ну, чтобы ещё старому постоять — я на него и наглядеться не успел. Нет, Новый, вишь, подавай! Ещё и старого счастья не успел узнать, а уж надо желать нового. А поди узнай, какое оно, новое, если старого не видал. А всё-таки — поздравляю! Ещё Господь жалуёт время пожить, поглядеть на Его мир. Спасибо!

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

04.03.2013 Спасибо, дорогой Аркадий Григорьевич! От меня и от сотен псковских читателей, которые ещё не знают, какой подарок Вы им сделали. Ещё и не открывал — только привезли. И не открою ещё дней десять — еду в местный маленький сердечный санаторий, потому что сердце отказывается слушаться. А я в Тобольск хочу, в Иркутск, в Красноярск... Вот поеду, наберусь сил, а потом ка-а-ак открою Ваши книжки, ка-а-ак загорюсь и р-раз! в самолёт — и к Вам.

Спасибо! Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

22.03.2013 Дорогой, дорогой Аркадий Григорьевич! Воротился из больницы домой и вот дошли руки до посылки (надо было сначала душу «разобрать», а потом уж книжки). Ах, ты, ах ты! И уж сколько Вас знаю, и сколько всего видел, а всё не привыкну. Какая складывается новая история Сибири! И как мощно, именно с сибирской ширью открывается эта новая Сибирь. Да и не новая, а просто Сибирь. Словно впервые! И не верю, что был у Вас и что видел и

Литвинова⁵³, и Минсалима⁵⁴ — хоть пешком иди, чтобы проверить, точно ли был и точно ли видел. И неужели я и Тобольск видел? И Ермака? и Иртыш? Когда?

Нет ещё у нас языка для Ваших книг. Старые мерки не годятся, а новых не нажили. Тут нужен именно новый сибирский язык. И не мы должны писать об этом, а сами сибиряки должны почувствовать рождение своей единственной культуры, словно впервые «ощупать» себя и назвать на карте мира, как Адам в райском саду: это мы!

Мы всё время глядим на Ваши книги «европейскими» глазами — зачем такие толстые, зачем такие тяжёлые (не прочитаешь перед сном). А они такие потому, что и рождены не для чтения «перед сном», а для библиотечного бережного всматривания, для исторического свидетельствования о своей Родине — это были мы и мы были таковы. А язык у нас только «европейский», и мы никак не можем попасть в настоящую интонацию, никак соответственного языка не найдём.

Часть книг отдам в библиотеку, а часть всё-таки утаю — жалко.

Спасибо, спасибо, Аркадий Григорьевич. Скорее бы ночь и бессонница — и смотреть, смотреть...

Обнимаю Вас и бесконечно благодарю.

Ваш В. Курбатов.

29.04.2013

Спасибо, дорогой Аркадий Григорьевич! Получил и отчёт, и альбом⁵⁵ Бакулевского⁵⁶. И так посмотрю, и эдак. И в нашу типографию отнесу похвалиться, чтобы учились... В этом году

---

⁵³ Литвинов Анатолий Дмитриевич (1954) — известный художник-ювелир, с 1973 г. живёт в Тобольске. Член Союза художников России.

⁵⁴ Тимергазеев Минсалим Валиахметович (1950) — известный тобольский художник-косторез, член Союза художников России.

⁵⁵ Бакулевский А.: [Альбом графики] / серия «Сибирский художественный музей»: кн. 4. — Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска» (Москва: Азбука), 2013.

⁵⁶ Бакулевский Александр Сергеевич (24 января 1936 – 23 августа 2021) — советский и российский график, народный художник Российской Федерации, автор иллюстраций к произведениям классической художественной литературы; мастер ксилографии.

в Питере вместе с другими наградами (Гене и Вам) дали диплом и моей псковской книжке «Бегущая строка». Думаю, что не за особенные заслуги, а за то, что в подзаголовке стоит «Дневник провинциального литературного критика». Кому же не хочется отметить вниманием к провинции? Я ведь и премии-то свои (горьковское, толстовские, пушкинские, да и разные журнальные) получал в сущности за то же самое — за то, что далеко живу. Нынче эта традиция не прерывается. Жалко, что узнал об этом поздно, а то бы непременно доехал и нарушил стройную красоту «мероприятия». Или — лучше воспользовался бы случаем, чтобы сказать похвальное слово Вам и Гене.

Обнимаю и благодарю Вас. Ваш В. Курбатов.

04.05.2013 Христос Воскресе, дорогой Аркадий Григорьевич!

Сколько света в Пасхальном каноне: «Небеса убо да веселятся, земля же радуется... ныне вся исполнишася света... Чистая, всем концем свет облиставшаго... красное правды нам возсия солнце, всепразднственная спасительная ночь и светозарная, светоносного дня восстание... божественная Дверь Света...»

А я, Бог весть почему, каждый раз слышу это ликование в еженедельной «обыкновенной» вечерне, в её потерявшем автора «Свете тихий», словно это первая русская Пасха (говорят, песнь рождена едва не во втором-третьем веке): «Свете тихий святых славы бессмертного Отца Небесного святого, блаженного Иисусе Христе (ведь подлинно, может, только мы и слышим во Христе этот «тихий свет» — в католичестве всё «громче»). Пришедше на запад солнца, видевшее свет вечерний, поем Отца, Сына и Святого Духа» (к нам ведь и, правда, Свет Господень пришёл уже вечерним, когда уж в других землях христианство успело «устать»). «Достоин еси во вся времена пет быти гласы преподобными, Сыне Божий, живот даяй, тем же мир Тя славит» (во все, во все времена, во всяк час, не выделяя часа Воскресения). И если выделяется Пасхой, то потому, что это самый яркий час прихода Света, когда глаза ещё не успели привыкнуть.

И, может, и хорошо, что мы застали его уже тихим, нашим, отчего и верим как-то наособицу, без «гром победы раздавайся!».

потому что слышим главное — «избавление скорби», которое чуть не дороже избавления смерти.

Обнимемся в этом тихом свете!

Ваш В. Курбатов.

19.05.2013

Нет, Аркадий Григорьевич, не получится из меня автора статей к портретам Нины Казимовой⁵⁷. Посмотрел список ещё раз, вздохнул и сдался. Тут надо либо месяц сидеть в Тобольске, либо бросать всё и начинать новую жизнь, на которую меня же не хватит. Чтобы написать по две-три страницы о каждом, надобно перечитать тысячи страниц, переходить по всем их улицам, заглянуть во все окна, в которые они глядели. Это книгу легко написать, а для двух страниц надобно прожить жизнь. И вот чтобы не отнимать время у возможного автора, тороплюсь сдать прямо сейчас — пусть у него (у них) будет побольше дней. Лучше всего, если бы эти страницы написали сами тоболяки (уверен, что по каждой кандидатуре в городе там есть специалист) и хорошо, если бы они упирали больше всего на собственно тобольскую жизнь своих героев, чтобы грядущий читатель и созерцатель альбома рвался в Тобольск увидеть всё «на месте», а не в отвлечённом тексте. Это должны быть «местная гордость», чтобы каждый тоболяк купил книжку и разослал по своим родным и друзьям, как портрет своей Родины. «Чужой» этого не сумеет, хоть месяц проживи, и «общерусскому» читателю книжка будет более интересна, как более «местная». И даже редактор, который будет «сводить» тексты, должен быть тоболяк, чтобы слышать единство текста и не позволить почти неизбежной и у приезжего ошибки.

⁵⁷

Казимова Нина Ивановна (1952) — художник-график, мастер офорта, «королева акватинты». Основной жанр — экслибрис, авторская книга, станковая и малоформатная графика. Выполнила более 430 офортов, в т.ч. более 200 экслибрисов; 20 имён Тобольской истории: [коллекционное издание] / [ред., авт. текста, авт. послесл. Ю.П. Перминов; авт. текста В. В. Дворцов; авт. эпиграфов А.К. Омельчук; вступ. слово А.Г. Елфимов; офорты Н. Казимова; худож. И.Е. Лукьянов]. — Тобольск: Возрождение Тобольска, 2014. — 147, [3] с.: вкл. л., ил., карты. — 50 экз. — (в пер.). Книга отпечатана тиражом 50 нумерованных и подписанных издателем экз. К экз. № 1–20 прилагаются 20 медных офортных досок, использованных при печати портретов.

Простите. Если бы Вы знали, как мне хочется ещё поработать с Вами и с какой болью я отказываюсь, но мы уж старики и какие-никакие профессионалы и знаем свои силы.

Благодарю и обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов.

06.06.2013 Не знаю, получили ли Вы моё грустное письмо с отказом от «иллюстрации» портретов Нины Казимовой. Мне печальнее написать это, чем Вам прочитать. А только — чувствую — не совладаю. А делать такую работу наспех нельзя. Да и правда лучше, если напишут свои тобольские специалисты — это будет и их гордость, и для читателя — двойной памятник. Сам воздух в статьях будет тобольский.

Простите. Обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов.

22.07.2013 Вдруг вспомнил, Аркадий Григорьевич, что Вы меня для Конюховской-то Премии⁵⁸ спрашивали о сибирских писателях, а я Вам подсунил москвича Василия Голованова⁵⁹. А в Сибири-то у меня на примете две кандидатуры: одна — Владимир Тыцких⁶⁰ из Владивостока (да ведь и тут это уж не Сибирь — я так и не знаю, где она заканчивается). Это поэт, капитан первого ранга в отставке, каждый год вот уже десяток лет или более проводящий автопробеги по краю в память о Кирилле и Мефодии, собирая родную культуру в живое целое. Выступают, дарят книжки, поднимают библиотеки и храмы (в общем, делают ту же работу, что Вы, только

---

⁵⁸ Всероссийская премия имени Фёдора Конюхова — ежегодная премия за достижения в области литературы, изобразительного искусства, научных и исторических исследований, меценатства, а также за проявление героизма, мужества и силы духа в экстремальных условиях. Учреждена фондом «Возрождение Тобольска» и администрацией г. Тобольска.

⁵⁹ Василий Ярославович Голованов (23 декабря 1960 – 12 апреля 2021) — российский писатель, эссеист, путешественник и журналист.

⁶⁰ Тыцких Владимир Михайлович (1949) — публицист, прозаик, поэт, литературный критик, издатель. Действительный член Русского географического общества (общества изучения Амурского края). Заслуженный работник культуры РФ.

ещё на колесах, чтобы охватить побольше). Можно справиться в интернете. А вторая уж точно сибирячка — Галина Витальевна Медведева из Иркутска⁶¹. Да беда, что она не писатель, а просто филолог, но зато она каждый год катит по родным сёлам во все концы края и составляет Словарь местных говоров. И выпустила уже десяток томов. И каждый — сокровищница живой речи! Каждый чудо и счастье. И когда прижмёт, разогнёшь на любой странице, и она спасёт и от одиночества, и уныния, и неверия. Валентин Григорьевич очень её ценит. Этой только премию-то дай, так она сразу её в следующий том превратит.

Ещё раз поздравляю Вас с «Наследием»!⁶² Это, правда, хорошая Премия, потому что потихоньку собирает «орден» хранителей, знакомит друг с другом и делает одним живым организмом.

Помоги Вам Бог!

С любовью Ваш В. Курбатов.

- 03.10.2013 Не обессудьте, Аркадий Григорьевич, так зажали дела, что ни посидеть спокойно, ни подумать неспешно... Но не поблагодарить не мог. Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.
- 28.12.2013 Дорогой Аркадий Григорьевич! Гляжу сегодня на субботнюю страницу нашего календаря, где Вы так естественны между Гуминским⁶³ и Достоевским (которые при общности польских фамильных

---

⁶¹ Медведева Галина Витальевна (1960) — советский и российский литературовед, прозаик, этнограф, фольклорист, член Союза писателей России. Лауреат Государственной премии РФ (2020). Доктор филологических наук.

⁶² Премия «Хранители наследия», существующая с 2009 г., является выражением общественного признания людей высокой нравственной культуры и гражданского долга, которые считают себя лично ответственными за сохранение национального достояния страны, ее историко-культурного наследия. Председатель президиума общественного фонда «Возрождение Тобольска» Аркадий Елфимов стал лауреатом всероссийской премии «Хранители наследия-2013» в номинации «Благотворительность». Церемония вручения престижной награды состоялась в Государственном историко-литературном музее-заповеднике А.С. Пушкина. Премия учреждена Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК). — Ред.

⁶³ Гуминский Виктор Мирославович (1949) — советский и российский учёный-филолог, литературовед и писатель, доктор филологических наук (1997), профессор (2001).

окончаний всё-таки слишком далеки родом и памятью, и думаю, что соединяются они в нынешних «кружках» естественно именно потому, что их соединяем мы, делающие простое дело продолжения жизни). Что бы делали «великие» без нашего незаметного существования? Мы только почва, но без неё, матушки, ничего не растёт. Вот на этой высокой ноте самомнения обнимаю Вас на пороге Нового года и изо всех сил надеюсь, что мы ещё однажды обнимемся в Тобольске и ещё посочиняем что-то совместное во славу Господню. Спасибо за утешение уходящего календаря, который не раз обманывал меня иллюзией тобольских прогулок. Спасибо Вам за нежность к этому городу, который Вы поселили в русской генетике, так что и не бывавшие в нём, благодаря Вам, теперь уверены, что это город их детства. Спасибо и за то, что что-то успели сделать вместе.

Обнимаю Вас с дружеской нежностью. С Новым годом! Ваш
В. Курбатов.

10.01.2014 Получил, Аркадий Григорьевич, получил книги — целый мешок! Всё они не могли до меня доехать, а вот сегодня прикатили. И календарь уже воздвигся на столе. А книжки (Сорокин⁶⁴, Берёзов⁶⁵, Отчёт⁶⁶) ещё листаю наспех, задыхаясь, норовя увидеть всё сразу. Уж потом сяду не торопясь, а пока именно так — махом! Какой же Вы молодец! Тюленев⁶⁷ вон врёт «Тобольск — столица

Член Союза журналистов СССР (1984) и Союза писателей СССР (1988). Главный научный сотрудник ИМЛИ РАН (с 2005). Секретарь Союза писателей России.

⁶⁴ Сорокин А. С. Сочинения. Воспоминания. Письма. — Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска», 2012. — (Библиотека альманаха «Тобольск и вся Сибирь»); Сорокин Антон Семёнович (1884–1928) — русский писатель (драматург, прозаик), художник; автор большого количества повестей и рассказов, большая часть которых при жизни автора осталась неопубликованной.

⁶⁵ Тобольск и вся Сибирь: альманах [гл. ред. Ю. П. Перминов] / Кн. № 22: Берёзов [сост. П. А. Брычков, Ю. П. Перминов]. — Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска», 2013. — 522 с.: ил., портр., цв. ил.

⁶⁶ Отчёт общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» за 2013 г. [ред. С. В. Филатов; составление А. В. Джавахидзе]. — Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска», 2014. — 398, [1] с.: табл., фот. цв.

⁶⁷ Тюленев Игорь Николаевич (1953) — русский поэт, член Союза писателей России (1989), секретарь Союза писателей России (2004).

ротозеев», но зато совершенно правильно продолжает — «Людей блистательней музеев». И опять затосковал, забился в желании прямо сейчас бежать к Вам, счастливо зябнуть, отдыхая от наших нескончаемых дождей, согревая в руках «мыльницу», которая намеревается замёрзнуть и отказать, а у меня ещё не снято вон то и вон то и вот это...

Бегал в Прагу, умничал там на всех парах, потом новогодничал, читал на Рождественских службах и сегодня чуть не первый день, когда немного свободен и могу последовать господину Карлу Марксу, который на вопрос о любимом занятии отвечал: «рыться в книгах», на что один мой ехидный товарищ всегда прибавлял — Энгельса, потому что старик Энгельс и, правда, был умнее, и у него было, в чём копаться. Вот и у меня любимое занятие «рыться в книгах Елфимова».

Спасибо и спасибо!

Обнимаю Вас. Ваш благодарный Курбатов.

23.01.2014

Боюсь, Аркадий Григорьевич, не выйдет у нас свидания в Питере, потому что третьего февраля у нас в Пскове состоится заседание Совета по культуре по проблемам театра. И Толстой⁶⁸ просит меня быть. И собирается привезти Президента, от которого я бегаю, но Владимир Ильич настаивает. А уж я было разбежался.

А пятого я выезжаю в Москву. Может быть, попросить написать о Дмитрии нашего секретаря Игоря Смолькина⁶⁹, тем более он уже писал о Мизгулине и у него и слух получше, и слог почище. Он — прозаик христианского свойства и это особенно верно скажется при его понимании и толковании и стихов, и жизни

---

⁶⁸ Толстой Владимир Ильич (1962) — советский и российский журналист и писатель-эссеист. Праправнук Льва Толстого. Заслуженный работник культуры РФ (2003). С 2012 г. — советник Президента РФ по вопросам культуры, с 2019 г. — президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ).

⁶⁹ Смолькин Игорь Александрович [творческий псевдоним Игорь Изборцев] (1961) — русский писатель; председатель правления Псковского регионального отделения организации Союза писателей России. Секретарь Союза писателей России.

Дмитрия. Мне, конечно, грустно, но тут, видно, вмешивается Промысел, который лучше нашего знает, кому про кого писать...

Обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов.

29.01.2014

Похоже, всё-таки до десятого числа буду в Москве. Ворочусь утром десятого. И в Питер уже не смогу поехать. Как, видно, не смогу и в Ханты-Мансийск — старый ведь уже — семисит пять в этом году. Душой-то бы полетел, да сердце напоминает, что в морозы человека могут настичать инфаркты просто от холода. Это меня врачи предупреждали, чтобы я не думал выходить на лыжах при температуре ниже 15 градусов. Что-то там происходит с дыханием. А я уж это чувствую даже и при простой ходьбе на морозе. Сердце скоро делается каменным и болит как от удара.

Эх, ма-а-а... А я-то надеялся пробегать всю жизнь с хлестковской резвостью и ещё повыдавать себя за значительное лицо из Общественной палаты и Президентского Совета. Куда там! Возраст торопит занять место у печки.

Да и что увидишь в Питере за два-то дня. Это в Пскове за это время можно увидеть много. Доехали бы до Печерского монастыря и до Спасо-Елеазаровского, где родилась идея «Третьего Рима» — сам контекст поездки поворачивал бы мысль в нужную и серьёзную сторону. Да и просто для духа Дмитрию это было бы большим подспорьем. Стихи бы пошли стеной. Ну, а коли не выходит, то опять повторяю, что лучше всех написал бы о нём Игорь Смолькин (Изборцев) — и человек церковный, и прозаик хороший. Не мне чета.

Вот такое грустное расписание.

Похоже, что один я уже в дальние края не ездук. Это если прилепиться к кому-нибудь, тогда бы ничего, тогда хоть до Ханты-Мансийска, а так — на печку! Эх, выучиться бы у Емели ездить к Государю, не слезая с печи, я бы во все стороны поспел.

С любовью Ваш В. Курбатов.

11.02.2014 А я сбежал из Ясной Поляны, от белейших снегов и румяных посе-
лянок, которых я очаровывал олимпийским костюмом и беганьем
на коньках. И всё глядел, глядел в окно, надеясь высмотреть Вас
с Дмитрием Мизгулиным. Всё тщетно. Съем салат из авокадо и
редичи сам. Вот так.

Ваш Обманутый Вкладчик.

09.06.2014

*Фото из письма
см. на след. стр.*

Как теперь легко продлить счастье! Заглянул в глазок объектива,
и ты опять там, в Михайловском! Грустно, что нас разлучили, и
мы так и не сумели побыть вместе. У начальников свои виды на
нас. Но зато я укрепился в почитании дара Мизгулина — равно
поэтического и человеческого. Спасибо.

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

09.06.2014 Простите, Аркадий Григорьевич, целиком статей не нашёл, а из-
влечения, по которым я готовился к круглому столу в Михайлов-
ском, сыскались. Обнимаю Вас.

Как жалко, что Казань не по дороге в Псков!

Ваш В. Курбатов.

■ УВАЖАЕМЫЙ, ВАЛЕНТИН ЯКОВЛЕВИЧ! ■

От имени Общественного благотворительного фонда «Возрождение
Тобольска» от души поздравляем Вас с 75-летием!

Ваши 75 — это большой багаж знаний и жизненного опыта, которым
Вы, на своём подвижническом литературном пути, не скупясь, щедро
делитесь со всеми, кто способен слушать и слышать, понять и восприни-
мать классическое русское слово, исконно русскую православную мысль.

Результатом многих лет сотрудничество Фонда «Возрождение Тоболь-
ска» с Вами стали Ваши многочисленные статьи и эссе, опубликованные
в различных изданиях Фонда, глубокие и ёмкие предисловия к некото-
рым нашим изданиям. Написанное Вами, всегда безупречно выдержано
по слогу и изложению и ново по мысли и содержанию. Как нам видится,
именно Ваш талант собеседника плюс выверенный и сбалансирован-
ный синтез формы и содержания, способен даже сегодня расположить

Фото к письму от 9 июня 2014 года

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна...

Александр Пушкин

заинтересованного читателя к вдумчивому, неторопливому чтению, проникая в его подсознание и пуская там глубокие корни светлого и доброго, мудрого и вечного.

Именно Ваша мудрая терпеливость позволили Вам занять в современной русской литературе место врачавателя «писательских недугов» и небрежностей, защитника писательского слова, оставаясь при этом в дружеских отношениях со многими лучшими писателями современности, такими, как Виктор Петрович Астафьев, Сергей Павлович Залыгин, Валентин Григорьевич Распутин, Василий Иванович Белов и др.

А Ваш безупречный вкус Слова, Ваше умение сказать просто и доходчиво о главном, Ваш природный такт и умение всегда, независимо от его положения в обществе, разговаривать с собеседником на равных, точно исцеляют читателя, возвращают ему ощущение радости бытия и света окружающего мира.

Обладая изумительной энциклопедической памятью, являясь прекрасным знатоком русской классики и классики русской духовной мысли, номинально — так уж «прикипело» — оставаясь литературным критиком, Вы в своих книгах об Астафьеве, Пришвине, Распутине, Селиверстове и многих других — сами являете читателю русское литературное слово, постоянно и неназойливо, вновь и вновь напоминаете ему о целительности Слова Божия и о необъяснимой, загадочной, порой мистической, силе русского Слова.

Сотрудники Фонда «Возрождения Тобольска» желают Вам, Валентин Яковлевич, здоровья, мирного неба, радости и, конечно, новых творческих находок!

С надеждой на дальнейшее плодотворное сотрудничество,

Председатель правления Фонда «Возрождение Тобольска» Аркадий Елфимов, Главный редактор альманаха «Тобольск и вся Сибирь» Юрий Перминов.

01.10.2014 Спасибо, спасибо, Дорогой Аркадий Григорьевич, за самые высокие слова из сказанных мне разными людьми в эти дни⁷⁰. Я было хотел возгордиться, но потом передумал. В эти леты уж не нагордишься — времени мало, не стоит и начинать. Чуть прихожу в себя и всё яснее вижу, что мне уже не бывать в Тобольске и надо понемногу учиться умерять желания. Чай, уж не мальчик. А душа всё смеётся — ну, ну, давай поизображай старика, погляжу, как у тебя получится.

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

24.10.2014 Дорогой Аркадий Григорьевич!

Всяк по России, когда прижмёт, стучится в добрый Ханты-Мансийск, чтобы найти там копеечку. Уж давно бы пора все редакции туда перенести — всё было бы поменьше расходов. А стучусь от имени хорошего старого журнала «Дружба народов», который в лучшие времена был вторым после «Нового мира». Да и сейчас делает высокую работу, спасая остатки нашей «Дружбы». Тут бы самому государству озаботиться, пока мы все окончательно не разбежались, но, видно, у него других забот хватает — не до дружбы ему. Может быть, Ханты-Мансийск принял бы небольшую делегацию журнала из лучших писателей бывшего Союза, а там бы и поглядел, как помочь журналу. К кому бы там конкретно обратиться? Редактор бы отписал и, глядишь, договорились. Пишу просто потому, что я член Общественного совета журнала и мне по-человечески больно, что погибает один из лучших журналов, когда-то державших Союз. Он бы и сейчас держал его, когда бы не ходил с протянутой рукой. Ему на год нужно 750 тысяч рублей — меньше премий, даваемых сегодня литераторам. А вот поди ты!

Простите, что стучусь к Вам, зная, что Вам и самому нужна помощь.

Обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов.

---

⁷⁰ 29 сентября 2014 г. В.Я. Курбатов отметил своё 75-летие. Десятки поздравлений получил он друзей и соратников фонда «Возрождение Тобольска».

28.10.2014 Ну, спасибо, Аркадий Григорьевич! Ну, книжки! Ну Тара!⁷¹ Ну, Курган!⁷² А Мизгулин, Мизгулин! Вон, оказывается, сколько уже написано. Эх, был бы я молодой, примчался в Ханты-Мансийск, сел рядышком и мы ка-а-ак бы поговорили с ним о нынешнем дне, который умеет совмещать банки и стихи. И, может быть, что-то бы поняли и другим объяснили и про время, и про поэзию. Эх, как надо сегодня говорить об этом, нащупывать новые связи мира. А то мы всё старыми словами пытаемся договорить совсем новые правды и у нас всё хлябает и ничего не совпадает. Был бы прямой поезд от Пскова, так я бы и приглашения не ждал, а просто встал на пороге. А сейчас и с приглашением не доберусь. После семидесяти пяти вдруг проснулся стариком.

И как скучаю по Вам, Аркадий Григорьевич, и большими словами не объяснишь, а уж нашими, маленькими, и не пытайся.

Обнимаю и благодарю Вас.

Ваш В. Курбатов.

23.12.2014 Ну, спасибо, Аркадий Григорьевич! Чуть донёс подарки-то! А уж как хороши! И календарь, и «Конёк-горбунок»⁷³ с Мишей Трофимовым⁷⁴. А уж Миша, верно, как счастлив! Как ему повезло с Вами! А то всё иркутяне добро посмеиваются над ним и печатают кое-как. А тут вон какое чудо! Будет ему чем одарить своих товарищей и вызвать у них зависть (я даже знаю, у кого!). А пусть их! Сяду сейчас рассматривать по страничке и радоваться. Спасибо! А вечером в Москву на заседание Госсовета в Георгиевском

---

⁷¹ Тобольск и вся Сибирь: альманах / [гл. ред. Ю.П. Перминов] / Кн. 16: Тара / [сост.: П.А. Брычков. Ю.П. Перминов]. — Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска», 2012. — 593 с.: ил., портр., цв. ил.

⁷² Тобольск и вся Сибирь: альманах [гл. ред. Ю.П. Перминов] / Кн. 23: Курган [сост.: Д.Н. Маслюженко и др.]. — Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска», 2014. — 528 с.: ил., портр., цв. ил.

⁷³ Ершов П.П. Конёк-Горбунок [Текст] / илл. А. Андреевой; послесл. Л. Радзиевской. — Тобольск: Изд. отд. общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2014. — 119 с.: цв. ил.; 30 см. Дизайнер И.Е. Лукьянов.

⁷⁴ Трофимов М.Е. Медвежья родина: книга избранных произведений / [сост., вступ. ст., примеч. Д.Е. Кан]. — Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска», 2014. — 415 с.: ил.; 25 см. — (Библиотека альманаха «Тобольск и вся Сибирь»).

зале — репетирую значительное лицо, складку на лбу, строгий взгляд. Пока получается плохо. Придётся (для складки) подушку в поезде как-нибудь поперёк положить.

Обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов.

11.04.2015 Дорогой Аркадий Григорьевич!

Вот-вот ахнут все колокола Тобольска и как-то особенно остро услышится: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оный». Ведь каждый день — сей! Каждый назван и узнан в лицо, как единственный. Очистим чувства и узрим неприступным светом Воскресения Христа блистающая, и радуйтесь рекуща ясно да услышим победную поюще Воскресения день и просветимся торжеством и друг друга обьемем. Очистим, очистим, хотя уж иногда кажется, что мир и мы сами столько натащили в наши «чувствия» неотмываемого, что все наши духовные «гигиенические» поползновения тщетны. А всё-таки «обьемемся» и не оставим надежды.

Христос Воскресе!

Ваш В. Курбатов.

30.04.2015 Аркадий Григорьевич, Вы всё про Ермака Тимофеича и его ваятелей знаете. Не подскажете ли мне, кто автор вот этого варианта⁷⁵. Мне как-то подарили в Чусовских Городках как раз с той целью, чтобы я разузнал. А пока у меня ничего не выходит. Может, Вы знаете?

Ваш Несведущий Корреспондент.

01.07.2015 Спасибо, Аркадий Григорьевич! Уже жду не дождусь издания, чтобы наглядеться и начитаться всласть⁷⁶. Про свою персону прошу убрать Общественную палату (был два срока — теперь нет) и вме-

---

⁷⁵ К сожалению, не смог помочь Валентину Яковлевичу. Судя по всему, это какой-то самодеятельный автор.

⁷⁶ В. Я. Курбатов получил макет книги «Дружбы храм священный».

сто «член Совета по государственной культурной политике при Совете Федерации» (он помер) поставить «член Президентского Совета по культуре». В премиях добавить Патриаршую премию 2014 г. А о Вите [Ахломове] всё верно. Можно только добавить для «очеловечивания» справки абзац:

«Ничего не проходит и не минует, если фотографом движут благодарность и нежность, если он смотрит на жизнь и на свою модель с опережающей радостью. Не от этого ли в портретах Ахломова герои странно „родственны“, внутренне близки и тайно едины, словно тут, на наших глазах, подхватывают слово друг друга и берегут в нём лучшее? Оказалось, что у нашего века, во всяком случае под взглядом доброго художника, было прекрасное лицо и оно опровергает все наветы хулителей времени светлым молчаливым свидетельством. И опять подтверждает, что время — это не общие, хотя и величавые идеи, а единственные, прекрасные в непреходящей мгновении люди».

У Аннинского фамилия Аннинский, а не Анненский. Это у Иннокентия фамилия Анненский, а у Льва Александровича Аннинский (ошибка идёт сквозь всю справку). И ещё в одном месте заголовок «Настоящая кладязь». Нарочно заглянул в Словарь Даля — там только кладезь и только мужского рода.

Спасибо. В. Курбатов.

14.07.2015

Спасибо, Аркадий Григорьевич, за поправки в моей справке и за добавление к Ахломову. Про «кладезь» ещё раз напоминаю, что он только кладезь и только мужского рода, а у Вас в одном заголовке «Настоящая кладязь». Было и вовсе «кладязь» и это слово поправили, а определение оставили как есть. Нужно НАСТОЯЩИЙ КЛАДЕЗЬ. Простите.

Благодарю и обнимаю. Ваш В. Курбатов.

20.07.2015

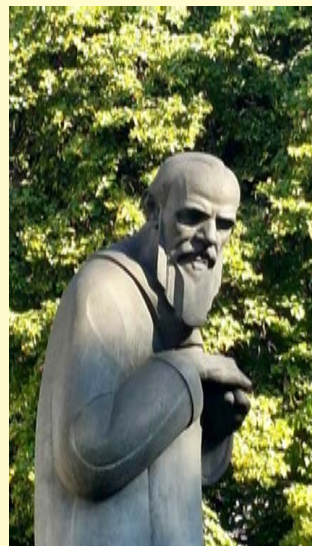
Фото из письма
см. на след. стр.

Простите, Аркадий Григорьевич, «репортажность» карточек. Но мне хотелось, чтобы Вы могли сказать ближним: «И я там был и вот подтверждение».

Обнимаю Вас. Спасибо за встречу. В. Курбатов.

1. Памятник Ф. М. Достоевскому на Божедомке (скульптор С. Д. Меркуров)
2. Благодатная экскурсия
3. Переславль-Залесский. Запечатление вечности
4. На берегу у Плещеева озера
5. Благодарствую, Михайло Потапыч!

1

2

В. Я. КУРБАТОВ ПРИСЛАЛ АВТОРСКИЕ высокохудожественные фотографии, сделанные обычной «мыльницей».

3

4

5

- 03.08.2015 Во исполнение обещания (как пишется в официальных бумагах) посылаю, что надумалось о календаре. Простите, Аркадий Григорьевич, за поспешность, но если сейчас не сделаю, то потом начнётся такая беготня, что и думать забудешь. За книжки спасибо. С нежностью читаю Мизгулина и не могу наглядеться на издание⁷⁷. В Бийском томе⁷⁸ вдруг увидел себя. А я уж и позабыл. Военные тома передам в библиотеку военно-исторической книги музея Ивана Афанасьевича Васильева⁷⁹ села Борки под Великими Луками, где тридцать лет веду Праздник фронтовой поэзии. Там они будут «работать» активнее. Спасибо, что хоть на минуту вырвали меня из немоты, а то уж скоро писать разучусь, а только читаю, читаю, читаю...
С благодарностью Ваш В. Курбатов.
- 23.10.2015 Спасибо, дорогой Аркадий Григорьевич, за письма Валентина Григорьевича к С. Заплавному⁸⁰ — такие глубокие, серьёзные — «по делу» (в отличие от большинства, скажем, моей переписки, в чём я сам и был виноват). А про книжки Мизгулина так, видно, и не напишу — такая пошла теснота обязанностей, а силы стремительно уходят. Пусть уж кто другой посильнее.
С благодарностью Ваш В. Курбатов.
- 30.12.2015 Дорогой Аркадий Григорьевич!
А у нас уж вон волхвы уже вышли с дарами смиры, алоэ и золота (кротости, любви и бессмертия), и Вифлеемская звезда

---

⁷⁷ Мизгулин Д. Доверяя душе / ред.-сост. Н. Ягодинцева; худож. кн. И. Лукьянов; графика А. Шибанова. — Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска», 2015 (Москва: Паблиц). — [18] л.: ил. — 1100 экз.

⁷⁸ Тобольск и вся Сибирь: альманах / [гл. ред. Ю. П. Перминов] / Кн. 24: Бийск / [сост.: Ю. П. Перминов, А. М. Родионов, С. В. Филатов]. — Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска», 2005. — 666, [3] с.: ил., портр., цв. ил., портр., факс. + CD-ROM.

⁷⁹ Васильев Иван Афанасьевич (1924–1994) — русский советский писатель. Лауреат Ленинской премии (1986). Участник Великой Отечественной войны. Организатор и создатель литературно-художественного музея истории Великой Отечественной войны в деревне Борки Великолукского района. Народный депутат СССР (1989–1991). Член Союза писателей СССР (1972).

⁸⁰ Заплавный Сергей Алексеевич (1942) — русский советский писатель (прозаик, публицист и поэт), член Союза писателей СССР (1974) и России.

уже взошла над ёлкой, чтобы вести нас к свету Рождества. Под-
пояшемся и вперёд! И опять поверим, что «возсия миру свет
разума», хотя мир изо всех сил торопится погасить этот свет.

И всё-таки света и света!

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

И Александр Сергеич с няней.

26.01.2016 Ну, слава Богу, можно начинать жить, а то без календаря-то как? Теперь сразу как дома. Честолюбиво искал свою заметку о календаре, потому что тайно писал для этого годового честолюбия — поглядывал бы и чувствовал, что дело делаю. А теперь вот садись и про другое дело думай. Пока выучился отделяться от стола устным ораторствованием — то в Петербурге умничаю, то в Москве, то в Михайловском. И когда спрашивают: «Что делаешь», отвечаю: «Что не видите? Работаю — вон рот не закрывается».

Спасибо, дорогой Аркадий Григорьевич. Дал бы Бог ещё где пересечься...

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

17.02.2016 Тексты Мизгулина получил. А срок-то какой для предисловия? Прямо сейчас или можно месяц потерпеть? Тут меня опять канал «Культура» собирается помучить с четырьмя передачами. А я и не знаю, про что им и рассказать. Вот думал посидеть пока и о подумать об этом. А уж в середине марта ка-а-ак сел бы. Но если уж очень надо скоро, то буду стараться, хотя и сил-то уж кот наплакал.

Обнимаю Вас, дорогой Аркадий Григорьевич! Ваш В. Курбатов.

20.02.2016 Нет, Аркадий Григорьевич, не смогу я написать предисловие к этому тому Мизгулина. И так думал, и этак. И так читал, и этак. А нет... Не получается. Ни стихи не могу принять, ни прозу. Ни — в особенности — статьи о литературе. Всё так простосердечно, словно он не читал ни поэзии, писанной до него, ни прозы Шукшина и Астафьева. Про «литературоведение» вовсе не говорю,

про статьи о Хомякове, Тютчеве, Лескове. Это никак не в обиду. Просто я уже живу в другом пространстве, отравленный тысячами книг прозы и поэзии, религиозной философии и славяноведения. Скажите ему (если обещали), что занят, де, что подрядился раньше писать то и это и до осени не вырвется (а это и правда так). Беда, что я читаю сейчас соискателей премии «Ясная Поляна» из иностранцев, которые уже успели получить Гонкуровскую, Пулитцеровскую, а трое даже и Нобелевскую премии, и поневоле сравниваю. Матушка-литература ушла в безнадежный «перед», и я уже махнул на неё рукой. Не поспеваю. А уж не оглядываться нельзя. И мне уже не вернуть чистого сердца. Пусть попробует написать кто-то более бережный к русскому слову.

Скажем, Игорь Смолькин.

Простите. Ваш В. Курбатов.

20.02.2016

Ещё раз посмотрел доброго Мизгулина, проверил себя. Нет, видно, я уже безнадежно отравлен безмерным чтением. Прошусь у Толстого «на волю», чтобы не спятить и не разучиться писать самому, а он не пускает, потому что я (дурак!) один читаю соискателей от корки до корки, а не как профессионалы — первые пять страниц, пару в середине и конец. И тут-то по-настоящему и видишь, что мир сошёл с ума. Половина пишется прямым матом, половина в постели со всей обстоятельностью проводимых там операций. А кто вылезет, так тот сразу в отчаянье, потому что с Европой покончено, что она давно в хиджабах и исламских центрах, проверяющих каждого европейца на знание Корана. А кто про искусство, так тоже с той мыслью, что пора с ним кончать, что уже перебор, и память душит жизнь, и тоже про правоту ислама, истребляющего пальмиры и статуи Будды... Белый свет не мил.

А про Дмитрия надо писать чистым сердцем и святой верой в добро и любовь...

Простите. Был бы рядом, украл у Вас снегоход и рванул по Иртышу куда глаза глядят.

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

- 30.04.2016   Дорогой Аркадий Григорьевич!
Совсем скоро — по бесконечной России в разный час — встанет иерей, владыка, патриарх перед закрытой дверью храма и воскликнет: «Да воскреснет Бог!» и мы, войдя, не увидим Плащаницы, покрывавшей тело Спасителя. «Что ищете Живаго с мёртвыми?» И подхватим Ангельскую песнь чистым сердцем. Господи, хоть бы на этот час действительно чистым, которым однажды и будет спасён мир. «И ненавидящих нас простим вся воскресением». И ненавидящих больше не будет, и мы впервые за историю и теперь уже навсегда «друг друга обнимем», чтобы сказать с полнотою веры «Христос Воскресе!» и поверить, что теперь навсегда Он «ад умертви блистанием божества» и смерти больше не будет.
    Как просто! Как трудно! Но зачем-то нам ещё даны дни жизни...
    Обнимемся!
    Христос Воскресе!
    Ваш В. Курбатов.
- 30.12.2016   Дорогой Аркадий Григорьевич! Ну, вот куда он летит, сломя голову? Куда они все летят — эти числительные? Не успеешь запятую в предложении поставить, а уж гляди, пора ставить точку, ты ещё и понять как следует не успел, что хотел сказать, а уж слышишь: «Отключите микрофон!» А мы петуха вон, а посадим на варежку родного снегира и будем счастливы, как в детстве.
    С Новым годом, дорогой Аркадий Григорьевич!
    Ваш В. Курбатов.
- 11.01.2017   Дорогой Аркадий Григорьевич! Вот что написалось о Конюхове. Читать этого принародно нельзя, тем более на церемонии, где потребны другие глаголы. А где-нибудь сбоку вдруг и пригодится. Пошлите Фёдору — отчего-то кажется, что он улыбнётся и махнёт рукой: вон куда заносит этих сочинителей.
    Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

- 04.02.2017   Дорогой Аркадий Григорьевич, говорят с 6-го по 9-е февраля по «Культуре» в 21.10 покажут четыре моих передачи, записанных в марте. Ну, это в Москве 21.10, а в Тобольске-то, может, и совсем не покажут. Увидите — обнимемся, а нет — не судьба!
Курбатов.
- 21.02.2017   Дорогой Аркадий Григорьевич!
Добрые люди стянули у меня Ваш альбом о Байкале. А там моя заметка о Байкале и Валентине Григорьевиче, которая очень могла бы мне пригодиться, потому что Наташа Сапронова⁸¹ намеревается переиздать распутинскую «Землю у Байкала» и просит меня написать несколько слов. Эх, как бы мне ухватить ту интонацию, что была в словах к Вашей книге! Не сканируете ли для меня? Простите, пожалуйста. И радуюсь, что ещё воруют книги, а вот иногда, видите, и печалиться приходится.
Ваш В. Курбатов.
- 28.02.2017   Дорогой Аркадий Григорьевич! Кинулся вчера поздравить родной Фонд с очередной годовщиной, а телефон-то, оказывается, потерял со всем человечеством его номеров. Нашёл какой-то номер из старых, но механический голос известил меня, что такой «номер не зарегистрирован в сети». Охо-хо... Напомните, пожалуйста. А то пойду мимо, захочу завернуть, а спросить-то, дома ли Вы, и не смогу...
Ваш В. Курбатов.
А с годовщиной Вашего святого дела хранения Отечества поздравляю и поздравляю!
- 15.04.2017   Ещё «молчит всяка плоть человека», но «ангели уже поют на небеси», призывая нас к чистоте сердца, и по двору Дивеева, по

---

⁸¹

Сапронова Наталья Геннадиевна — дочь издателя Г.К. Сапронова, продолжающая дело своего отца.

канавке Богородицы идёт с батожком, сам похожий на батожок, светлый Серафим и улыбается: «Христос Воскресе, радость моя!», потому что для него камень-то отвален от гроба ещё тогда и навсегда. И навсегда «Его нет здесь, Он воскрес!» Ах, если бы мы, бедное человечество, однажды поверили так, то камня-то и не было бы, и мы бы светали лицами и никогда бы из Дивеева не делали «Арзамаса-16». И на наши лопатки вернулись бы отпавшие крылья, и мы бы только успевали обниматься и благодарить жизнь. Но, слава Богу, бескрылые ещё можем похристосоваться и опять на минуту поверить в бессмертие. Новости лучше не глядеть — вот и тема военная.

Христос Воскресе, дорогой Аркадий Григорьевич!
Ваш Валентин Курбатов.

07.08.2017

*Фото из письма
см. на след. стр.*

Вот пока выудил Вас, Аркадий Григорьевич! О всех Вы снимаете, а Вас никто. Обидно. Навёрстываю. «Отчёты» получил. Чудо как хорошо! И опять останавливаюсь в замешательстве: как Вы всё успеваете?

С любовью, Курбатов.

08.08.2017

*Фото из письма
см. на след. стр.*

Вот спасибо так спасибо, Аркадий Григорьевич, а то ни одной фотографии с внучкой. А тут сразу вон какие! Нашёл Вас, ещё два раза занятых работой. Не то, что мы — бездельники!

Обнимаю Вас. В. Курбатов.

09.08.2017

Спасибо, Аркадий Григорьевич! За внучку, за Марфу! Пойду разобью свой планшет о камень, чтобы не конфузиться перед Вами своими фотографиями.

Курбатов.

17.10.2017

Утопил старый телефон, Аркадий Григорьевич. Завёл новый. А то Вы позвоните, а меня нет. Вот он: 8-911-[xxxxxxx].

Обнимаю Вас. В. Курбатов.

Фото к письму от 7–8 августа 2017 года

1

3

2

1. ЕЛАБУЖСКИЕ КРАСОТЫ
2. ВЕЧЕРНИЙ РАСПЕВ
3. ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ НЕБО
4. «ПАРНОЕ КАТАНИЕ»
(Р.М. Горбачёва и С.В. Ямщиков)
5. «АРАБСКИЙ ШЕЙХ» в РОССИИ

Фото к письму от 24 октября 2017 года

4

5

24.10.2017

*Фото из письма
см. на пред. стр.*

Полежал в больнице. Воротился, открыл почту, а «календарь-то» Ваш и не открывается, словно это не я, а компьютер в больнице время проводил... Простите. Да и ума в больнице не прибавилось — может, что и делал не так.

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

Нашёл две смешные фотографии Саввы [Ямщикова].

Первая прямо «парное катание», а вторая — арабский шейх в России.

15.12.2017

Спасибо, Аркадий Григорьевич, Кирюшин⁸² довёз до меня новый Календарь, и я уж было кинулся жадно перелистывать его, но остановился. Нет, уж пусть каждая новая страница будет неожиданным приветом, чтобы весь год с утра делить день с дорогими людьми и спастись возле них от самого себя и своего одиночества. Спасибо! И опять мучительно затосковал по Тобольску. Хотя прямо срывайся с места и беги! Да только уж «беглец» из меня плохой. Даже и про Москву думаю с тоской и нахожу тысячи отговорок, чтобы не ехать без совсем уж крайней нужды. А Коля Бурляев⁸³ ввёл меня ещё и в Общественную палату Союзного государства, которую сам возглавляет и, чего доброго, ещё заставит ехать в Минск.

Очень скучаю по Вам. В. Курбатов.

09.03.2018

*Фото из письма
см. на стр. 65*

На выставке «Чины и Музы» в московском музее Пушкина увидел старинного знакомого и не мог не снять на карточку, будто в Тобольск завернул. И не мог наглядеться на Москву под снегом. Господь решил и её, дуру, украсить. Пусть тоже на себя в человеческом наряде поглядит. А на станции метро «Достоевская» нашёл свои «портреты» — не знаю, кому обязан. Но ведь «как живой».

---

⁸² Кирюшин Виктор Фёдорович (1953) — поэт, переводчик и эссеист, книгоиздатель, редактор. Заслуженный работник культуры РФ. Председатель Совета по поэзии Союза писателей России.

⁸³ Бурляев Николай Петрович (1946) — советский и российский актёр, кинорежиссёр, писатель, общественный деятель; народный артист РФ (1996). Член Союза писателей России, член Патриаршего Совета по культуре. Депутат Государственной Думы VIII созыва (с 2021).

Я-то с Вами не разлучаюсь — календарь передо мной, а всё-таки тянет обняться «внатури» (как говаривал после Беломорканала «интеллигентный» папа Виктора Петровича Астафьева, принимая это «внатури» за тонкий аристократизм).

Ваш В. Курбатов.

17.03.2018 Поглядел сегодняшнюю страницу календаря и заворчал. Это я про «Открытие Мира». Ведь «мир»-то — по-нашему, церковному — обычное окружение, родной быт, привычка наша. А настоящий-то мир в высоком его значении, как вселенная, как Господне установление, пишется через обычное «и». Отчего раньше писалось «Миру — Мир!», то есть подай, Господи, дому нашему, суете нашей, дурной экономике и пустой истории настоящего Разума и Мира, полноты сущего и небесного. Ну, впрочем, дитя-то и, правда, пока открывает только «мир», а уж мир станет открывать, когда созреет душой и догадается о существовании Бога. И да будет!

Обнимаю Вас. Ворчливый старик.

23.04.2018 Спасибо, Аркадий Григорьевич, за то, что родились на радость не одним деткам и внукам, а и нам, грешным, собравшимся вокруг Тобольска, как у общего родителя и живого сердца! Давайте обнимемся и, вопреки безумию мира, пойдём жить дальше в любви и свете. Спасибо за «Отчёт 2016» с горькой и сильной статьёй о патриотизме, за весь Ваш сибирский размахом и шведский порядком и результативностью труд!

С любовью и благодарностью,

Ваш В. Курбатов.

02.05.2018

*Фото из письма
см. на след. стр.*

Открыл вчерашнюю страницу календаря с сиренью. И ахнул — столько нашёл пятилепестковых цветков, которые подтверждают счастье и удачливость нашедшего. Спасибо за такой изящный способ подарить человеку счастье в день Первого мая, славный, кроме официальных торжественностей, рождением Виктора Петровича Астафьева. Сердечно обнимаю Вас.

- 1-2. Нашёл свои «портреты» — не знаю, кому обязан
2. Съездил в Гатчину, а там девчонки!..
3. Заглянул в театр и не мог не отметить...

Фото к письму от 7–8 августа 2017 года

1. «Хранитель наследия». Аркадий Елфимов в Архангельском
2. «Я или хаос». Памятник Шарлю де Голлю в Москве (скульптор З.К. Церетели)
3. Розмыслы

Съездил в Гатчину на фестиваль «Литература и кино», а там девчонки! А вчера заглянул в наш театр и не мог не отметить.
Ваш В. Курбатов.

08.05.2018 Вот собирался на инаугурацию⁸⁴, а поглядел в зеркало и не решился.
Обнимаю. Ваш В.К.

02.07.2018 Сидел тут в Президентском Совете, обсуждающем кандидатуры на Госпремию, и увидел вот такой документ. Улыбнулся, узнав руку самого соискателя. Или я уже перестал чувствовать слово, и Фёдор Конюхов действительно теперь пишет и думает так патетически? Чует моё сердце, что Тимур Касымович [Зульфикаров]⁸⁵ сам написал и упросил Фёдора подписать для авторитета. Не дали бедному Тимуру премии, хотя я тоже изо всех сил хлопотал именно о нём. Тут он сам себе и повредил этой «ораторией». А перед этим была ещё Справка о том, что Тимур — единственный продолжатель Гомера, Шекспира и Гёте. Вот как можно самого себя закопать. А шлю просто для улыбки посреди забот. Прислали ли приглашение «Хранители...» Я недавно напоминал.
Обнимаю Вас. В. Курбатов.

29.07.2018

*Фото из письма
см. на пред. стр.*

Как жалко, Аркадий Григорьевич, что свидание было так суетно и бестолково! Вот две карточки: «Праздник удался!» и «Глаза бы мои не глядели на этих дилетантов от фотографии!». И от себя добавлю де Голля. Уж очень смешной.

Обнимаю Вас. В. Курбатов.

---

⁸⁴ Четвёртая инаугурация В.В. Путина в качестве Президента Российской Федерации состоялась 7 мая 2018 г., в Зале ордена Святого Андрея Первозванного Большого Кремлёвского дворца в Москве.

⁸⁵ Зульфикаров Тимур Касымович (1936) — поэт, прозаик и драматург, сценарист.

30.07.2018

*Фото из письма
см. на след. стр.*

Заманчиво! А сколько поездом-то от Москвы до Тобольска? Эх, так бы и полетел. Ну, пока буду греться этой мыслью — благо, греться сейчас нетрудно — жара не кончается. Нашёл ещё пару фотографий на телефоне. Это Вы с «моей» хранительницей Шахматово⁸⁶, а второго дяденьку забыл⁸⁷. А пока Вы питаетесь, приударяю за своими сверстницами — античными барышнями. И с укоризной гляжу, как сами питаетесь, а о бедной мраморной девушке забыли, и ей только и остаётся завистливо поглядывать в Вашу сторону.

Обнимаю Вас. В. Курбатов.

16.05.2019

Дорогой Аркадий Григорьевич!

Ещё раз повертел в руках книжку Тарковского⁸⁸ и опять укрепился в желании взяться за прозу, написать блестящий роман, получить «Большую книгу» и нечаянно застать Председателя Тобольского фонда где-нибудь на выставке и скромно подарить ему этот толстенный том с намеком, что эти подлецы в ЭКСМО, или у Шубиной не умеют как следует издавать настоящую прозу. То ли, мол, дело серия «Тобольск и вся Сибирь». Глядишь, председатель и повелит издать «как следует». Даже и неловко разогнуть где-нибудь в поезде или метро — они «не дадутся». Им стол подавай, зелёную лампу, благородное собрание. Но Мишина книжка и в зимовье не пропадёт. Там, благодаря иллюстрациям Горбатова⁸⁹, ею наслаются вполне, как иллюстрацией дня, будто со стороны себя увидишь в счастливом охотничьем труде — себя,

---

⁸⁶ Мисочник Светлана Михайловна — директор государственного мемориального музея-заповедника Д. И. Менделеева и А. А. Блока (Шахматово).

⁸⁷ Рязанов Александр Михайлович (1958) — один из создателей, главный хранитель, директор Историко-литературного государственного музея-заповедника А. С. Пушкина (Большие Вязёмы, Одинцовский городской округ Московской области),

⁸⁸ Тарковский М. А. Не в своей шкуре: повести. — Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска», 2019. — 216 с. — (Библиотека альманаха «Тобольск и вся Сибирь»); Тарковский Михаил Александрович (1958) — русский прозаик и поэт, главный редактор альманаха «Енисей» (Красноярск). Лауреат Патриаршей литературной премии за вклад в развитие отечественной литературы (2019).

⁸⁹ Горбатов Вадим Алексеевич (1940) — советский и российский художник-анималист, живописец, график, художник книги, кандидат искусствоведения, член Союза художников России и член Союза художников дикой природы Великобритании.

1

2

3

1–2. Приударяю за сверстницами — античными барышнями
3. За круглым столом в Больших Вязёмах

собак своих, зверя, которого ты сегодня взял или не смог. А уж горожанину и урок памяти о живом мире за кольцевой дорогой, чтобы и зверя мог вспомнить и тайгу, и ненаглядную Родину, нарисованную с нежностью... И ещё ободришься, что мир книги не окончательно подмят шопингом и онлайном.

Фсё-о — пошёл писать бессмертную книгу.

Обнимаю. Ваш В. Курбатов.

10.09.2019

Эх, Аркадий Григорьевич!

Как грустно, что Россия так велика, а то бы 29-го на мои семьдесят мы бы посидели на завалинке. На всякий случай буду выглядывать в окошко.

Обнимаю Вас. В. Курбатов.

11.09.2019

Увы, Аркадий Григорьевич, я об эту пору буду в Ясной [Поляне] — так нерадостно сошлось. Обнимите там всех уже близких людей.

24.09.2019

Как справите билет, шепните номер вагона. Я буду встречать 29-го Вас и ещё двух гостей. Живу автоматически, почти не понимая, что со мной. Старик Экклезиаст утешает, что «и это пройдёт», но чтобы согласиться с ним, надо прожить ещё неделю.

Обнимаю Вас. В. Курбатов.

02.10.2019

*Фото из письма
см. на след. стр.*

Спасибо, Аркадий Григорьевич!

За [премию] Конюхова отдельное спасибо. Ношу [медаль лауреата], не снимая, радуясь, как высшей чести. Когда все уехали, прислал телеграмму Вован Путин⁹⁰ — она была скучна и дежурна. И хорошо, что не пришла накануне, а то бы все тужились быть такими же дежурными. А так все были людьми. Устать устал, а уже скучаю без Вас.

Обнимаю и благодарю. Ваш В. Курбатов.

⁹⁰

29 сентября 2019 г. В.Я. Курбатову исполнилось 80 лет.

1

2

1. Юбилейная грусть (80-летие
В.Я. Курбатова)

2. Изборск. Со щитом и не иначе

25.11.2019 Поглядите, Аркадий Григорьевич, чувовского Ермака, там уж тогда я буду готовить остатки сил, чтобы, может быть, разделить с Вами поездку. На будущий год мне обещали дать этому музею «Хранителей [России]». Обещали и в этом, но проворные ребята успели оттеснить приятными дарами Фонду Столыпина. А с нас, чувовских, чего возьмёшь?

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

28.12.2019 Но-вы-ый го-о-д настаё-от!

И опять отчего-то больше хочется ворчать, чем восклицать. Ишь настаёт он, «с наступающим!» Наступает и наступает, а мы пятимся и пятимся. И ещё заискиваем. А нет чтоб сказать: Встанем как один, скажем: «Не дадим!» И пусть он побудет нами с нашим вечным ожиданием какой-то таинственной полноты, которая не будет подгонять нас. Ни нашей, ни его заслуги нет в его новизне. Он просто дан — чего его поощрять-то? Как всякий очередной день. Правда есть только во второй части восклицания: «С новым счастьем!». Тут хоть слышна благодарность Господу за ежедневное счастье быть, за Его дар нам, дуракам. Это после Рождества можно ликовать, что вот опять нам даровано спасение, опять нам отпущен новый год нашей возможности сделаться Господними детьми, хотя мы уже знаем, что нам опять что-то (кроме нас самих) помешает на пути устройства души. Ладно, разумничался он тут. Обнимемся, дорогой Аркадий Григорьевич, и опять в труд дня, в счастье повседневной скуки и вечного беспокойства, что опять не успели того и вон того. В счастье жить! И опять надеяться на встречу в Тобольске.

Ваш старый, как уходящий год, В. Курбатов.

16.01.2020 Спасибо, дорогой Аркадий Григорьевич!

Я не смогу быть на презентации — наложились прежние обязательства. Уже ничего не переменишь. Поздравляю с новым замечательным проектом⁹¹. Уже нетерпеливо полистал рукопись

---

⁹¹ Чехов А. П. Остров Сахалин. Оптико-электронная реконструкция рукописи: из фондов ФГБУ «Российская государственная библиотека»: статьи. Сводный указа-

Антон Павловича. Не оторваться — рукописный текст живёт отдельной жизнью — в нём слышнее живое дыхание, отчётливее гнев и печаль и задыхание. Даже, кажется, слышишь, где кашляет, где бросает перо и выходит. Буду теперь время от времени заглядывать, чтобы врачевать и своё сердце от подступающего стариковского равнодушия.

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

Впервые встречаю год без Вашего календаря, и год от этого кажется ненастоящим. Даже и отсутствие снега (а уже середина января) валю на то, что он пользуется отсутствием календарного присмотра за собой.

С любовью. Ваш В. Курбатов.

24.01.2020   Спасибо, Аркадий Григорьевич!

Календарь пришёл, и мир вернулся на привычные три кита, а то как будто из времени выпал. И «Белорусов в Сибири»⁹² жадно пересмотрели с моей белорусской Инной⁹³ — вдруг, думаем, из родственников кто. Да и из богатых, чтобы нам и зЕмли оставили и золотые червонцы в кубышке. Эх-х, не нашли... С благодарностью обнимаю Вас.

А Вы уж, верно, в Москве представляете Чехова. Эх, если бы не ехать, а р-р-раз и оказаться в Москве, то уже летел бы к Вам, толкая прохожих...

Ваш В. Курбатов.

01.04.2020   Не бойтесь, Аркадий Григорьевич!

*Фото из письма
см. на след. стр.*

Это пусть коронавирус боится — нас ветеранов, просто так не возьмёшь. Мы сами кого хошь на испуг возьмём! А вот ещё за-

---

тель / сост. В. Ф. Молчанов, Е. Э. Вишневская. — Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска», 2019. — 747 с.: факс.

⁹² Тобольск и вся Сибирь: альманах / [гл. ред., Ю. П. Перминов] / Кн. 30: Белорусы в Сибири: в 2 т. [сост. Ю. П. Перминов, Р. Ю. Фёдоров; дизайн: Е. Е. Бабаева, В. Е. Валериус]. — Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска», 2019. Т. 1. — 720 с. с илл.; Т. 2. — 624 с. с илл.

⁹³ Супруга Валентина Яковлевича — Инна Фёдоровна Курбатова.

мечательные стихи Ольги Родионовой⁹⁴, родившейся в Барнауле, а сейчас живущей в Штатах.

КОЛОКОЛ

1.   боже, схороним царя, и царицу, и двор.
вор на конюшне зовётся конюшенный вор?
вор нам, конечно, завёлся за наши дела,
вон и гордячка, гляди, от него родила.
дворня глядит, замирая, на княжеский ход,
тот, говорю вам!.. а вправду ли, братие, тот?..
правда, царёнок, да больно уж светел, смотри.
царский бы — вороном, есть у них грозный внутри.
этот же голубь как есть, рубашонка бела...
точно, — ворёнка маринка, блядва, родила.

2.   плачет мнишек — что наделала дочка,
нагуляла с чернецом голубочка!..
вон на виселице малый кулёчек —
далеко ли улетел, голубочек?..
что там виснет — уж не брань, не боится,
на расшитом вороту у бориса.
что там, царь, — на рукаве оторочка?
голубая, будто кровь голубочка.

3.   плачь давай, плачь, пся крев, сучий прах,
будешь знать, как рожать от ворех и ворах,
голубиной кровию народ дивить.
нам давить ворят — не передавить.
нам стрелять царят — не перестрелять.
рученьки болять.

4.   спи, иванушка, спи, митенька, спи, алешенька.
ой, лишенько...

---

⁹⁴ Дашкевич Ольга Радиевна (Ольга Родионова) (1969) — поэтесса, родилась в Барнауле, жила в Омске, в 1993 г. эмигрировала в США. Живёт в Филадельфии.

5. здравствуй, лжедмитрий, не бойся, не плачь, это я —
угличский колокол, маленький, как ребячёнок,
жалкий, как взгляд из надёжных ребячьих потёмок
под одеялом, — я детская нежность твоя.
я твоя родинка, бедный, обида во рту,
горечь нецарского рода, нешляхетской крови,
я твой подменыш на ложе надменной любви,
я твой жеребчик в июньском бесстыдном поту,
ножичек твой перочинный, письмо в рукаве,
ссылный твой, каторжный колокол, вражья личина,
бедный мой маленький мальчик, убитый мужчина,
царь в голове.
я на столбе, как на дыбе, немой, как котёл,
татъ безъязыкий средь архиерейского сада,
я твой чугунный спасатель от судорог ада...
не защищайся, — я знаю, что ты не хотел.
если чего и хотел, так любви одной,
плакать в ее подоле не по-царски — по-детски.
эх ты, монашек, зверёк, для кого эти доски
так хорошо обстругал сострадатель больной?
здравствуй, царевич, вот жизнь и закончилась вся,
кто не зарезан — повешен, сошлось, говорю, аккуратно.
мне бы вернуться, да кто ж меня пустит обратно —
мне бы звонить, и звонить, и звонить многократно,
новых святых вынося.
то-то, тихоня, не всякому плотнику крест,
колоколу язык, царю марину, царевичу нож.
здравствуй, дитяtko, что ж ты никак не умрёшь,
нешто не надоест?..

Дура, что она там с таким даром делает?
Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

03.04.2020 Дорогой Аркадий Григорьевич! Я не знаю поэтессу Родионову и привета передать не могу. Дивлюсь только силе дара. Но давший мне её стихи человек дал и адреса, по которым можно и почитать её и связаться с ней. Если Перминову⁹⁵ будет интересно, вот эти адреса, по которым она «живёт». А поэтесса подлинно из первых сегодня на русском языке — без страха говорю это, потому что, кажется, нет сегодня в России поэтической книги, которую бы я сегодня придирчиво не прочитал.

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

19.04.2020 Христос воскрес, дорогой Аркадий Григорьевич!
«Смерти празднуем умерщвление, а до во разрушение, инаго жития вечнаго начало...» Вдруг остановишься в смущении — не торжество ли смерти и не адово ли устройство? Храмы заперты для «общего дела», молятся одни клирики. Для них, наверно, это счастливые часы, когда они подлинно одно тело, и мы не мешаем им своим непониманием, неумением вести себя и слышать сердцем. Ну, дай Бог! Пусть так! Только бы они потом вышли к нам новым телом и духом и обняли нас, как потерянных детей. Слава Богу, церковная завеса не раздралась, а только сомкнулась перед нами, чтобы вырвать нас из уже бестрепетной и бестревожной привычки и незаметно выющегося в душе самодовольного фарисейского гнезда («слава Богу, мы не такие, как те, кто за оградой храма»). Совершающееся вокруг ведь тоже упрёк: блюдите, како опасно ходите. Бодрствуйте и молитесь и, Бог даст, увидите посреди беды новым зрением, как впервые, что подлинное и единственное умерщвление смерти — Христос.

Христос Воскресе!

Обнимаю Вас.

И Бог даст, ещё и в родном Тобольске обнимемся.

---

⁹⁵ Перминов Юрий Петрович (1961) — русский поэт, публицист, прозаик; главный редактор альманаха «Тобольск и вся Сибирь» (с 2010), секретарь Союза писателей России.

22.04.2020 Дорогой Аркадий Григорьевич! Увидел на листке Вашего календаря лауреатов Премии имени Ф. Конюхова, немедленно нацепил на пиджак свою медаль и пошёл гулять по улицам, «нечаянно» распахнув пальто. «За что?» — спрашивают. «А за то, — говорю, — что переплыл житейское море на всех видах судов — от корыта, в котором купала меня матушка, до крейсера „Александр Невский“, на котором я прошёл северные моря, до судна, которое подкладывала медсестра в дни стариковских хворей!» «А-а-а», — говорят. «То-то!» — говорю. И дальше...

Обнимаю Вас и коллег по плаванию в житейском море.
Ваш В. Курбатов.

23.04.2020 Так Вы меня скоро догоните, Аркадий Григорьевич!
Уж не торопитесь! Восстанавливать-то вон ещё сколько. А если ещё взглянуть на плакат у входа на территорию нашей дивизии, то станет ясно, что нам ещё воскрешать и воскрешать и майя, и инков, и семивратные Фивы...

Сердечно обнимаю Вас.
Ваш В. Курбатов.

13.05.2020 Спасибо, Аркадий Григорьевич!
Бандероль получил. Чуть донёс. Шутка сказать целый «Человековек»!⁹⁶ Да и отчёт вон какой обстоятельный. И Иван Андреич с баснями⁹⁷. Почитаю, бывало! Нагляжусь на родную Сибирь. Хоть так, раз живым не пускают. Вовсю декадентствую. Ничего не читаю и не пишу. Все слова полегчали. Рвусь на волю, но без маски

---

⁹⁶ Речь идёт о книге Анатолия Омельчука «Человековек» (2020): основная тема, над которой размышляет автор, — человеческий век и век текущего времени — как они сопрягаются в отдельной человеческой сущности. Омельчук Анатолий Константинович (1946) — известный тюменский писатель, публицист, краевед, телерадио журналист, первый президент телерадиокомпании «Регион-Тюмень», лауреат престижных литературных и телевизионных премий, почётный гражданин Тюменской области, член Союза писателей и Союза журналистов России.

⁹⁷ Кеневич В. Ф. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. — Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска», 2019. — 461 с.

1. Пусть коронавирус нас боится
2. Вручение В.Я. Курбатову Государственной премии РФ в области науки и искусства. 24.07.2020

— ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС, ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ,
с днём города Тобольска!
— Спасибо, Валентин Яковлевич.

не пускают, а в ней я задыхаюсь. Теперь вот и в храме надевай и стой в ней на улице — храмы закрыты, служат на улице. Эх-х... Хочется сказать что-нибудь такое, что на телевидении передаётся как «пи-пи-пи...». А и скажу: пи-пи-пи! Пусть знают!

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

22.07.2020 Спасибо, Аркадий Григорьевич!

Крест прекрасен⁹⁸. Не решиться ли показать его в прессе вместе со «стихотворением» для прямой дискуссии? Да и просто для здорового разговора о новом понимании истории. Это добрый поэт подставляет своё нынешнее понимание, будто Ермак Тимофеич вчера пришёл в демократическую толерантную Россию и, не разобравшись, пошёл валить татар, не разобравшись, что они лучшие дети России и надежные её защитники. А это ведь благодаря Ермаку Тимофеевичу наш поэт понял законы братства и нового исторического миропонимания. И хорошо бы и обе обсуждающие стороны поняли, что они теперь под этим крестом могут начать новую любящую историю, чтобы и Ермак с Кучумом там, в небесах, обнялись и сказали: «Прости, брат, лаялись мы, лаялись, кровищи налили, но зато, видишь, внуки-то рука об руку. Видно, в наше с тобой время иначе было нельзя».

Обнимаю Вас.

Ваш В. Курбатов.

В СВОЁМ ОТВЕТЕ СООБЩИЛ ВАЛЕНТИНУ ЯКОВЛЕВИЧУ:
«Наша власть всячески останавливает меня и поэтому не до дискуссий пока. Мне надо крест установить. Власть просит открытие и освящение креста перенести с 15 августа (435 лет со дня гибели Ермака) на сентябрь после выборов. Так власть реагирует на высказывания двух-трёх больших

⁹⁸ Поклонный крест «Казакам дружины Ермака от благодарной России» у часовни в честь святого Димитрия Солунского на территории культурно-исторического ландшафтного парка «Ермаково поле», созданном на месте разрушенного сада вокруг недействующего дома отдыха А. Г. Елфимовым. Против установки Креста выступали представители татарских общественных организаций.

людей... Вот сегодня получил письмо от нашей местной визгливой особы, как бы лидера татарского движения Луизы Шамсутдиновой на мою рассылку „Символ государственного единства“: „Татары были, есть и будут хозяевами у себя Дома! И не дадут вам сеять Раздор!..“ и т.п.».

23.07.2020   Вон, значит, оно как! Серьёзно. А уж скоро и суверенитета попросят в подражание Украине и Эстонии, назовут оккупантами и попросят заступничества «мирового сообщества». Может быть, пригласить епархию и сказать, что Крест ставится благодарными Ермаку Тимофеевичу православными за утверждение христианской веры в Сибири. Вроде как свой домашний русский праздник. Хотя нет, это их только раззадорит, и они потом все события будут считать только узко русскими. Тоже ведь «пандемия» национальных очагов. Ну, потихоньку и готовьте сознание к сентябрю, без нажимов и педалей, как единое скрепляющее после болезни дело.

Господи, помоги!

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

14.12.2020   Спасибо, Аркадий Григорьевич!

Пока не открываю календарь — всё в свой час. А вот по «Ермакову полю»⁹⁹ хожу вволю. И не нахожусь. И текстам радуюсь, и фотографии гляжу. И оторваться не могу. Ай да Вы! Что нам Версали и де-Лилевы сады, если у нас есть Ермаково поле? Эх, так бы и помчался походить, поглазеть, навестить свою липку — уж поди с меня? Поклониться Валиной липе, и Крупинской, и Поляковской¹⁰⁰ — всем по-разному: кому с нежностью, кому просто приветливо, а кому и заискивающе. Не попроситься ли в дворники? На садовника не потяну — тут голова нужна, а у меня уж остались одни руки, да

---

⁹⁹ Ермаково поле. Сибирской славы корни вековые: книга-альбом. А.Г. Елфимов [фото, текст]; ред. сост. Н.А. Ягодинцева.— Тобольск: Изд. отд. общ. благ. фонда «Возрождение Тобольска», 2020.— 304 с.; илл.

¹⁰⁰ Речь о липах, посаженных в Липовой роще на территории парка «Ермаково поле» В.Г. Распутиным, В.Н. Крупинным, Ю.М. Поляковым.

и те не очень послушные. Разве в ночные сторожа — бессонница поможет коротать ночи. Съездил в Петербург на кинофестиваль «Невский благовест», провёл вечер памяти Саввы [Ямщикова], как уже четвёртый год, чтобы было ещё за что ухватиться в нашей беспамятности. И рад, что преодолел себя и вырвался из заточения и опять увидел, как люди тоскуют по живому общению.

С благодарностью обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов.

30.12.2020 Здравствуй, дедушка Мороз, борода из ваты, ты подарки нам принёс — чё-то хреноваты. Ты уж давай не низкопоклонствуй перед Западом. Ты патриот или нет? Вспомни свой Устюг и давай по-людски. Погоним эту ихнюю заразу поганой метлой и встретим Новый год как новый-новый, с иголки, без единой старой нитки, чтобы и нас все не узнали: Неужели это Россия, которая вчера рвалась в «цивилизованное человечество»? А сегодня не узнать! Красавица, умница, спортсменка, комсомолка! А мы им: «То ли ещё будет! Вы ещё нас узнаете!» Сами запроситесь под наше крыло, а только мы: «Кыш!» Потом, может, и сжались. Чай, русская душа — поделимся сердцем...

Господи, помоги! Храбришься, храбришься, а на душе кошки. И все чёрные-чёрные...

Обнимаю и уповаю, дорогой Аркадий Григорьевич!

Ваш Потерявшийся Курбатов.

11.02.2021 А всё-таки жидковато писал (или пописывал — посикивал) наш Владимир Ильич [Ленин]. Водянисто. Вот зима и выдала. «Протекла» рукопись-то. Матушка русская природа она соврать не даст. Обнимаю Вас. В. Курбатов.

«С благодарностью — Ваш В. Курбатов»

1

2

3

4

5

1. А. А. ФEFЕЛОВ, В. Я. КУРБАТОВ,
А. Г. ЕЛФИМОВ, А. М. МАРЛАСОВ.
Тюмень, февраль 2009
2. ТЮМЕНСКОЕ УЗОРЧЬЕ
3. ВСТРЕЧА ПО ОБЛОЖКЕ
4. НА АБАЛАКСКОЙ ВЫСОТЕ
5. ТОБОЛЬСКИЙ КРЕМЛЬ,
ПРЕМУДРОСТЬ БОЖИЯ — СОФИЯ...

1

2

3

СНОВА НАС ТВОРЕЦ ПРОЩАЕТ,
ВНОВЬ БЛАГОВОЛИТ.
СЛЫШУ, ВИЖУ, ПОНИМАЮ.
А ДУША БОЛИТ.

Валентин Курбатов

1. Приращение в Сибири.
В парке «Ермаково поле», 3 февраля 2009
2. Здесь будет липа цвести!
3. По Иртышу на снегоходе

1

2

1. ВСЁ ЭТО — ВАМ, ЧИТАТЕЛИ МОИ!..
2. И С ПЕГАСОМ — ПО ПУТИ...
- 3–4. К Священному холму на поле бранной славы. Изборск

3

4

ЖИЗНЬ УЖЕ ВСЯ ПРОЖИТА.
СБИЛАСЬ КУКУШКА СО СЧЁТА.
ВОН ГОРИЗОНТА ЧЕРТА —
А УХОДИТЬ НЕОХОТА.

Валентин Курбатов

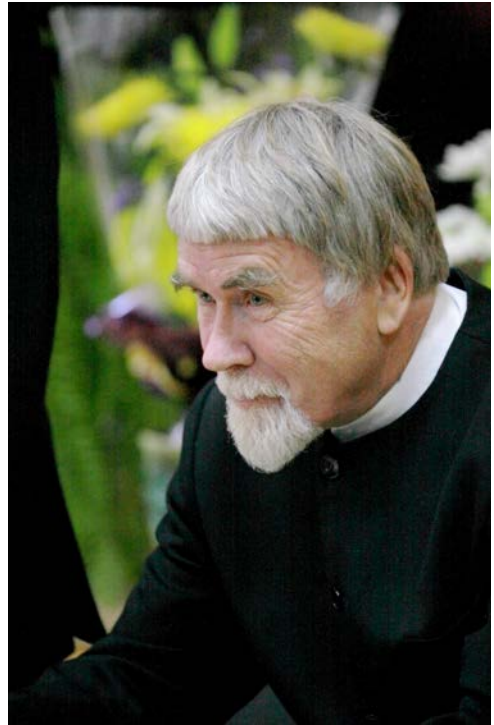
«С благодарностью — Ваш В. Курбатов»

1

2

3

1. Художник слова, художник дела
2. Союз Мастеров
3. В даль грядущего

Жизнь — к концу, а я — в начале,
Перед мукой красоты...

Валентин Курбатов

«ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ О ВЕЧНОСТИ...» Фотопортрет В.Я. Курбатова авторства Г.П. Кривцова

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ —

ОБ ИЗДАНИЯХ ФОНДА

«ВОЗРОЖДЕНИЕ ТОБОЛЬСКА»

ПРИРАСТАТЬ РОССИЕЙ

Это уже библиотека. Я писал об альманахе «Тобольск и вся Сибирь» три года назад, когда вышло четыре выпуска, и они на глазах становились неотменимой страницей истории России. А теперь их десять, и они, двигаясь с запада на восток, охватывая город за городом, достигли Иркутска.

Праздничное чувство первых встреч прошло. Альманах стал «рабочим». И читается спокойнее, пристальнее. И переставляет акценты нашего восприятия. Или это просто мы «входим в берега». По-прежнему вчитываешься в историю Омска ли, Красноярска, Иркутска, как прежде читал о Тюмени, Сургуте, Тобольске, дивишься молодой силе этой истории, которая ещё и назад-то только-только оборачивается, потому что слишком сильна закваска идти вперёд. Но уже не ловишь себя «на боковых мыслях». То есть сила-то всё остаётся силой, напор напором, но ты всё чаще думаешь о «литературе», о том, что прежняя страсть движения, открытия, освоения и присвоения, медвежьей хватистости и крепости одних и умной энергии других, которые

отличали предков в молодые дни формирования Сибири, всё больше поворачивается у их наследников к слову, к «рассказу о».

В истории есть опасность. Переведённая в слово, она укрепляет род, возвышает сердце, учит прозревать связи явлений, но, странно сказать, как будто ослабляет мускулатуру жизни. Её изучают, ею гордятся, но её не продолжают, потому что вполне утоляются сознанием минувшего величия. Иногда кажется, что исторические герои и делатели, за которыми мы прячемся, — воины, первопроходцы, молитвенники, — видя, как мы «помыкаем» ими, так бы и встали и укорили нас за это «партийное» насилие над ними, но это уже не в их власти. Им теперь и говорить только то, что они говорили, думать, как думали, уже не переменить поступков и даже не умереть. На службе они у нас.

Я пишу это не для укора (сам такой), а только как невольно напрашивающийся повод для размышления. Вот нарочно сравните, скажем, в иркутском номере открывающий его текст из «Жития» протопопа Аввакума и отрывок из романа Глеба Пакулова «Гарь» про того же протопопа. Сами всё и поймёте и сами и увидите здоровую твёрдость, страшную простоту гибельной жизни, грозную силу веры реального протопопа и почти нарядный оборот этой жизни в романе, который патриотичнее протопопова жития, но весь соткан из приблизительных слов, рождённых не землёю, а ветром. Или в омском (можно и в красноярском) выпуске грамоту Михаила Фёдоровича с покойной распорядительностью дальней землёй, с отеческой серьёзной заботливостью и первое же эссе омича А. Пищухина о прошлом веке, который всё ещё хочется взять в кавычки — так плохо он сознаётся прошлым. Тут уж в истории прописываются и хрущёвки, и бомбоубежища холодной войны, и недопущение городского строительства выше девятого этажа в «сибирском Чикаго», каким намеревался быть Омск, чтобы нечаянный остроглазый гость не мог сосчитать числа труб над секретными предприятиями. И уже перевешивает улыбка в размышлении о том, как звались бы те или иные улицы, когда бы победили «те» или «эти».

Да вот, наверное, что останавливает — эта улыбка и остранённость. История — это всегда немного «вне» и «над», но это «вне» держится силой корня, который всё собирает и даже в печало-

вании о неразумии главным держит величие Родины. А тут вот читаю в иркутском номере эссе А. Лаптева и улыбаюсь. Только что сказал, что он тут родился и ему ничего не внове. И вдруг пишет: «Главное, что остро чувствуешь в Сибири, — это пронизывающее чувство какого-то безвременья. словно ты выпал из общего потока и оказался на другой планете». И дальше уж совершенно обобщительно: «Сибирь никогда не жила заботами остального мира».

Откуда бы вдруг эта посторонность — «безвременье», «выпадение из потока», «заботы остального мира», если ты тут родился и живёшь? Если это твоё с колыбели, то ты ведь другого-то «потока» и не знаешь.

Да вот то и есть, что мы теперь в России все немного «сбоку» и все глядим на родное со стороны — одни для того, чтобы ещё больше возвеличить это родное и укорить «тех», а «те», чтобы расшатать покачнувшуюся Родину окончательно, потому что она им не Родина. Но, конечно, причина «бокового взгляда» и не только в этом. Мы все сегодня по-настоящему только входим в историю, как-то всенародно чувствуем её движение и потому так жадно едим её и домашнюю, и общую, будто обживаемся, как в новой квартире, глядим, как обставиться. А может, ещё и то, что вкус-то мы к истории почувствовали, а она «ушла на обед», и мы остро чувствуем безвременье и защищаемся от него прежними днями.

Такая «прикладная» история скоро разделяет человека на «мы» и «они». Мы — читающие и правые, они — делавшие и ошибавшиеся. Мы — говорящие, и они — властные, слышащие нас и делающие выводы. А только где они, эти властные? Хоть искричись! И вот прав, горько прав Лаптев: «Теперь всё лучшее из Сибири бежит. Население уменьшается, производственный потенциал падает». И дальше ещё тяжелее: «Сибирякам остаётся лишь отравленный воздух и чувство неизбывной горечи». А только кому он это кричит? Где «слушатель»? И в осадке действительно остаётся одно чувство неизбывной горечи как незащитности.

Вообще, кажется, в последних номерах эта горечь множится. Или это наше зрение обостряется? И вот, кажется, что её уже слышишь не только у современных писателей, которые узнали некий «общий поток» и увидели, что не причастны к нему, но даже и в речи прекрасных старых женщин, наших матерей,

доживающих по брошенным деревьям и тоже, к сожалению, узнавших власть мира, которая достанет везде. Вот В. Г. Распутин цитирует из «Словаря байкальских говоров» старушку, которая говорит, что раньше «Тут же власти никакой не было. Здесь же вся Сибирь посельгой заселённая, родчего здесь никого не было: все пришедшие люди. Тогда до лешего посельги было. Сибирь-то вся в ссыльных. Где прильнёт, там и строиться начинает. Поселенцы же нам рассказывали про жись про российскую. Больше-то некому шибко рассказывать. Все же свои, все про всех знают». И тоже не спрашивает, откуда она узнала, эта славная бабушка, про «власть-то», если она выросла там, где её «не было»? Значит, теперь «появилась» и стало можно сравнить. Да только разве «власть» появилась? Появилось её кривое понятие, иначе бы чего бабушке печалиться. А она вот видит, что «нынче народ какой-то всё ненастный» и тоскует по любви «безвластного» времени.

И, конечно, кому что ближе, а я всё вслушивался в каждом выпуске в речь сибирскую, в слово русское, которое там хранилось крепче. А вот теперь, по замечанию одного из авторов поминаемого «Словаря» Галины Афанасьевой-Медведевой, и в Сибири «слова уходят из жизни как люди». Она торопится застать их живыми, боится не встретиться с теми, кто это слово помнит, и потому стучится почти в каждую избу. Распутин назовёт её труд богатырским и тоже увидит, что «говоры эти чудом подхвачены уже на излёте в небытие». И не обманет себя и нас, что можно не тревожиться, что слово уберётся: «Всего-то двадцать-тридцать годочков тонким слоем припорошили сибирские просторы, а окунувшись в недавнее прошлое, о котором повествует «Словарь», трудно отделаться от впечатления, будто вековые заносы погребли то время и то бытие и нет между ними и сегодняшней действительностью никакой родственности».

Да, да, и это! Пропасть эта между тогда и теперь. Особенно остро как раз и ощутимая из сопоставления документов, свидетельств лиц миновавшей истории и нынешнего времени за окном. Даже если не брать великих сибиряков, которым каждый номер альманаха отдаёт золотые страницы и чьи имена города торопятся выставить как герб и знамя (Менделеев, Ершов, Суриков, Ядринцев, Лавр Корнилов по одну сторону и Валериан Куйбышев по другую),

а одни только старые открытки поглядеть, совершенные вроде пустяки, которые, кажется, и представлены-то составителями не без улыбки — вот-де какими детьми мы были полтора столетия назад. А были-то ни чем иным, как ясно очевидным целым, соразмерной человеку затонувшей цивилизацией, портретом народа в его ясно осознаваемых границах. Сегодня-то город тоже портрет, только как после ухода неприятеля, «нашествия иноплеменных и междоусобных брани», от которых напрасно остерегает нынешнего человека великая ектения.

Только уж у себя-то «в России» мы как будто привыкли, потому что давно в «потоке-то», а они — нет. И оттого всё там острее, виднее, большее. Да и красота этой земли ещё не сдалась, ещё дика и самовластна. Проедьте в Красноярске от аэропорта «Емельяново» до города — как после Москвы ахнет сердце от простора, воли, полей без края, сопки, выглаженных временем до девичьей лёгкости. Поневоле сразу поверите страстному юношескому гимну Григория Потанина, написанному, когда автору было уже 73 года и его уже нельзя было заподозрить в «партийности» и игре (да и было это уже 90 лет назад). Для него в Сибири (а он мир повидал) и солнце ярче, и небо выше, и звуки чище. А оттого и колористы сибирские для него богаче европейских, что омский альманах, где этот гимн напечатан, сразу и подтвердит, показав работы Кондрата Белова, который на похвалу большого искусствоведа, что богатство неба как следует пишут только Тинторетто и Белов, нарочно поедет повидать Тинтореттово небо и только рукой махнёт — тот ему не соперник.

Порыв Потанина можно было бы счесть поэтическим (всякому своя родина ярче и чище), да он не даст свернуть на поэзию-то. У него разговор доказательнее: «В климате Сибири прочный залог обособления сибирского населения как в физическом, так и в духовном отношении... Климат самый упорный, самый закоренелый сепаратист, и ничто не помешает ему вопреки обрусительным вожделениям образовывать расу».

Вот слово-то и прозвучало — «сепаратизм». И даже вот с какой совершенно украинской интонацией — «обрусительные вожделения». Мы ведь его не в первый раз за последние годы слышим и могли бы подумать, что в Сибири оно повторилось просто от

моды — все отделяются, почему бы и нам... А только традиция-то далека и Потанин не из нынешних авторов, и напоминает он о «сепаратистских» листовках 1864 года, появившихся сначала в Омске (не оттого ли А. В. Колчак и избрал потом этот город в столицы «свободной России?»), а там и в Иркутске. Не беда, что они были рукописные и всё было быстро погашено, а беда, что причина «сепаратизма» не устранена. Как тогда сибирякам было обидно отношение к ним как к колонии, из которой тянут всё лучшее, а в неё — что похуже, так и теперь, что у Лаптева и вырвалось — «отравленный воздух и развороченный лес». Разве что теперь не в Сибирь ссылают, а из Сибири бегут.

А только время всё-таки не зря шло и аргументы Потанина уже не так прочны. Вот Потанин пишет: «В уме русского жителя Сибири живёт неизгладимое сознание, что он живёт не на родине того ядра русского народа, которое создало Русское государство, русскую литературу, русскую политическую жизнь, и ему не побороть в себе желания продолжать творческую работу русского племени в формах не старых, а новых, соответствующих его новой обстановке. Это преломление русского народного луча под лучами сибирского солнца не обеднит, а только обогатит русскую жизнь».

Конечно, тут немного и хитрости есть, как во всяком сепаратизме, любящем загородиться благом нации, от которой хочется отделиться, но сама жизнь и история тоже участвуют в диалоге цивилизаций и культур и вносят свои коррективы. С той поры, как это было написано великим сибиряком, мы могли не раз видеть «преломление русского луча под сибирским солнцем» и роль Сибири в «формировании русского ядра».

Про советскую-то историю мы теперь как-то криво говорим (и тут пока и в альманахе редкое исключение — благодарный очерк М. Сильвановича о долго работавшем первом секретаре Омского обкома партии Манякине), а она, матушка, как раз Сибирь-то во многом и сделала «ядром русского народа». И в промышленном смысле (нефтью, углём, электростанциями, никелем, металлургией), и что, может быть, дороже всего — в духовном устройении русского человека. И того человека, который за эти десятилетия в Сибирь переехал, и того, кто никуда не трогался, да зато прочитал Астафьева и Распутина, Шукшина и Вампилова, которые именно

потому и были так жадно приняты и сделались всенародны, что принесли свет, высоту и ясность, при которых мы словно впервые увидели и низкое своё небо, и запущенность души. И узнали в них своё духовное лучшее. И будто распрямились. Будто тут только и осознали: ядро-то своё, которое стали забывать. Они вернули нам утраченный простор и волю, то великое русское, по которому мы все родня.

За последнее столетие Сибирь стала нашим сердцем, вошла в кровообращение. И теперь уж и Потанин не решился бы повторить, что «в Сибири потребность в автономии сильнее, чем в какой-либо другой части Великороссии». Сама она бы и не позволила это повторить, хотя она по-прежнему в своём величии и богатстве — подлинная вселенная, самодостаточная для себя, Бога и человека.

И, перечитывая альманахи один за другим, видишь, что Сибирь уже не прилепляется к России, а как будто перетекает в неё, что они уже единое генетическое тело, которое без взаимного разрушения не разорвать. И хоть какой-нибудь нынешний ямщик ещё повторит за поэтическим ямщиком И. Оммулевского «Здесь места — благодатное дело, / Не другим, не России — чета», но повторит разве с озорством и гордостью и твёрдой верой, что он себя только потому с Россией и сравнивает (а не с Китаем, Францией или Штатами), что чувствует себя более удачливым сыном среди других сыновей одной матери.

Да и забыть ли, что теперь и беда общая нас уже соединила — не разорвать, читаешь ли о проблемах Красноярского края, о Енисее, который теряет роль, какую от века играли главные реки России — «великого воспитателя человечества». Об умирающей омской промышленности. Об умершем казачьем селе Мурочи («...будто и не было его, как будто почти триста лет не хлебопашествовали и не охраняли там границу с Монголией, а значит, и с Китаем предки мои, забайкальские казаки»). А разве оно одно такое село теперь по России. И как не встревожиться вместе с автором этого очерка Юрием Буданцевым, что вот уже и китайцев в Сибири два миллиона и «договорись прозападненные китайцы с Западом... и с нашими продавшимися соотечественниками, почему бы не оттяпать у нас всю Сибирь».

Какой уж тут «сепаратизм»! Тут только за Россию и ухватиться. Да и ей самой дать почувствовать, что она не за одно «Московское царство» ответчица. Как о высокой истории ни пиши, как возвращение «Святой Руси» ни декларируй (а этот раздел, слава Богу, в каждом альманахе всё шире и всё увереннее и спасительнее), как ни ухватывайся за доживающий быт, а всё тревога за будущее не перестанет теревить сердце. И поэты будут проговариваться об этой боли первыми. «Господи, взгляда с меня не своди. / Мало добра остаётся в груди» — отмаливал свою душу светлейший, всегда такой улыбочиво спокойный Ростислав Филиппов, на склоне лет дивившийся, как скоро мы поделились:

Это — мы. Отечество — Россия.

Вот — они. Отечество — карман.

И словно на прямое дружеское печальное единомышленное письмо отзовётся ему, иркутянину, из Красноярска Татьяна Бычковская, тоже ушедшая от боли до срока: «Эй, старуха-горюха / Выходи на войну! / Защити-ка, старуха, / Ты родную страну. / Дети, внуки, что гости / Всё пустили в распыл. / Собирай свои кости, / Выползай из могил». Беда, когда на спасение страны призываются старухи, когда карман становится религией и «распыл», как злое знамя.

И как-то следом за поэтами (и, видно, не без правой внутренней связи) просятся на память приведённые в красноярском номере афоризмы губернатора А.И. Лебеда (хотя губернатором его кажется, только Красноярский край и воспринимает, а для всякого русского человека он был просто русский генерал, вышедший вперёд в роковой для Отечества час). В редкий час душевного покоя он, как и все мы, поглядит на мир с радостной уверенностью в праведной силе жизни: «С каждым новым поколением из всё более плохих детей вырастали всё более замечательные родители, и жизнь шла своим чередом». Но выйдет «на улицу» и оптимизм как рукой снимет: «Если ребёнок семи лет от роду уже лихо пользуется двумя хоть и на русском языке, но по сути не русскими глаголами „мочить“ и „трахать“, то, когда он вырастет, будьте уверены, будет писать „Родина“ с маленькой буквы, а „сало“ с большой».

К чести генерала, он говорил это не для упражнения в красноречии, а как делал всё, чтобы «людей с „опытом боевых действий“ на планете становилось всё меньше», так отлично понимал, что «не дело власти возрождать духовность. Дело власти не мешать ей быть». И он старался «не мешать ей быть» в том числе и для того, чтобы слова «Родина» и «сало» писались с положенной буквы.

Простите, что душа от восхищения, какого достоин каждый номер альманаха, всё поворачивает на больное, но это ведь тоже заслуга альманаха. И, может быть, более важная, чем если бы он вызывал одни восклицания. Значит, глядит он на жизнь, не опуская взгляда, не обманывая нас и себя, а уж как есть, так и есть. И потому, опять пересматривая теперь уже целую библиотеку альманахов, вчитываясь в грозные, драматические страницы давней истории и жёсткие, неустановившиеся в определениях страницы о войне Гражданской, вглядываясь в красоту перемежающих главы фотографий лучших мастеров Сибири, вчитываясь в прекрасные стихи «изборников», где воскресают так уместно и так далеко слышно давние, забываемые нынче голоса старых поэтов И. Оммулевского, Д. Давыдова, П. Васильева и ещё вчерашние стихи З. Яхнина и А. Кутилова, глядя на счастливо богатую живопись таких разных К. Белова, А. Поздеева, В. Кузьмина, я вижу, как живо деятельны выпуски альманаха. Как они естественно идут рядом с читателем, не проваливаясь в историю, как в учебник, а идя рядом и слушая реальность в одно сердце с ним. И если всё там воспринимается острее, чем воспринимаем свой день мы, так именно от красоты и силы этой земли, которая и от человека и власти ждёт красоты и силы, а не «подставки», не колониальности и предательства.

Теперь уже кажется, что Фонду возрождения Тобольска, который издаёт этот великий историко-художественный эпос, уже и остановиться нельзя, пока не обнимет эта живая история весь край, пока не утолит и нашего голода. Потому что и мы с ним словно впервые видим Сибирь сердечно близко и только-только понимаем её уроднённость и такую желанную нашей уже облепившейся крови животворную молодость.

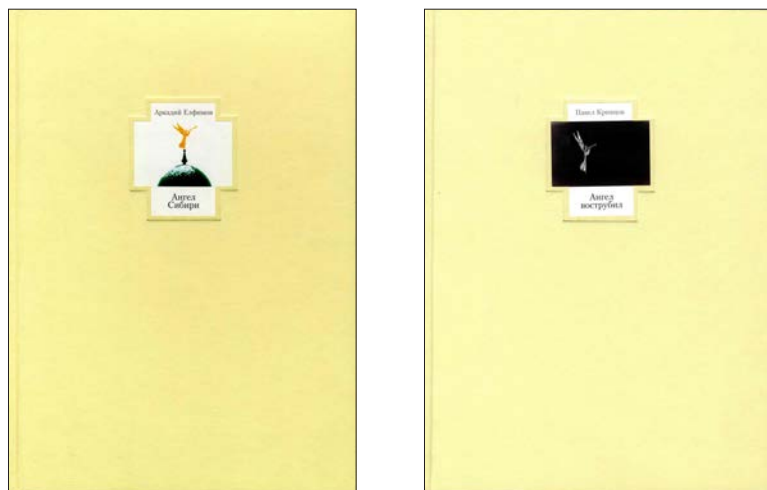
«Удивительно и невыразимо чувство Родины... Какую светлую радость и какую сладчайшую тоску дарит оно, навещая нас то

ли в часы разлуки, то ли в счастливый час проникновенности и отзвука», — писал Валентин Григорьевич Распутин.

Слава Богу, не разлуки, а подлинно только сейчас по-настоящему осознаваемых «проникновенности и отзвука», которым и служит с такой деятельностью и горячностью каждый номер дошедшего до первого малого «юбилея» альманаха «Тобольск и вся Сибирь».

Литературная газета. 2008. №23 (6175) (4.06.2008).

Портфель ЛГ

ТРЕТИЙ ЦЕНТР, или ВО СВЕТЕ ТВОЁМ

Аркадий Елфимов. Ангел Сибири. **Павел Кривцов.** Ангел вострубил. Фотоальбомы. Издательский отдел Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска». 2008

Как жалко, что мы потеряли высокое восклицание: «О!», с которого любили начать строку романтики. Говорят, в частотном словаре Пушкина оно встречается чуть не четыреста раз. И это восклицание прекрасно, потому что оно — кратчайший способ отблагодарить Бога за чудо мира. Его нельзя «выморщить», выцыганить, выпросить, потому что по нему всего вернее проверяется искренность свидетельства. «О!» через силу не воскликнешь. Оно вырывается само собою. К сожалению, в последнее время оно вырывается у нас всё реже, и мы нет-нет да печалимся об этом, потому что душа-то просит. Иначе (в одной расчётливой, осмотрительной, беспорывной повествовательности) она скоро становится скучна и самой себе.

На этот раз «О!» было несколько сразу. Первое, когда я поднял два альбома в одной коробке, изданных фондом «Возрождение

Тобольска», и в них оказалось чуть не семь килограммов. А уж второе и третье и несчётное, когда посмотрел оба альбома, посвящённые свету и миру природы и архитектуры Тобольска (Аркадий Елфимов) и его любви и вере (Павел Кривцов).

Тайное «О!» было слышно и во вступительной статье Валентина Распутина, который неслучайно начал её словами декабриста Дм. Завалишина: «Нет города более картинного, чем Тобольск».

Елфимов назвал свой альбом «Ангел Сибири». Это имя и благоговящего город с кремлёвской тобольской башни легкокрылого резного ангела, и самого обнимающего Сибирь города, который, по слову покойного патриарха Алексия, с полным правом мог зваться третьим после Москвы и Петербурга духовным центром России. И как же он действительно прекрасен в фотографиях Елфимова! Легко понять, почему фотограф (а до этого инженер, строитель, мэр любимого города) пятнадцать лет назад создал фонд «Возрождение Тобольска». Возрождение города было возрождением души — и своей, и добрых людей, для которых он работал и работает. И как без искреннего восхищения не скажешь «О!», так без действительной любви не снимешь ни родных лиц, ни родных камней отчего дома.

Он снимает не «виды», не то, что расходится на открытки для заезжего человека. Он ждёт, когда откроется сердце того, что насквозь известно и привычно. Ведь каждый уголок уже будто до дыр «иссмотренного» мира однажды словно распахивается перед нами, и мы только вздыхаем с изумлением: Господи, как мы не видели этого прежде? А это зрение было не готово, душа помалкивала, а тут всё «сошлось». И пейзаж, угадав готовность души, поворачивается лучшим в себе. И в фотографии хотя бы только покосившегося забора становятся видны и любовь, и свет дня, и счастливое сердце, словно забор этот только для того и прожил, чтобы вот так покоситься и тем исполнить главное своё, не «заборное» служение, — сказать, как умеет, своё единственное «покосившееся» слово в замысле Божьем о мире. Кадр за кадром красота открывается и в самом простом, чего обычно никто «не видит», когда говорит, кажется, не само изображение, не деревья, избы, облака и предметы, а только мелодия, только сам воздух дня. Потому что «смотреть» тут нечего, а вот дышать есть чем

и слышать есть что. Особенно художник (а тут говорит именно художник!) любит зиму в её бедной сияющей графике, когда цвета почти нет и оттого свет особенно нежен, щемяще печален или тайно радостен, как нечаянная улыбка на встречном лице. Графика его морозных туманов светла, как предутренний сон или запотевшее стекло, когда в детстве дохнёшь, и мир помутнеет и на минуту станет таинственен, чтобы потом вспыхнуть особенной новизной и праздничностью. Зима как-то беззащитнее перед фотографией в своей невестной целомудренной красоте, всё в ней на виду, и удержать взгляд она может только чистотой и доверчивостью. Его зима доверчива и, кажется, ещё помогает ему, открывая замысел каждой ветки, каждой забитой и забытой двери, каждого окна, которые она снимает, как человеческие лица.

В этих его «Окнах» столько любви и жизни, что тут и становится понятна святость дома, то в нём, что уносишь в дорогие сны. И, сохрани Бог, история своим сквозняком унесёт тебя за границы, ты изведёшься от тоски по вот этим голубкам и сердечкам в наличниках, по чистому подзору резьбы над воротами. Да и просто по снегу перед избой, который в разных местах лежит по-разному и тайно связан с каждым поворотом реки, с изгибом крыши и храмом вдали. Иногда по фотографиям Елфимова кажется, что и снег у него помнит себя и прилетает к родной избе на будущий год тот же, как перелётная птица.

Хочется описать каждый лист, отблагодарить его за счастье воспоминания. Всмотреться в «Дым Отечества», который над каждой избой чуть уносится ветром, пока собор на горе не «снимется с якоря» и не поплывёт по горьким волнам этого дыма, как и сама «деревянная эскадра» старого Тобольска. Вслушаться в молчание оставленных изб, в которых ещё таинственно слышна ушедшая жизнь. Вглядеться в молодое лицо соборов, радующихся вернувшейся молитве. Почувствовать удивительную красоту отражений, про которую когда-то чудный поэт Валентин Берестов сказал, что они — «искусство природы», её опыты художественного самопознания.

Посмотришь несколько листов и закроешь альбом. Надо подождать: стой, сердце, передохнём. Красота в большом количестве трудна душе. Постоишь с мастером в одном тихом дне и свете и

не торопиться перевёртывать страницу, потому что уже узнаешь, что она потребует другого состояния и надо успеть подготовиться. И опять удивись неожиданной мысли, что природа порой любит подражать старым мастерам, оглядываться на лучшее из созданного человеком, чтобы «спохватиться», что она слишком хаотична и ей не мешало бы поучиться у «венца творения». Так что иногда какой-нибудь поворот реки глянет совершенным Саврасовым, а кусок опушки вылитым Левитаном. Думаю, что теперь тобольский пейзаж будет нет-нет да оглядываться на фотографии Елфимова и «цитировать» их. И, значит, они будут детьми одного Божьего замысла и одной любви.

А в человеческих лицах город будет оглядываться на Павла Кривцова, чтобы запомнить их в лучший час. О, тут только смотри! Так вот, значит, зачем снимают людей лучшие мастера. Я это будто впервые увидел, хотя уже знал не только альбомы других художников, но и самого Павла Кривцова много перевидал. И вот словно впервые узнал эту любовь и ответственность. Тут и слово «художник» как-то неловко. Уместнее было бы высокое — свидетель перед Богом. Словно он берёт каждого снятого им человека за руку, ставит в церкви на амвоне и поворачивает к народу (а вы попробуйте встать на амвоне-то и сразу и увидите, чем он отличается от сцены). Словно и правда «Ангел вострубил», как назвал свой альбом Павел.

Я говорю прежде всего о «церковных» фотографиях. Как эти лица прекрасны! Особенно молодые. Слушают ли семинарские уроки, сами ли преподают. Несут ли от храма Великим постом «четверговую свечу», чтобы не задул ветер с Иртыша и Тобола. Пишут ли иконы или «христосуются». Какая внутренняя тишина и «хранение себя»! Подлинно какой-то «другой мир», словно не с нашей улицы. Да так и есть — знаем мы нашу-то «улицу». Поневоле отметишь, как отличаются пожилые прихожане, кто был повреждён безверным временем и теперь только «исправляет лицо».

Теперь это, в общем, снимают часто. Особенно любят это занятие художественные дамы «от церкви». И всегда ты чувствуешь при взгляде на такие фотографии тайную неловкость, словно тебя немного обманывают, чуть играют — и фотограф, и «статисты» исполняют благочестивый спектакль. А тут и друзья Тобольска,

и чиновники, и историки, и художники увидены тоже словно с амвона, одеты любовью и доверием.

И снова, и снова лист за листом молодые священнические семьи с выводками детей, послушники и старые монахи, которые таинственно соединены небесным временем (как запомнился мне когда-то в Печорах мальчик-послушник в монастырском лазарете, приговаривавший ветхому старцу: «Коль, Коль, ты смотри осторожнее, ступенька тут», словно они были сверстники перед Богом).

И материнские лица в незабываемом свете! Те два листа, которые так уж и останутся в сердце, когда мальчик целует материнский живот или, встав на скамеечку, слушает в нём движение новой таинственной жизни.

В фотографиях Павла Кривцова нет проповеди. Они все — сами исповедь, признание в любви к Богу и миру. И это их целомудрие хранит и очищает и наше зрение, словно и мы на минуту выходим из нечистой суеты дня и оказываемся в «невечернем свете» другой, лучшей жизни.

Какой подлинно прекрасный подарок сделал фонд «Возрождение Тобольска» городу и миру. Я ещё раз перелистываю эти тяжёлые тома, радуясь их основательности, чистоте печати, какой-то покойной силе. И не надо ничего специально говорить о Сибири, о её генетике. Как бы над ней ни мудровали и чего бы ни делали, а она всё светит здоровым морозцем и крепостью. Бог милосердно продолжает думать о России в вечности, даже когда она сама норовит позабыть себя для целлофановых соблазнов заигравшегося мира. Думает и спасает.

Литературная газета. №16 (6220) (15.04.2009).

Портфель ЛГ

АТЛЪБМАНЪСКЪ И ВСЯ СИБИРЬ

ВМЕСТЕ

Я не видел, каким был Тобольск пятнадцать лет назад, когда обморок чужеродной «свободы» нёс наше Отечество по ветру, и нам было не до «скучных» забот нормального существования. Может быть, и здесь кому-то казалось, что вера в разум оставила нас окончательно. Но, скорее всего, крепкая молодая сибирская кровь уже и тогда бежала здесь живее, чем в «России», потому что именно тогда Аркадий Григорьевич Елфимов создал Благотворительный Фонд «Возрождение Тобольска», пустив свои малые начальные капиталы в неприбыльное дело возрождения родного города. И даже не камней этого города, а его духа, его народного сердца. Рождённый им и его товарищами, как главное дело, альманах «Тобольск и вся Сибирь», как и факсимильные издания трудов «тобольского Леонардо» С.У. Ремезова (Елфимов, перечисляя разносторонние дарования Семёна Ульяновича, не без основания посмеивается — не резоннее ли было бы назвать Леонардо итальянским Ремезовым, настолько сибирский гений был многообразнее в небесных дарах) и этнографических рисун-

ков Знаменского, умно отобранных, остро современных томов философской мысли Д. И. Менделеева и ненаглядных фотоальбомов природы и людей Сибири, кажется, ещё не осознаны нами по-настоящему.

Мы по привычке сочли их только отлично изданными книгами, которые хорошо читать для укрепления знания и дарить добрым людям, оглаживая кожу их переплётов и золото обзоров и наслаждаясь блестящим воспроизведением чертежей, рисунков и иллюстраций, тогда как они совершали в нас более существенную, чем одно только эстетическое наслаждение, работу. Они распрямляли наше сердце и возвышали ум. Мы даже при простом перелистывании чувствовали гордость и счастье, что это мы, это — наше, сознавали тайную причастность этой высоте и выходили из чтения увереннее и сильнее. И, конечно, даже если тома альманаха были посвящены Тюмени или Иркутску, Красноярску или Омску, Тобольск был их единым скрепляющим сердцем, словно возвращал себе древние полномочия столицы Сибири и принимал эти города под своё духовное окормление.

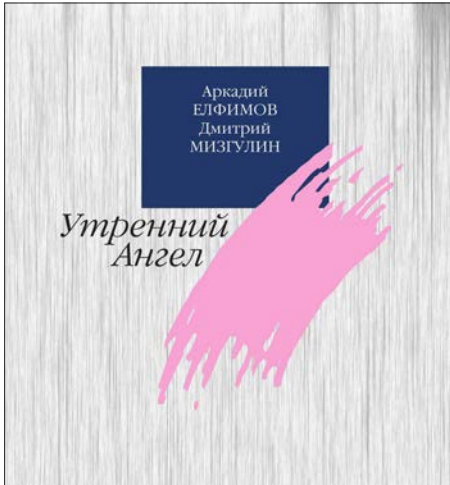
И когда этой зимой я, наконец, увидел Тобольск, то в каждом его камне узнавал страницы альманаха, который читал и о котором писал. Казалось, город не мог «подвести» прекрасные книги о себе, не мог оказаться беднее, неприбраннее, неувереннее. В снежной белизне кремлёвских стен и соборов, в царственном просторе Красной (подлинно «красной» в ликующем, старинном значении этого нарядного слова) площади, в державном шествии холмов и спусков чувствовалась сила единого замысла и единого духа.

Похоже, они оглядывались друг на друга — город и книги Фонда, сознавая единство своего делания и между ними нельзя было провести границу. В свой час, равно в книгах и на улицах, вставляли памятники Ермаку и Ремезову, Ершову и Робинзону Крузо (да, и старику Робинзону, чьё воображение не могло миновать Тобольска), открывались новые музеи и экспозиции, воскресали монастыри и чистились речки Нижнего города. Теперь мне кажется, что Фонд участвовал в каждом из этих дел, был в середине забот, успевал помочь где ободряющим словом, где деньгами, где экспонатами. И мы вспоминали высокую красоту слова «благодетельный», потому что ясно видели это благо.

Фонд становился дыханием, кровообращением, духовным центром возрождения Тобольска, потому что вернее всего понимал, что возрождение — не повторение, не цитата, а именно новое рождение со всем материнским вынашиванием и страданием, с заботами детства всякого дела и его взросления. Фонд не просто собирал старопечатные книги и иконы, когда они, позабыв своё небесное назначение, доживали свои дни по старым избам и новым хозяевам, не просто описывал и реставрировал их. Он возвращал их в порядок жизни и прямое служение родному храму и дому. Они тоже вспоминали себя и обретали позабытый властный голос и связывали оборванные было нити человеческой памяти. Он собирал археологические чудеса, которыми ещё полна земля Сибири, воскрешал старые ремёсла и терпеливо и неуклонно вводил старую культуру в новый контекст. И мы с изумлением видели, как ещё недавно мы были глубоки и прекрасны и оставляли самоуверенность беспамятной молодости, чтобы привиться к крепкому стволу минувшего, почувствовать, что мы прямые внуки своих дедов, своей великой истории, восстановить повреждённое временем генеалогическое древо русской жизни и больше не поддаваться искушениям обманчивых «перестроек». Возрождение тем и отличается от «перестройки», что ничего, хотя бы и в «благих целях», не ломает, а только врачует жизнь, восстанавливая былую целостность и полноту Божьего мира.

Сам ненаглядный сегодняшний Тобольск вместе с его сердцем — Фондом возрождения — лучшее подтверждение плодородности этого пути, его здоровой естественности. И уже порядком уставшая за беспокойную историю Россия благодарно ухватывается за всё молодую, полную сил и надежд Сибирь, чтобы стоять на карте мира с подобающей силой и не изменяющим достоинством.

Слово Фонда «Возрождение Тобольска» в этом стоянии не-оценимо.

А БОГ ПОДХВАТИТ...

Предисловие к поэтическому сборнику Дмитрия Мизгулина
«Утренний ангел» (фотографии Аркадия Елфимова)

В доброе старое время, когда ещё не было режима «онлайн», в котором мы сегодня живём и думаем, простодушные письма начинались словами «добрый день или вечер...». В этом нежном приветствии было слышно детское желание автора письма заглянуть через плечо адресата и увидеть, в какой час он его получит, и угадать интонацию, в которой у них пойдёт «разговор».

Вот и мне хотелось бы сказать читателю (зрителю) этого альбома «добрый день или вечер» и тоже угадать час, когда читатель раскроет его, потому что перед ним красивая, но трудная книга, и время дня и души очень много определит в её восприятии. Ведь уже давно известно, что одни и те же слова мы читаем по-разному при свете дня и при свете звёзд.

Как всякому автору предисловия мне хотелось бы удержать торопливую руку читателя, который всегда успеваешь заглянуть и в середину и в конец, пока доберётся до предисловия, если

вообще до него доберётся. Милый мой, не торопись! Давай поговорим! Успеешь! Может быть, потом ты примешь прочитанное и увиденное глубже и поймёшь, что каждая книга — часть того, что зовётся в тебе таинственным слово «душа». И однажды ты встанешь перед Богом со связкой книг подмышкой, и по этой связке Он поймёт, как ты жил и определит тебе место.

Конечно, мне бы хотелось, чтобы сначала ты прочитал только стихи и пережил их открытым сердцем (а они требуют доверия и любви), потому что тоже являются беззащитным письмом к тебе, чтобы вы, преодолев одиночество, были вместе. Но ведь ты не удержишься и начнёшь глядеть фотографии, не сразу догадавшись, что подвергаешь опасности и слово, и образ. А они не порознь. Они — единое слово. И твоему сердцу предстоит труд услышать мысль стиха, а потом догадаться, почему рядом стоит именно эта фотография, потому что они редко прямо подтверждают друг друга. Стихи могут криком кричать о печали, а с фотографии глянет светлый денёк с берёзой, трепещущей на ветру, и ты не сразу поймёшь, что художник, так же задетый словом поэта, хочет утешить тебя, сказать своё «ничего, переможемся, ведь у нас есть Божий мир, Господня красота, которая зачем-то глядит в наше сердце!». И вы окажетесь втроём: ты, поэт и художник и, может быть, вспомните евангельское: «Где двое или трое во имя Мое, там Я среди них». Ну, и мне хотелось бы незаметно встать рядом с вами.

Я поминаю Евангелие не напрасно. Я прочитал все стихи Дмитрия Мизгулина с конца 70-х годов по 2008-й, а выбрал для альбома именно вот эти — последних лет. И потому, что они отозвались моей собственной тревоге и тревоге времени, и потому, что и у поэта они особенно определяют сегодняшнюю интонацию его сердца.

В юности он был защищён, как все дети осмеянного нами Советского Союза. Мы были бедны и вооружены не лучшей идеей, но мы были увереннее и твёрже душой, потому что лучше чувствовали Отечество, его родительскую руку. Это очень слышно по бестревожным стихам юности поэта, по их простым и чистым рифмам, которые диктует уверенное сердце. Тут всё по-кантовски на месте: «звёздное небо над головой, нравствен-

ный закон внутри». Живи, люби, радуйся миру. Матушка-Россия с тобой, ты дома. Стихи Дмитрия той поры ясны и легки, радостно обыкновенны (пусть не покажется это укором). Так пишут многие, но это строй, из которого не хочется выходить как в счастливом братстве — любовь, дружество, след умной беседы, неизбежная литература — Пушкин, Тютчев, Бестужев-Марлинский, как привет учителям и обещание верности.

Но время стремительно темнеет и скоро, как в жёстком репортаже, замелькают иные реалии:

Кровавый туман над притихшей Россией клубится
И Гришка Отрепьев уже ничего не боится.
(1989)

На родине, как на вокзале: сумятица и суета...
(1990)

Было Отечество. Было и нету...
(1993)

Ни родины, ни памяти, ни песен...
(1994)

И вот уже совсем близко:

Все больше и больше кумиров у Родины бедной моей...
(2000)

Но мы уже всё по себе знаем, что печаль и сомнение — хорошие учителя и умело учат душу зоркости, чтобы однажды за «кумирами» она увидела сияющее аустерлицкое небо и смотрящее из него Слово. И взгляд как-то сам собой, почти бессознательно всё чаще начнёт останавливаться на храме пока ещё внешне, не решаясь войти:

Мокрых крыш немые очертанья
Высокой церкви чёрный силуэт...

Над храмом Бориса и Глеба
Когда-то кружили стрижи...

В храме Фёдора Стратилата
Одиноко горела свеча...

А там душа решится войти и увидит, что её здесь ждали. И что-то забрезжит обнадеживающее. Мир за стенами не станет разумнее, печали и сомнения в нём не убавятся, но сердце пойдёт неуклонно расти, радостно открывать законы простоты и видеть бессилие истории перед Истиной. И Муза поэта покроёт молодые волосы платком, станет крепкою прихожанкой и пойдёт диктовать горькие, часто жесткие стихи о мёртвой уличной жизни и упорно поворачивать поэта лицом к алтарю. И как больно, как последовательно пойдёт развиваться одна преобразующая тема:

Словам молитв неведомым внимая,
Оттаивает сонная душа...

Доверяй не уму, а душе.
Ей держать-то ответ перед Богом...

Но верю, что Божие слово
Проникнет в глубины души...

Земные дни во мгле верша,
О небе думает душа...

Душа, души, душою, о душе. И нет тут никакого ложного благочестия. В поэзии притворство и фарисейство видны за версту, и они скоро отвращают читателя. Нет, тут в самых простых словах (в Церкви другие не держатся) подлинно бьётся живое неотступное старинное беспокойство. Из века в век с новой и каждый раз личной тревогой человек спрашивает: ведь не может быть, чтобы мы рождались для одной сытости, благополучия и своеволия, а потом засыпались землёй без следа? Так зачем? Зачем? И чем внешне благополучнее жизнь, тем этот вопрос больнее. И то, что

авторы этой книги в дневной жизни вполне успешны, придаёт вечерней испытующей мысли особенную остроту и убедительность. И вернее всего свидетельствует, что русское сердце на верном пути и Бог не оставит его.

Христианский взгляд как полёт ангела. Человек, глядящий на жизнь из повседневности, захваченный только ею, всё равно, что слеп. Он кружится как большинство из нас в обиходе, в тесноте дня и, в конце концов, теряет себя. Особенно в провинции.

А выход в небо, в даль традиции тотчас всё расставляет по местам. И малое становится вовсе ничтожно, а промельк великого расширяет сердце и на миг делает человека крылатым. Мысль поэта всё чаще живёт во внешне узких переделах молитвы и игровому уму поэзия последних лет может показаться и тесна, как молитва, так что, оглядываясь на ранние стихи Мизгулина, этот игровой ум сочтёт, что поэт стал технически беднее, а в стихах стало меньше разнообразия тем, меньше музыки и свободы. А тут просто иная свобода. Человек молится одними и теми же словами, а сердце его красит их каждый раз иным светом и внешне одно и то же слово ширится до тайны и непостижимости, потому что слову возвращается его райское прирождённое, не захватанное веком значение.

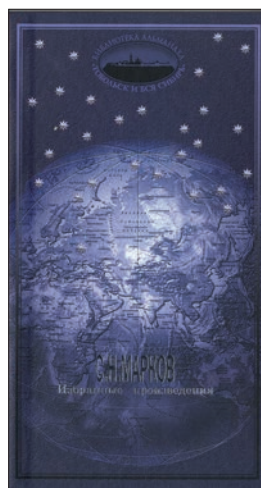
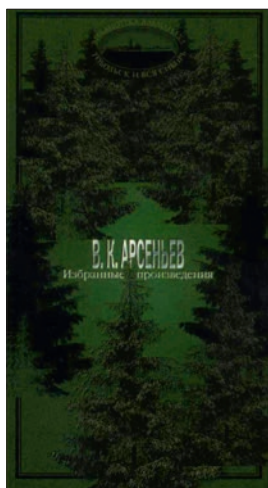
Ну и то ещё, что если померещится, будто мелодия угасает и день становится беднее, так оглянемся на саму нашу жизнь. Как она стала бестолково и суетно пестра, поверхностна, случайна, как мучает она поэта, если его сердце действительно сильно и ищет не обманчивого света. Как он бьётся, преодолевая её нищету своим томлением и страданием. Но и эта внешняя бедность обманчива, потому что сквозь печаль и молитву напряжённой душой чувствуешь, что поэзия вот-вот «прорвёт» жизнь, разбудит и самое окаменевшее сердце, накопит грозовой разряд и вернёт человеку желанную полноту, где земля опять сойдётся с небом и Бог перестанет быть литературой, а разорванный человек «срастётся». В поэзии Дмитрия Мизгулина это «срастание» радостно очевидно. Она на пороге покоя и силы. И никакие цитаты, к моей печали этого не передадут, потому что надо слышать и видеть всё. Но, слава Богу, книга перед читателем, и он может спокойно проверить каждое слово и сам почувствовать, как светает его сердце.

Значит, дети не зря молились, и, значит, не зря мы спешили «в дом, где молитву шепчут дети за возвращение отца». Отцы возвращаются домой. А дом, хоть выстужен и покосился за годы нашей беготни, но всё — дом, всё спасение. И тут фотографии Аркадия Елфимова оказываются не иллюстрациями, а опорой, материнским светом, тем небом и родным алтарём, куда поворачивает русское сердце. Мы ведь в эти последние десятилетия словно и мира вокруг не видели. Будто ослепли и оглохли. А Родина всё была прекрасна, хранила позабытую нами красоту, дожидалась, когда очнёмся.

Не зря, не зря Достоевский как молитву твердил, что красота спасёт мир. Красота сердца мальчика Алёши Карамазова и старца Зосимы, и красота русского слова, и сияние снегов, и девичья синева рек, и всё чаще слетающий с колоколен звон, на который уже сама поднимается рука для крестного знамения. И чудесная красота молодых лиц, которые приготовлены Богом, что наполниться и красотой сердца.

Только слушай всею душой даже вот это одно перед тобой лежащее слово и смотри во все глаза на фотографии высокого художника. И скоро услышишь в себе: «Ничего! Какие ещё лета у России, чтобы ей стареть до срока? Век только начинается».

«И воздух синь, как узелок с бельём у выписавшегося из больницы», как писал один из старых мастеров, которые равно учили сердце поэта и сердце художника. «Держись поближе православной веры, а там Господь подхватит как-нибудь», — напишет много понявший с нами и в нас за десятилетия последней смуты Дмитрий Мизгулин. Спокойная, старинная простота этого «рецепта» сулит не праздное умиление, не благочестивое освобождение от собственной ответственности («будем спать и видеть сны о величии страны»), а труд, мужество и русскую ясность пути под родным небом.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Как всё-таки всё связано в мире! Вы замечали, что книжные магазины стали похожи на модные бутики? Книги одеваются со щегольством манекенов — Зайцев, Версаче, Армани. Но в лица можно не заглядывать — там та же обманчивая «молодёжность» — химия, пластик, «подтяжки». Даже неловко класть книжку обложкой вниз. Надо читать, отставив «дальнозоркую» руку, чтобы спутник по купе, салону, самолёту видел, что вы «одной крови», одного достатка. Пароль, символ, масонский привет, круговая порука.

И когда вдруг видишь книгу, одетую со старинной породистостью (не играющую в аристократию — этого добра сегодня тоже через край), а носящую старое платье с привычной естественностью, то поневоле и сам подбираешься, протягивая руку: «Можно?»

Фонд «Возрождение Тобольска», уже набаловавший нас в последнее десятилетие изданиями высокого вкуса, и на этот раз начал новую серию с поиска соответствия ума и платья, чтобы встречали и провожали одинаково — по уму. Сейчас это «библиотека альманаха „Тобольск и вся Сибирь“». Ещё и не раскрыв книги, торопишься сказать благодарное слово бессменному издателю

А. Елфимову и оформившему серию В. Валериусу. Книги с порога помнят, что им представлять два столетия, и оглядываются на начало XIX века, не теряя из виду XXI-го — в материалах переплёта, шрифтах, пропорциях.

Начало серии странно и прекрасно. Это сборник стихотворений поэм Е. Милькеева. Кто это? Вот — не знаете! И тут лучше всего вспомнить, как предварял его первую подборку «Современник» 1839 года: «...приглашаем всех просвещённых любителей поэзии встретить стихи не с тем обидным равнодушием, с каким обыкновенно встречаются у нас стихотворения, а подарить их вниманием, которого они достойны и которым их почтил первый современный представитель поэзии». Этим первым был Василий Андреевич Жуковский. Но журнал знал, о чём просил. Авторитеты уже были у читателя не в чести. И Степан Петрович Шевырёв, отзываясь о первом сборнике поэта через четыре года после публикации «Современника», опять с горечью вынужден был говорить о том же: «...все равнодушны, все идут мимо; лишь одни безымянные рецензенты, эти хожалые нашей словесности, по долгу ложного звания, подходят к поэту с тем, чтобы высказать ему несколько грубостей, бросить грязью в его лиру и насмешить тем праздную толпу зевак-читателей...»

Шевырёв знал своё время и своих коллег. По выходе книги Белинский почтит её оценкой «галиматья» и найдёт примеры для потехи. И, конечно, позабавится господин Сенковский: «Если так случится, что я понесу чепуху... если у меня вырвется что-нибудь такое... не взыщите, будьте великодушны: я стар, это правда, но я, знаете, читаю новые книги, стихотворения господина Милькеева. От этого не поумнеешь».

Молодая чистая душа тобольского поэта, не знакомая со столичными ухватками, не устояла. В тридцать лет поэт наложил на себя руки. А мы всё-таки вместе с «Возрождением Тобольска» предпочтём остаться с В. А. Жуковским и П. А. Плетнёвым, с А. С. Хомяковым и С. П. Шевырёвым — крепкими земными русскими любомудрами, которые чувствовали живую силу поэта даже за не всегда уверенным словом. И гордились этой живой силой.

Вот не угодно ли несколько стихов из «Царь-колокола» (замечательно что эти стихи приводит А. Галахов, первым обвинявший

Милькеева в рабском подражании Бенедиктову и делавший весьма странный вывод, что «в своей собственной орбите эти стихи представляли бы нам редкое дарование»). Хорош подражатель, который вместе и «редкое дарование». А Шевырёв и вовсе приводит это стихотворение полностью. Никак не могу отделаться от мысли, что это и нам укор — разбудив эту медь, мы окажемся недостойны её величия:

Но хилы и немощны слабые люди,
 Не вынесет звуков могучих их слух,
 Бессильны и чахлы их тесные груди,
 Тревожливо сердце и робок их дух...
 ...И я не жалею, что в ухе презренном
 Не стану великою песнью греметь;
 Я буду в покое глухом, неизменном,
 Я буду молчать и века цепенеть.
 И так вы, о люди, меня не пугайтесь,
 Дремлите беспечно на ложе своём,
 И в праздности суетной мне удивляйтесь,
 Созданы беззвучные в мире немом!»

Так что уж теперь, Бог даст, мы запомним это имя — Евгений Милькеев и поблагодарим за памятьливость «Возрождение Тобольска».

Другие книги серии несомненны и я только опять с радостью и печалью отмечу, что, к сожалению, они не стареют, и мы все не торопимся отнести их в окончательное прошедшее, а подтверждаем и подтверждаем, что время идёт, а мы стоим.

Огромный том В.К. Арсеньева благородно тяжёл — подлинно краугольный камень, на котором стояла русская географическая исследовательская культура. Есть в нём тяжесть пути и долгота дней и какая-то земная основательность амурской земли, которую Владимир Клавдиевич делал российской, радуясь её чистоте и уже зная, как цивилизация умеет обращаться с чистотой. Даже и никогда не читавший книг Арсеньева человек знает имя Дерсу Узала. Оно вошло в нашу память образцом природной цельности, святого согласия человека и мира, в котором всё «люди» — камни,

деревья, муравьи, тигры. Мы только позабыли, что Дерсу убьют в поисках денег люди, «выдающие себя за цивилизованных европейцев». И тут опять почувствуешь, что эти книги рано числить прошедшими, что они ещё горячи, как жёсткий выпуск новостей: «Цивилизация родит преступников. Создай себе благополучие за счёт другого — вот лозунг XX века. Обман начинается с торговли, потом в последовательном порядке идёт ростовщичество, рабство, грабежи и, наконец, война. Разве это цивилизация?» Неужели это написано в 1923 году?

А Сергея Маркова я читаю почему-то с постоянной мыслью о Шолохове. Поэзию Маркова мы все знаем давно. Она молода, как драка на морозе, так что разом вспомнишь и Павла Васильева и Леонида Мартынова — что-то горячее яркое, жадное, ещё не без мальчишества и романтизма:

Лепажа стынущие грани
Пустеют. Страшно и темно...
Струится по сухой гортани
Его последнее вино.

И крылья голубой кареты
Уже летят в желанный ад...
Так умирать могли поэты
Всего столетие назад...

Им выпадут испытания пожёстче картинного Лепажа. Их горячило и гнало нетерпение мира, который торопился стать новым, не успев как следует осознать себя старым. Сибирская революция была моложе европейской и чувствовала себя поэзией и литературой. Это особенно осозналось в марковской прозе, в его «Рыжем Будде». А вот это мы у него знаем похуже. Почему Шолохов-то не идёт из головы? Да вот чуть не главный укор Михаилу Александровичу — молод ещё, чтобы «Тихий Дон» поднять. А Сергей Николаевич пишет своего «Будду» в 21 год и бросает в бой «бешеную кавалерию сравнений, ведёт покорную пехоту глаголов и чумазые сапёры — имена существительные служат ему, повелителю слов». Молодость, поэзия, Киплинг, но

и какая плотная сила прозы, и долгая мудрость видения излома истории, когда вшей бьют с большим удовольствием, чем людей, когда убивать скучно, потому что однажды понимается, что истина погибла первой, а они только доживают чьи-то чужие идеи, давно потерявшие из виду жизнь и человека.

Разве что в отличие от Шолохова, в Маркове перетянет поэт и будет диктовать ему позднее «Юконского ворона» и даже вполне географически-исследовательский «Земной круг» о великих первопроходцах Сибири, которые не знали скуки потолков, потому что всегда были покрыты звёздным небом.

После этого, после так явленной Сибири Милькеева, Арсеньева, Маркова в серии совсем иначе прочтётся распутинская повесть «Живи и помни» в умных и строгих иллюстрациях А. Бакулевского. Это будет та же и совершенно другая Сибирь, успевшая позабыть свою молодость в жёсткой истории предвоенных и военных лет, вошедшая в горькую колею голодного быта и нравственной усталости, когда встанут по краям испугавшаяся за себя жизнь дезертира, ставшая смертью, и смерть его жены, удержавшая честь жизни. Слово человека в серии от обобщено исторического постепенно страшно приблизилось и заполнил уже не только наше сознание, но и наше сердце.

Новая библиотека только выходит в дорогу, но уже ясно, что она станет явлением совершенно сибирским, начиная с простого уместного платья книг до их просторной глубины под стать самой, слава Богу, здоровой и хоть уже задетой нашими европейскими недугами, но ещё не поражённой ими части России. И если Сибирь ещё и сама постоит, и нас подержит, то немалую роль в этом сыграет и начинающая свой путь «Библиотека альманаха „Тобольск и вся Сибирь“».

СВИДЕТЕЛИ СВЕТА

Я ждал и боялся этих писем. Ирина Игоревна уже неизлечимо болела, но высокая дворянская кровь и достойное этой крови воспитание не позволяли страданию выходить наружу. Она уже не вставала, и весь её «штаб» был под рукой — телефон, радио, бумага и ручки, картонка, на которой можно было писать. Пишущая машинка, на которой можно было оставлять копии воспоминаний, какими она делилась в письмах, становилась неподъёмна и отошла в прошлое. Теперь оставалось косыми, падающими строчками, но говорить, говорить, пытаться успеть записать тот быт, то горькое чудо жизни, которое она застала и пронесла до вот этого прощального часа.

Тут особенно стало видно, что она была блестящим фотографом, хотя в детстве мечтала быть «врачом и писателем» (вот так — сразу вместе). Она записывала этюды, как снимала, — точно и чисто. Она переменяла орудие памяти (фотографию на перо и бумагу), но у неё оставались старинная привычка острого зрения, умение увидеть свет, и деталь, и полноту целого.

Какой они в этом были прекрасной парой с мужем Анатолием Васильевичем Фирсовым — разные и нераздельные (Лев и Близнец), с которым прожили пятьдесят лет и сделали вместе в одно сердце более двадцати книг. Как это в стереофотографии — одна камера снимает одним глазом, другая — другим, а вместе выходят совершенно полная жизнь и движение.

Ирина Игоревна писала бегущими, падающими строчками, удерживала, казалось, навсегда ушедшее и уже «ненужное» — счастливое детство, бедный обиход загнанного в подполье, но всё-таки хранящего себя дворянства. («Сдвинутые в единственную комнату среди буфетов, маленьких столиков, изящных диванчиков, зеркал, стоящих теперь лицом к стене, шкапов с книгами, взирали с портретов предки, те, кто не оказался в зашкапье и в сундуках. Здесь среди запахов валерьянки и бом-бемге, керосина и кошки, как на острове, на высокой медной кровати возвышалась хозяйка, в который раз перечитывая „Ракомболя“»). А потом арест и лагерь отца, и там державшего спину, не роняя чести рода. И она старалась блестящей памятью удержать всю эту смесь откровений любви и радости, последований чтимому в их семье доктору Гаазу, все воспоминания о голоде и обысках, обо всём обычном, пугающем и тогда «привычном», что теперь казалось невыносимым. («Жизнь нашего дома текла обычным советским образом: аресты, доносы, опасности, страхи. Особенно трепетали ночами, когда хлопок дверцы машины звучал как выстрел: „Опять за кем-то!«. И наутро: „Лёшу Самарина арестовали. Запретили переписку (без права переписки) Алёше Безобразову, Яся Протасова отнесла передачу. Вчера был обыск... сослан на поселение в Тару“. Мои уроки географии были горьки и очень ранни»).

Она была вся в том мире, потому что знала, что не вспомни, не запиши она эти дорогие и печальные малости — и что-то уйдёт из самой русской жизни, которая была её сердцем, что беднее станет её милая Родина. Воспоминания словно лежали в ней до срока, и понадобился весь долгий опыт жизни, другой жизненный кругозор, наконец, просто возраст, чтобы весь континент минувшего поднялся со дна души, и открылось, что он и определял главное в её жизни и её профессии.

У Анатолия Васильевича всё было проще и здоровее, «прямее», и легко ложилось в советские биографии — школа, дом пионеров, сорок раз просмотренный «Чапаев», стремление во ВГИК (поступал три раза), крепкое самовоспитание и крепкое дело. Изложенные порознь, эти жизни могли показаться непересекающимися, но именно вместе они дали тот редкий сплав, который и определил вклад этих мастеров в русскую фотографию.

Ирина Игоревна и в интервью редко говорила о фотографии, уходя в даль минувшего, так что и журналисты, и Анатолий Васильевич почти принуждали её возвращаться к их прямому делу. А только они не видели, что она о деле и говорила. О сердце этого дела, о том, что не читается прямо, но что таинственно сквозит в воздухе их фотографий. Они не снимали дворянского быта, не искали его специально в умирающих усадьбах, в дотлевающих парках, потому что это было «литературой». Они снимали то, что видит всякий глаз, но что открывается только умному, знающему любовь и страдание сердцу. И создавали редкий, ненаглядный образ России, её святых песен, когда воздух пасхален и радостен, её поздних осеней, когда так слышен горький, сиротский запах мокрой земли опавшей листвы. Они снимали бедные брошенные церкви по высоким берегам рек, как угасшие на ветру времени свечи, и матовые колеи грязных дорог, полные неожиданно чистых воды, словно для того, чтобы успокоить сердце в одиноких скитаниях. Снимали бесконечные небеса в облаках и дымно-зелёные поля, прозрачность зим и тепло печей.

Наверно, поэтому в этих работах так слышишь прозу и поэзию Бунина («Прошли дожди, апрель теплеет, всю ночь — туман, а поутру весенний воздух точно млеет и мягкой дымкою синееет в далёких просеках в бору...») и крепкое, единственное в точности слово любимого ими в долгой дружбе Юрочки Казачка — Юрия Павловича Казакова. Он подарил им такой Север, что они снимали его, не уставая, — свежесть и волю широких пространств, лад и покой изб по берегам, долгие туманы Белого моря и бабью мощь старых неизносимых рек. Где, как она писала, «оставались умирать рыбацьи тони, где старухи донашивали одежды юности — своей, материнской бабкиной, где пелись ещё старинные обрядовые песни».

Будто тоже торопились успеть удержать эту жизнь, которая вот-вот посыплется на глазах, как та, дорогая Ирине Игоревне, невозвратная, и небо опустится, избы покосятся и обезлюдеют, а реки состарятся и осиротеют.

На последней их выставке «Душа России» в Москве я глядел и глядел на этот их есенинский, поленовский, бунинский, венециановский, левитановский мир (не потому, что цитируют поэзию и живопись или снимают в знакомых местах, а потому, что душа та же — русская, одной верой живая) и неотступно ловил себя на печали. Будто небо уже не поднимется так над Кижамы, и облака не наклонятся загородить человека от жаркого полдня, и Ока в Бехово уже так не отразит солнца и не ранит сердце покоем. Я помню, как там, за кладбищем, перед невысказанной далью бежал с бессильной кинокамерой светлый лирический писатель Виктор Лихоносов, страшись, что его слово уже не достигнет такой глубины и света. И я напрасно пытался убедить его, что там, в небесах, так будет каждое мгновение. Теперь Ирина Игоревна (в тайном пострижении монахиня Матрона), верно, видит в небесах это Брехово, и Кизи, и Поленово, и Радонеж, и Покров на Нерли и жалеет наше ослепшее солнце, ищущее какой-то другой, механической красоты.

Тогда на открытии выставки Владимир Николаевич Крупин уговаривал зрителей, очевидно, почувствовавших то же, не печалиться, потому что «Бог любит Россию, и она никуда не денется». А вздох всё-таки было не удержать, и всё вертелась на языке старая поговорка: «Бог-то Бог, но и сам не будь плох». И что «Вера без дел мертва», а мы как-то выучились вере вне родной земли, вне труда её спасения, набившись в города, которые Ирина Игоревна и Анатолий Васильевич почти не снимали. Кроме лет безумия, когда всё кипело и двигалось, искало какого-то, казалось, благого выхода, а кончилось предательством земли и живущего на ней человека.

Ведь даже и то, что они снимали эти поля, эти светлеющие берёзы, метельные осыпи черёмух, бедные просёлки и лица, лица, лица крестьянских детей, бабушек, стариков, и снимали с необыкновенной нежностью, всё говорило о той же прощальной тревоге. Ведь естественно живущий на земле человек обычно «не видит»

её красоты, потому что она — его дом, как и лица вокруг — только его человеческая семья. А уж как «увидел» — значит, или вышел из дома, оставил его, или просто «спохватился» и впервые увидел, как ненаглядна Господня земля. Это зрение, как молитва, — уже бессознательная просьба о защите целого мира, пробуждение человека от летаргии существования для благодарного участия в творении дня, который всегда мимолётен.

Фотография, как никакое другое искусство, слышит драматизм жизни, её ускользание и торопится остановить чудо мгновения, потому что знает, что через минуту это будет уже другая жизнь. А вот этого блика света, этого отражения ветки в окне, этой детской улыбки уже больше не будет вовеки.

Так вон у Виктора Петровича Астафьева в «Падении листа» всего-то и действия, что полёт осеннего листа до земли, но и в нём, если открыты сердце и зрение, может поместиться целая жизнь. «Чем ниже опускался лист, было ему падать всё тягостней и тягостней: встреча с большой, почти уже охладевшей землёю страшила его, и потому миг падения листа всё растягивался...». И писатель всё будто пытался понять вопрос, таящийся в этом падении, пока сама земля не приняла для него «формулу листа, похожего на слабое человеческое сердце». Вот и для Ирины Игоревны и Анатолия Васильевича земля открывается, как человеческое сердце. И они глядят на неё бережно и доверчиво. И сознательно не пользуются ухищрениями новых технологий, не «подтягивают» реальность компьютером, что теперь делают уже и любители. Но на то они и любители, чтобы не верить себе и миру.

И мы, наверно, как Михаилу Михайловичу Пришвину, страшившемуся укоров, что его природа слишком умна и прекрасна, хотелось сказать: пойдите посмотрите — вот так это дерево растёт, вот здесь этот камень лежит, вот так солнце на закате золотит эти осины. Но в фотографии трудно сказать эти «здесь и так», потому что она — дитя мгновения и короче и беззащитнее слово. Но она и сильнее его, потому что она только открывает глаза зрителю, а он уж потом сам волен одеть увиденное слово или унести его в счастливом молчании, которое дороже слова.

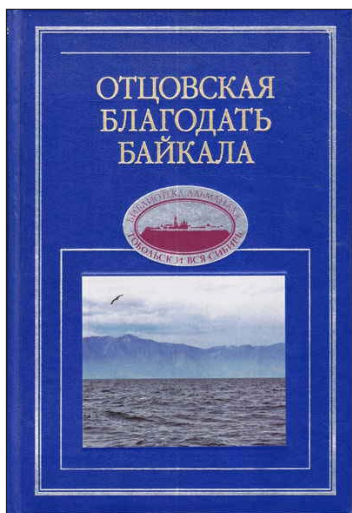
Я не буду пересказывать работы Ирины Игоревны и Анатолия Васильевича — вот они! Хотя они ждут не одного встречного

взгляда, а взаимного отклика мысли и речи, ждут, чтобы в этом твоём обдумывании и переводе в слово открыть тебе всю тонкость оттенков, всю полноту Божьего мира.

Каждый наполнит эти листы своими воспоминаниями, своей скорбью об уходящем и своей благодарностью навсегда в фотографии настоящему дню. И, может быть, ухватится за матушку-Родину в её земной силе и поймёт, чьё он дитя, и будет меньше бегать за пустотой скоротечного беспмятного дня. А остановившись, услышит в удерживающей красоте работ благословение матушки Матроны, которая и там, в небесах, верно, всё в своей райской России. И голос Анатолия Васильевича, всё договаривающий свою любовь к Ирине Игоревне и их счастливой жизни, которая, как прекрасная фотография, не знала случайностей, а сама была душой России и которой теперь уже не будет конца.

Псков, март 2011

ДВОЕ

Предисловие к сборнику очерков Валентина Распутина
«Отцовская благодать Байкала»

К сожалению, я не могу сказать об этом с должной простотой, чтобы здесь не читалась никакой метафоры: когда случается быть с Валентином Григорьевичем Распутиным на Байкале вдвоём ли, большой ли группой, у меня всегда остаётся отчётливое, почти осязательное чувство, что мы смотрим на Байкал, а они с ним смотрят друг на друга. И можно нечаянно перехватить этот взаимный взгляд. Да не нечаянно тоже. Они смотрят друг на друга спокойно и ровно, как смотрят обычно старые люди, которым и говорить ничего не надо — всё известно обоим опытом лет, любовью, совместной бедой, редким счастьем — простым чудом жизни. Они так очевидно двое, что и мы бессознательно чувствуем это, и когда потом приезжаем без него, у нас что-то существенно отнимается.словно наш взгляд беднеет или Байкал «закрывается» и являет одно туристическое лицо, становясь, может быть, и

красивей и непостижимей, но лишаясь какой-то дорогой ноты, которая открывается только когда они вдвоём.

Я заставлял этот взгляд в Листвянке, в Култукке, Слюдянке, на Кругобайкалке в минуты покоя. И ловил в часы тяжкого окаменения, когда мы были в Байкальске, кажется в 1989-м году (Господи, уже двадцать лет!) и ходили по неуютному, какому-то сразу временному городу, в котором, кажется, никто не собирался коротать старость и в котором не могли родиться дети — так он был отчётливо безлюбовен. Валентин (простите, что я по старине знакомства буду обходиться без отчества), кажется, не мог вернуться к Байкалу после страшных чёрных озёр очистных сооружений целлюлозного комбината с их тонкими перемышками, предпочитая уткнуться в «торжественные обязательства» комбината: «Видишь, как серьёзно: перевыполнить в 1989 году план на 1 (прописью — одну) тысячу рублей. Это что же они на одну тысячу туалетной бумаги сделают? Так, боюсь, и её не хватит на одни байкальские задницы». И лицо его каменеет. И на обратной дороге мы смотрели в другую от Озера сторону и было стыдно своей беспомощности.

Теперь эта война внешне попритихла. Комбинат то «закрывают», то «перепрофилируют», и он, прикрываясь слухами, старается жить тихомолком — авось позабудут. Валентин отдал борьбе с этой, кажется, и сейчас по-настоящему не осознанной бедой лучшие силы, пооббивал за годы сопротивления все пороги — от министерских до президентских.

След этой многолетней борьбы в его байкальских дневниках мучителен. Вы увидите его в этой книге. Читать тяжело — такая равнодушная машина расчёта, государственного честолюбия, мёртвого чиновного послушания («скажут делать табуретки, будем делать табуретки»), подталкиваемая снаружи мировой холодностью к России, шла на Байкал, издевательски обставляясь самыми «зелёными» лозунгами. Были, конечно, и среди начальственного народа люди, понимающие опасность, но политика всегда лжёт громко и картинно, а правду говорит в стороне и шёпотом.

Байкал как будто знал это и ещё утешал писателя своей красотой, когда тот готов был впасть в отчаяние. Но и сам уставал. И, наверное, очень опечалил американского собеседника дикой

природы, знавшего голоса зверей и птиц, умевшего своей музыкой говорить с китами в мировых океанах и песками пустынь, музыканта и эколога Пола Уинтера, чья «Песнь о Земле» очаровывала мир странными гармониями. Он сыграл тогда в виду Комбината «Песнь протеста» в надежде, что слетятся птицы и поднимутся из вод Озера нерпы, чтобы встать против беды вместе. Байкал не ответил, нерпы не отозвались на звук «Песни». Валентин Григорьевич как мог утешал товарища, но и сам был печален.

Но, слава Богу, тогда ещё были русские писатели. И они вставали вместе с ним на пути государственного беспамятства стеной — В. И. Белов, С. П. Залыгин, Ф. Я. Шипунов. Они не остановили комбината, но держали его в узде постоянного напряжения. Никто при этом не думал, что высокие силы писателей расходуются «нерентабельно», что литература лишает себя, может быть, самых замечательных книг, потому что Господень дар тратится художниками не по назначению. Духовная экономика — предмет неведомый. А «чистая публика», которой всегда хватало в литературе и которая не снисходит до общественной борьбы («пусть чернь слепая суетится») ещё и корила лучших детей слова, что они «впадают в публицистику» и занимаются не собственно литературным делом.

Этот смех пошлости над «честными идеями», борьба «красоты и пользы» всегда были живы в России, и ещё в XIX веке критик Н. Михайловский говорил об опасности «художественной разборчивости», при которой «дьявол эстетики может погубить ангела этики». Загляните в нынешние книжные магазины — они скажут вам о победе дьявола эстетики, который не гнушается сотрудничеством с чёртом низости, каждой полкой, всем хищным отрядом даже и внешне эффектно бесчеловечных книг.

Конечно, писатели и сами были бы рады сесть за стол для прямого дела, да были русскими людьми, которые, как говорила у Распутина старуха Дарья в «Прощании с Матёрой», «совесть сильно различали». К стыду своему, и я в ревности о даре Валентина тоже нет-нет укорял его за это расточение сил, и письма его той поры полны горечи.

Мы, кажется, не все слышали, что это ворочался в нём сам Байкал, который лучше других слышал боль художника и, может

быть, тоже страдал от того, что гнев сужает слово художника, как замутняет чистоту вод. Ведь это Байкал дал Распутину его прозрачную глубину, его мощь, его простоту, его внутреннюю волю, его духовную необъятность, которая делает его прозу почти загадочной. В особенности, когда дело касается женских характеров, которых, кажется, до него никто не писал в такой живородящей пронизательности и правде.

Я же говорю — они были двое. Или даже одно. И когда он говорит «я всегда остаюсь на стороне борющейся с человеком природы», это он говорит байкальской частью в себе, той безгласной болью, которая должна быть выговорена за счёт наделённого словом другой части единого существа, иначе они оба не будут целым. И мы, может быть, однажды догадаемся, что у нас потому и есть Распутин, что есть Байкал, что писатель впервые за всех немых его ценителей, чувствующих «священность» Озера и что в нём всё, по определению протопопы Аввакума «богоделанно», понял, что «рядом с Байкалом мало размышлять правильно. Здесь надо выше, чище, сильнее думать, вровень с его духом, не бессильно, не горько».

В его прозе мы сразу и почувствовали это «вровень и сильнее, и чище» и с самых первых вещей были поражены слепящей новизной и отдельностью этого дара. Не одни В. Чивилихин и В. Астафьев на раннем читинском семинаре, а именно как-то вся Россия разом. Как, наверно, об эту пору светился и радовался за своего товарища сам Байкал, как они жадно приглядывались друг к другу, услышав в себе биение одного сердца, и только ещё не догадываясь, что «не больно» не получится.

Можно догадаться, что эти отношения у них начались прямо с той поры, когда Валентин поселился поблизости от Озера. «В молодости, уже и тогда ища одиночества, завёл я в порту Байкал домик в одну комнатку». Отметьте для себя «уже и тогда ища одиночества». Оно всегда было для него домом, жизнью, спасением, благословением, условием творчества. Вдвойне поэтому понятно, как тяжело давались ему невольная общественность жизни и высокие пороги.

Это одиночество, верно, и привело его к тайному дружеству с Байкалом, который тотчас отозвался зоркому сердцу, потому

что и сам хотел быть услышанным, как хотят быть услышанными старики (что в детстве в другой стороне Байкала узнал и земляк Распутина Леонид Бородин, рассказавший об этом в светлейшей и так, кажется, среди всего написанного им более всего и любимой повести «В год чуда и печали»). Это было именно одушевлённое чувство дружба. Для этого Распутин уже обладал тем «тонким, звериным, каким-то предельным чутьём», которое по его позднему определению необходимо для постижения Байкала.

Об одном дне такого чувствования Валентин с улыбкой, как это и бывает при бережном дружестве, написал в январском дневнике 1974 года: «Поначалу Байкал как бы не заметил меня (видите, как сразу лично — В.К.). А потом началось... Знаю, по каким законам это происходит, но не хочу объяснять, а хочу думать, что эту канонаду, играя и пугая, Байкал устраивает для человека». И мы догадываемся, что не просто для человека, а именно для него, писателя, который умеет увидеть эту игру и нестрашное пугание и улыбнуться. Ведь он давно догадался, что «до человека и Байкала по-настоящему в его совершенной красоте не было и он в своей „богоделанности“ только ещё подготавливался, ворочался, укладываясь поудобнее» и украшая берега, чтобы, когда явится человек, он скорее услышал Бога в совершенстве творения, чтобы они были вместе.

Может быть, сознательно Валентин услышал это в настоящей полноте первым, отчего Байкал так и открылся ему. И он писал его, не уставая, ища словаря долгого и пространного как отражённое небо. И даже Иркутск был для него частью Байкала, как вступление и как постскрипtum. Но когда мы с ним познакомились, и я впервые увидел Озеро, самые тесные часы их единства были уже позади. Слово они оба устали от того, что их загоняли в официальные отношения, делали участниками общественной драмы, где сердце — предмет лишней, а душа и вовсе слово неупотребительное — нарочно вспомните, когда вы в последний раз слышали его в устах министров и президентов.

Тогда и установился между ним и Озером этот спокойный усталый взгляд. Больше они «не летали». Знающие творчество Распутина сразу поймут эту фразу. Не знающим напомню три странных рассказа писателя, так и стоящие у него особняком и

обычно не поминаемые, когда речь идёт о «вкладе» и о других торжественностях. Рассказы были рождены друг за другом в 80-м году после того, как Валентин выбрался из тяжкой болезни, которая ставила его перед последним порогом, и после которой ему казалось, что он вообще больше не сможет писать. Вот тогда и бросился ему навстречу Байкал отблагодарить за их слышание друг друга и спасти его, как свою речь.

Первым был почти робкий, будто ошупывающий каждое слово и с отвычки робеющий перед ним (послушается ли?) рассказ «Наташа», о котором Валентин позднее говорил, что рассказ спас его. Там человек, мучительно выдирающийся из болезни, сталкивается с вопрошающими глазами медсестры, стыдясь, что не может вспомнить, где видел её. Пока однажды после операции, освобождаясь от чуть не смертного сна, вспоминает, что они летали. И разом восстанавливает в памяти день? видение?, когда под её подталкивающей повелительной силой он летел над Ангарой, над пылающей голубизной Байкала, с пугающим восторгом открывая в себе «готовность постичь главную, всё объединяющую и всё разрешающую тайну, в которой от начала и до конца сошлась жизнь». Кто была эта Наташа — Муза? (Валентин бы улыбнулся этому слову). Байкалова дочь Ангара, вскормившая его детство и теперь посланная Озером вернуть ему силы, чтобы понять все-разрешающую тайну мира? Или, наконец, сама жизнь, у которой все мы дети, которых она разными путями ведёт к пониманию, что все мы бессмертны?

А что Байкал тут был рядом первым, скоро подтвердится другим рассказом — «Что передать вороне?», где это касание тайны жизни продлится уже прямо перед лицом Озера, которое гудит для него, как перевёрнутый в небо колокол. И он идёт на этот манящий зов, пока небо и озеро не обнимут его, и он опять, как в «Наташе», почувствует то же погружение в сердце мира («я словно бы соединился с единым для всего чувствилищем и остался в нём»). И это неуклюжее «соединился с единым» и будет первым знаком подлинности потрясшего его немого чувства всеобщей родственности, которая побуждала Пьера Безухова кричать в ночь такие же не очень вразумительные слова: «И всё это моё, и всё это во мне, и всё это я!» И он услышит, как потянется над

Байкалом словно незримая дорога отсюда Туда, которая и держит и ведёт, и принимает, и благословляет его, пока он не услышит «нестерпимый зов Оттуда» и не почувствует исцеляющий «покой осторожного свышнего присутствия».

Потом он прочтёт у Германа Гессе: «...человек... есть некая попытка, узкий опасный мостик между природой и духом. К духу, к Богу влечёт его сокровеннейшее призвание, назад к матери природе глубиннейшая тоска». Эти тоска и мука слышания «свышнего присутствия» и невозможности соединения с ним, войти в реку единой жизни, прорвётся в сердце горькой фразой: «Господи, поверь в нас: мы одиноки». Вскоре он крестится. И я для себя сердцем знаю, что восприемником его был Байкал.

И Байкал же станет хоть и не прямым как будто и не основным «участником» совершившегося с героем рассказа «Век живи — век люби», где в каждой странице дышит его «необыденный дух, который может дать только он». Пока герой едет в тайгу, Байкал каждым поворотом поезда готовит его, чтобы там ночью, под мелким дождём он пережил то, что уже пережили герои «Наташи» и «Что передать вороне?». То есть то, что однажды (или даже не однажды) пережил сам писатель, торопясь и не умея записать поразившую его тайну, равную «смертному ужасу рождения» и такую же непостижимую, которая живёт в нас (во всех!) на самой глубине и иногда, почему-то особенно в виду высокой необъятности звёздного неба, гор или необозримости океана (и Байкала! Байкала!), на минуту настигающую нас, чтобы мы помнили, чьи мы дети.

Почему так и томят эти рассказы, заставляя нас вспоминать эти мгновения и тосковать от их невысказанности, опять переживать счастье и печаль прерванного полёта и касания вечности. Видно, однажды пережитое над Байкалом чувство «воссоединения со всем сущим» было так грандиозно и так потрясло душу близостью Неба, что он снова и снова пытался нащупать тайну совершившегося, назвать и удержать, приручить это непостижимое, ещё не догадываясь, что это всё равно, что приручить Байкал.

Вот и тут, в «Век живи» смотрите, как зыбко, как ускользающее чувство героя: «Дважды дохнуло на Саню звучанием исплински-глубокой, затаённой тоски, и... он подался вслед этому

возвеченному (как напрягается словарь, чтобы дотянуться до невыразимого — В.К.), невесть как донёсшемуся зову... Словно что-то вошло в него и что-то из него вышло, чтобы поменявшись местами, сообщаться затем без помехи». Это ведь как раз то же, что «смертный ужас рождения», что готовность постичь «все-разрешающую тайну жизни» и «покой свышнего присутствия».

Верно, и Байкал «вставал на цыпочки», ожидая, что его слово (а это он, он звал) вот-вот будет сказано и тогда сами собой падут все человеческие притязания, все государственные помрачения и люди поймут, что у них есть чудо, которое каждому открытому сердцу сулит ту же всепроникающую даль. Сулит возможность увидеть «в бесконечной и радостной благодати всё сияние, всё движение мира, всю его необыкновенную красоту и страсть». Сулит новую, более разумную и человеческую, чем «цивилизационные пути», жизнь.

Это снова для другого русского писателя открывалось толстовское «аустерлицкое небо», чтобы указать иные векторы духовного движения жизни. Но мир не собирался сворачивать с удобных, хотя бы уже и очевидно гибельных путей. Непостижимое уязвляло его гордость, и он предпочитал гнуть своё, не страшась ни «Прощания с Матёрой», ни «Пожара». Он не собирался стыдиться и перед Байкалом. И художнику надо было сходить с высокого, обещанного Богом пути, «возвращаться», продолжать борьбу, ухватываться за своё правило «Мужество — это когда некуда деться», чтобы хватало сил для тех страшных книг, которые ещё ждали его впереди. Теперь с этим знанием надо было жить, переводя его в быт дня, в опору житейского мужества. Прийти к Байкалу, поглядеть, как коснуться, и опять встать за дело, писать, обивать пороги дальше — жить, чтобы и Байкал, хоть в потерях прежнего Комбината или сегодняшнего, обезумевшего в пошлости туризма, всё-таки знал, что он не весь переведён на хищное потребление жадного века, что ещё есть кому за него постоять.

И Байкал понимал, что и ему не дожидаться признания его права на жизнь, но вопреки всему с тем же распутиным мужеством безвыходности (не зря у них было одно сердце) надо продолжать оставаться Божьей мерой красоты и правды. По-прежнему быть «связанным чувствительными капиллярами со всем огромным

миром, видимым и невидимым», оставаться «неиссякаемым лоном жизни». И всё обезболить душу самого дорогого своего сына, чтобы и он сам не терял, и нам не давал потерять уверенности, что «никогда Мать-земля такое святилище, как Байкал, никому, в том числе и нам, на поругание не отдаст».

Во всяком случае, не отдаст, пока их двое, пока пальцы писателя держат перо и пока они с усталым, но все мужественно спокойным пониманием смотрят друг на друга.

ПАМЯТЬ И ДЕЛО

О книге Валентина Распутина «Возвращение Тобольска»
(художник Нина Казимова)

Вот уж подлинно «Возвращение Тобольска»! Посмотришь год издания и улыбнёшься — да полно! Что мы не видим, что книга рождена тремя столетиями раньше в пору Семёна Ульяновича Ремезова. И, может, не вовсе без его участия — так видно тут по его слову, что «подобен град Тоболеск ангелу, который простирает крылья над всей Сибирью». Такая в лице каждого листа чудная даль и золотая выдержанная старость... Когда бы не читал, а только в это лицо и заглянул, то легко бы и поверил, что книга не издана, а найдена в каком-нибудь забытом собрании, на памятливых монастырских чердаках, в сундуке иноческой кельи доброго пушкинского Пимена, ждавшего, что «когда-нибудь монах трудолюбивый», «пыль веков от хартий отряхнув, правдивые сказанья перепишет».

Вот Валентин Григорьевич Распутин и «переписал», с любящей простотой напоминая сыновнее правило обращения с исто-

рией: «Ответим хотя бы проснувшейся памятью», потому что «проснувшаяся память — есть начало продолжения дела». И как же он в этом «переписывании» хорошо слышит родное слово, продиктованное самим воздухом старого города! Хоть зачин вон посмотрите: «До Бога высоко, до царя далеко, но Тобольск стал так удачно, что и до царя ближе и до Бога — ниже». Ведь это сказано самой земной памятью, народным сердцем, которое любит складное меткое слово! А уж дальше писатель только благодарил город за небесную красоту, за достоинство его истории и тем самым и нам, грешным, возвращал забываемую за суетой гордость родным преданием. Да ведь и то: здесь, «на диком берегу Иртыша», бился с Кучумом Ермак Тимофеевич, отсюда уходил Семён Дежнёв, здесь коротали ссыльные дни протопоп Аввакум и последний государь России. И славили, славили отчину великие тобольские дети — незабвенный её «соловей» А. Алябьев и нежно печальный передвижник В. Перов, светлейший сказочник П. Ершов и построивший элементарный мир в систему Д. Менделеев. Как тут было не склонить голову!

А тут ещё каждое распутинское слово выписано, облюбовано и как будто поднято к свету рукой питерского «протокаллиграфа» (как звалась бы её профессия прежде) Нины Казимовой, которой равно послушны и офортная игла и акватинта. И давно ведомого нам по прежним изданиям текста стало не узнать — такая в нём от этого «рукописания» явились строгость и старинность, степенность и лад, державность и покойная власть, как в рукописных петровских «зерцалах». Поглядите хоть те же, прямо с первой страницы вставленные в архитектурный картуш напоминания о проснувшейся памяти. Ведь они от такой торжественности стали глядеть гербовым девизом, законным установлением, дорогим эпиграфом, правилом чтения и понимания истории.

Казимова не зря прошла блестящую школу питерской архитектуры с её аристократической ясностью, выковалась в экслибрисе и озорстве лубка, в чехонинских цветах и сомовских красавицах, не зря попыталась вернуть забытое искусство цельногравированных книг.

Всё сошлось в «Возвращении» естественно и уместно, словно для того и наживалось, чтобы сойтись здесь с царственной

свободой. Текст (а ведь его — представьте-ка! — весь надо было написать зеркально — такова уж техника офорта) жив и лёгок и своей старомодностью диктует и новые, не типографские законы чтения. Словно и сам автор писал его в семинарских стенах или в приказных палатах, диктовавших ему ловкость и стать слова (и слова только созревали или едва завязывались, так что их ещё было не узнать, и ещё не было ясно, как они процветут), и мы читаем этот очерк в камзолах и фижмах.

И всё дивно согласно и выверено, таинственно цельно, столечно и вместе тонко провинциально, парадно и простосердечно. Как в отдельных листах, где Святая Троица благословляет город, где П. Ершов дивится уместившемуся на спине кита Тобольску, где С. Ремезов склоняется над картой Сибири, так и в буквицах, заставках и концовках, где в летучести сиринов и алконостов, во взглядах ангелов и кокетстве серафимов на полях легко читается и память лубка, и мирискусническая улыбка. И текст, и орнамент, и роскошь «рамы» каждого листа как будто и не глядят друг на друга и вместе совершенно слитны, а минувшее время как-то помнит и нынешний день. Весь прежде нажитый Казимовой опыт и внешне вроде противоположные школы народной картинки и академической питерской гравюры, свободы и строгости, игры и правды умно согласили в работе ретроспекцию и нынешнюю книжность, память прошлого и оглядку на день на дворе. Кажется, эта книга была всегда — прекрасная и смиренно «анонимная», как все старые книги, мы только не знали её, а теперь обрели и не можем наглядеться. И это тоже «возвращение Тобольска», его духовной породы, его высокой памяти равно в тексте Распутина, в офорте и акватинте Казимовой, в издательской отваге и безупречном вкусе Елфимова.

Такое издание могло показаться книжной забавой, игрой, когда бы время располагало к игре. Но оно полегчало до тревожной степени, когда минувшее для него только череда заблуждений, история только материал для своевольного толкования, а дело отцов — только музей. И вот тогда и приходит пора трудоёмких книг, которые сами по себе есть уже духовное делание, попытка вырваться из текучего времени, которое уносит книги жадным, не всегда чистым половодьем, акт сопротивления этой текучести,

вещественная возможность сказать о любви, и подтвердить, что «проснувшаяся память — есть начало продолжения дела».

А каково будет само продолжение, зависит от правильного роста истории и нашего умения включаться в её великие соот-ветствия достойно тех, кто ставил и населял города, подобные ангелам, обнимающим Родину.

2012

ОДУШЕВЛЁННЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Отклик на ежегодный календарь фонда «Возрождение
Тобольска»

Так и тянет утром перевернуть лишнюю страницу, заглянуть: что там завтра? Я удерживаю себя. Пусть будет неожиданность. Давно для себя отметил, что календарь всегда благодарит за пристальность и, если встречаешь новое число и день недели с любовью, видишь, как живо и верно эти число и месяц затевают диалог с фотографией на странице — зимней, весенней, летней. Перевернёшь лист и улыбнёшься: да, это именно вторник 4 августа — так светло глянет на тебя Новгородский кремль с Часозвоней, но глянет именно во вторник без воскресной картинности и оглядки на туристов. А это пятница 13 ноября — стылый Тобольский ангел глядит на холодную мгlistую утреннюю зарю. Невольно передёрнешь плечами — да, конечно, пятница, да ещё 13-е число, Будто не автор календаря Аркадий Елфимов, не составитель, не дизайнер, а именно сама природа торопится прописаться в календаре, узнать себя и подтвердить: да, среда, понедельник,

да, март, октябрь... Мы с тобой, оденься потеплее. И твой день, взглянув с тобой на страницу, начинается с верного камертона.

А иногда за заботами механически перевернёшь — дело обыкновенное: календарь. Что там у меня на сегодня? И — вперёд! А сейчас вот выпала минута, заглянул из любопытства во всезнающий интернет на слово «календарь» и ахнул, как проснулся. Матушки! Оказывается, от зари мира, когда еще «солнце не ведало, где его дом, звёзды не ведали, где им сиять, месяц не ведал мощи своей» («Старшая Эдда»), год успел побывать у друидов жертвенным конём, узнать, что в человеке триста шестьдесят костей — оттого и таково число дней в году, и что у Адама было тридцать зубов, — отчего и дней в месяце тридцать. Ну, добавим от себя Адаму ещё, может, «зуб мудрости» чтобы иногда и тридцать один. И что в китайском понимании весне соответствует человеколюбие, осени — справедливость, лету — приличие, а зиме — мудрость. И только потом уже ведомые нам календари Юлианский, Григорианский, революционный, где и месяцы зовутся брюмерами и термидорами, а у нас с XVII века его зовут «месячило», а поближе во времени привычным «месяцеслов». Ну, а нынче мы, кажется, как никогда приблизились к первоначальному римскому *calendarium*, что буквально означало «Долговая книжка» (Господи, пронеси!). Не оттого ли у Владимира Иваныча Даля «врут всё календари». Первой подтвердит это налоговая служба. И, смешно сказать, — словарь рифм, который к слову «календарь», кроме всего прочего, упомянет и такие причудливые рифмы, как «пораскупорь» и даже «пообшарь». Немудрено, что начнёшь глядеть на календарь как на сообщника или тайного врага.

Поневоле скорее вернёшься к календарю Елфимова, к его фотолетописи времён года. Я оглядываюсь в его календарях прошлых лет и в той части нынешнего, которая уже осталась позади, не позволяя себе лишать себя счастья неожиданности и не подсматривать в оставшиеся страницы, и вижу, какой необъятный мир успевал отразиться в вёснах и зимах его объектива. Там будут Алтай и Камчатка, Енисей и Лена, Михайловское и Ясная Поляна, Новгород и Казань — вся ненаглядная Родина. И Тобольск, Тобольск, Тобольск! И снимает — то он, кажется, в нём только малую старую часть, в полдня обойдёшь, а что ни взгляд, то и новость! Так выговаривается и

всё не может до конца выговориться любовью: синие зимние сумерки, цветущая яблоня над окном, золотая излучина Иртыша на закате, роскошь наличников на серебряном от старости доме, эскадра дымов в морозном воздухе нижнего города. Его деревья кажутся одушевлёнными, его травы или снежные долины цветут и синеют для глаза человека и сами подставляют себя под объектив, чтобы он пришёл и обрадовался им. Тут и понимаешь, что красота — это отражение истины. И вот и дописать предложение не успел, а из альбома Елфимова и поэта Владимира Коробова «Изменчивый пейзаж» (ах, какой был поэт: словно на полях фотографий Елфимова и писал: «Отчизна, Держава, Россия... Какие родные слова, когда они не золотые, простые, как эта трава, что встала в пыли у забора — наивный такой пустячок, который оценишь не скоро и мимо пройдёшь, дурачок») выпало стихотворение жены Коробова (теперь их обоих уже нет) Людмилы Абаевой, будто она узнала, о чём пишу, и тоже пришла разделить радость этой работы:

Сегодня — то же, что вчера,
и завтра будет, что сегодня;
на все листы календаря
легла задумчивость Господня,

на опустелые поля,
на многоярусные крыши,
на облака и выше, выше —
откуда не видна земля.

Но ощущением родства
всего со всем полны просторы,
и бесконечным разговором
в аллеях занята листва.

Как хороша и как верна в отношении к работам Елфимова эта «задумчивость Господня» и это «ощущение родства всего со всем». Как они слушают друг друга в календаре: день недели и небо, трава и земля, купола и звоны, люди и воды. Но не более ли всего это «ощущение родства» выговаривается в «марках» портретов на полях,

где сходятся его друзья, родные сотоварищи, кто родился в этот день месяца. Портреты просты, как фотографии на паспорт, как отметка в записной книжке, как звонок на мобильный. И с каждым годом их на страницах календаря становится больше, иногда по несколько в день. И я вспоминаю записную книжку Саввы Васильевича Ямщикова с телефонами его друзей. Они могли населить губернский город, а то и стать отдельным государством, потому что там были высокие чиновники, иерархи Церквей, государственники и вольнодумцы, реставраторы и плотники, поэты и каменщики, врачи, актёры, водители такси, офицеры и банкиры и даже некоторые весёлые бездельники. У него в случае международных конфликтов его «государства» и дипломаты бы нашлись. У Аркадия Григорьевича разве что «весёлых бездельников» нет, а в остальном тоже хоть город заселяй — не зря они с Саввой Васильевичем дружили.

И мы, порой незнакомые друг с другом, кликаем своих товарищей с других страниц, вглядываемся в лица, в эти среды и пятницы, вторники и четверги рождений и в фотографии пейзажей над ними и лучше слышим сердце друг друга в своих Новосибирсках, Петербургах, Москвах, Иркутсках, Екатеринбургх и Ханты-Мансийсках — родня по Родине и духу. И радуемся своему несогласию с давним народным утверждением, записанным тем же Владимиром Ивановичем Далем, что «календарным теплом не угреешься». Уличным-то календарным — нет, а вот человеческим — да! Так что календарь ещё таинственно включает нас в порядок работ по строительству души, сзывает нас помнить об общем деле жизни и общей ответственности — не подвести бы его бездельем и легкомыслием. Тут особенно и видишь, что мы люди на своей земле, в своём милом Отечестве, под своими небесами. Один из нынешних поэтов как будто с укором написал: «Старых истин повторенье — только новый календарь». А по нам так похвала. И хорошо, что старых. На то она и истина, чтобы быть старой. От неё «новый календарь» только роднее, твёрже, незыблеее.

С тем и будет ждать Нового года, нового взгляда на милую Родину, нового братства. И учиться у календаря старой истине любви и весёлой ясности духа.

РОДИМОЙ ТРОПОЙ

Предисловие к сборнику избранных произведений Михаила Трофимова «Медвежья родина» (Библиотека альманаха «Тобольск и вся Сибирь»)

С лёгкой руки Гёте стало общим местом, что для того, чтобы узнать поэта, надо навестить его родные места. Это правило не всегда обязательное — мы поймём Лермонтова, не бывая в Тарханах, и услышим Рубцова далеко от Тотьмы. Но есть случаи, когда близкое знание драгоценно и открывает поэта с особенной и прямо необходимой для глубокого понимания полнотой.

Я не знаю, как читал бы стихи Трофимова, не встречаясь с ним. Вероятно, мелькнула бы тень смущения — не притворна ли его старомодная крестьянски-простая муза, можно ли жить народной речью и мыслью естественно даже и посреди нынешней, отведавшей городского телевидения, деревни, а не то что в самом Иркутске, с чеховских дней отмеченном интеллигентностью. Показалось бы, возможно, что поэт или достаточно стар и сложился в пору Дрожжина или Прокофьева, или немного играет в милую сердцу

недавнюю деревенскую песенно-частушечную культуру и тем, в общем, сберегает её лад, чтобы этот лад не позабылся вовсе.

Но я познакомился с Трофимовым прежде, чем прочитал его первые стихи. Я узнал его сперва как мастера диковинных «глинянок» — косноязычно-родных, очень подлинных, смущающе первоначальных. В этих игрушках было что-то народно-коренное, не русское только, но как будто всеобщее первородное — в них узнали бы своё и ацтеки, и скифы, и мифологические шумеры. Они казались не вылепленными сейчас, а найденными в раскопках, и сказать, каких зверей и птиц они изображали, можно было не всегда — это были просто птицы и звери до деления на кур, глухарей, коров, оленей. Сразу узнавались, может быть, только медведи, к которым Михаил Трофимов приглядывается с каким-то детским окликанием родства по имени («Меня Мишею матушка нарекла неспроста») и которых во множестве мы увидим и в этой книге — они будут шататься по тайге, ворочаться в берлогах, падать под выстрелами, и каждый будет написан «со своим лицом» и характером.

Это не от игрушек. Скорее тут игрушки пошли от живого. Михаил много лет был профессиональным охотником, взял несколько медведей сам, добывал соболя (охотники знают, какая это работа), ловил рысь живьём («так она дороже ценилась») и знает тайгу тем родным любящим знанием, которое даётся в награду за долгую совместную слитно-единую жизнь. Не потому ли он так хорошо знает сны белок и кедровок, песни глухарей и гусей, одиночество ветра и свободу облаков. Словно и сам был кузнециком, соболем, птицей и даже камнем. Может быть, это и есть его наиболее существенный вклад в сибирскую лирику, что он в русской природной поэзии, в распевном ладе русского поля и леса так полно услышал голос тайги в её простой, будничной, незримой стороннему глазу жизни и написал её любяще и благодарно, с истинно народной естественностью.

Народность нельзя передразнить — непременно притворство выкажется неверным словом, сбоем интонации. А уж как про зверя начнёшь писать, так тут и того скорее. И если у Михаила нет ни сказочной, ни детской антропоморфности, нет списывания зверя с человеческих черт, то это потому, что и деревенский дом,

и зимовье, и лес для него полны равноправной старинной жизни. Даже и живой жестокости не скроет — «Зверь раненый кричит по-человечьи, а я в звериной радости гляжу», хотя уж в нём-то как раз «звериной радости» и не видал никто никогда, а он вот про себя знает и не таит.

Мы ездили с ним поздней осенью в уже настывшую его избу в Култуке, и он здоровался с домовым и баннушкой так, как мы здороваемся с соседом — просто и уважительно. И в тайге точно знал, с какого кедра начинаются действительные владенья лесшего, и не забывал просить его благословения. Тут я и понял его глиняных зверей и птиц, его славные детские стихи, его «шутки-прибаутки для ребячьей погудки» и народно-старинный лад его музыки, такой узнаваемой, словно мы не первый раз читаем, а только вспоминаем его стихи:

Под заветною сосной
Скоро снег растает...
Повстречались весной —
Осенью расстались.

Отпустила птиц моих
На четыре стороны:
Улетели — соловьи.
Налетели — вороны.

***

Оторваться невозможно,
Заколдован дивным сном:
Мне легко и безнадежно
В звёздном свете проливном.

Чёрным тихим водопадом
Твои волосы текут —
Ты побудь со мною рядом,
Ну, хотя бы пять минут.

Лебединый час рассвета
Свою юность прозевал, —
Этот сон в начале лета
Моё счастье повторял.

Такие строфы можно было выписывать несчётно, но дело не в них. Настоящее удивление вызывает неистощимость народной стихии, которая вопреки наступательной энергии уравнения, вопреки затопляющей волне городской усреднённой беспамятной культуры, меняющей и деревенский словарь, всё продолжает рождать живые дарования, хранящие чистое зерно народного миропонимания в генетически устойчивой форме.

Как будто сама русская природа заботится, чтобы и песенная, и частушечная форма, и тот родниковый стих, которым писан ершовский «Конёк-горбунок» и некрасовские песни, хранился в народе нерушимо — такой же разговорно естественный: нигде ни шва, ни усилия, как будто поэту только и остаётся, что записать сами собой складывающиеся слова. Таких поэтов, слава Богу, ещё довольно на Руси, и, как ни корят их за подражание народу (всё равно, что корить за народность народ), они все берегут родимую речь и хранят её по русским окраинам, когда мы уже избегались до совершенной утраты этой речи.

Если поглядеть трофимовскую «Свадьбу» — она ведь обманчиво сюжетна. Можно уцепиться, положим, за публицистическое звёнышко: «Вся деревня на горе. По семь девок на дворе, и одна милей другой, оглянётся, ни одной — в город поехали юбки шить с прорехами», но долго на нём не продержишься, потому что автор сам скоро забудет эту тему, закружившись в хороводе песен и припевок, счастливой обрядности, пустив сердце на волю. Может, в первоначальном-то замысле поэма и надеялась задеть несчётные деревенские проблемы, в шутке и частушке перебрать сельские беды, но потом стихия оказалась сильнее, сами музыка и слово пошли диктовать своё, и хорошо, что поэт не упрямылся и не серьёзничал, а радовался этой опьяняющей стихии. Тоже будто сама эта стихия не хотела быть «этнографической», не хотела уходить «в музей» и ухватывалась за его память.

Но пир-то пиром, а если вслушаться, то звон в чаше будет словно с дальней трещинкой, и радость словно всё время при-темнена, и никак не отделаться от впечатления, что это последняя такая свадьба, что поэт уже выманивает у музы этот последний подарок и уже не хочет, а слышит тут дальний отстраняющий отзвук наступающего «этнографического» переживания. Всё ещё живым-живое, но что-то щемит и тревожит.

Как щемит и тревожит в его поэмах «Парасковья» и Снегирёвка». И тут боль особенно видна как раз потому, что стихи как будто вышиты «по готовой кайме». Что нового скажешь о любви, оборванной войной и войной спасённой («Парасковья»), или о судьбе обычной деревни, бедующей под руками «реформаторов» («Снегирёвка»). Всё пережито и передумано родной поэзией и прозой. Острота ушла, осталась раненая мысль да любимое слово, как старая песня, годами испетая и как будто уж и позабытая, а вот, оказывается, всё живая в душе. Он не боится быть укорённым в повторах, в том, что кто-то осердится: ну, опять за старое! сколько можно! А только народ-то вот до недавнего времени (когда ещё был народ) не стыдился своих вечных сюжетов и будто всё об одном пел и словами теми же да всё с разной повадкой. И даже старые-то как будто самые обычные слова были особенно милы. Тут Михаил подлинно дитя народное и «Парасковья», как и «Свадьба», поётся будто без его воли — сама. И пусть сто раз писано, как отнимает война женихов, а он снова напишет, и мы опять переживём остатками народной крови резкую боль:

Ой ты, батюшка Покров,
Закури избу без дров!
Ты покрой поля снежком,
А невесту женишком.
Как опосле Покрова
Буду я не такова.

Покрова девчата ждали,
О замужестве мечтали.
Реки встали, снега пали,

Пали да растаяли.
На войну парней забрали,
Стариков оставили.

И только, может, у Парасковьи и будут отлички, что жениха израненного она выходит и понесёт от него дитя под сердцем по военным полям в тяжкой своей сестринской работе в снегах и под пулями: «Беречь в себе ребёнка материнский долг велит. То ножонкой, то ручонкой он под сердцем шевелит. Что ли тоже ты воюешь, вместе с мамкою горюешь?» И убережёт молитвой да любовью, да самим законом жизни, которая сквозь любую беду привьётся и потянет веточку:

Пресвятая Богородица,
Младенчика спаси,
Пули рядышком ложатся —
Пули ветром отнеси.
Пролетите, пули, мимо,
Дайте свет узреть мальцу,
Чтобы смог прильнуть родимый
К материнскому сосцу.

И тут поэт даже и улыбнётся этому чуду жизни, когда после войны она как-то природно, как трава, пойдёт пробиваться, спасать себя, не зная греха и суда, потому что она — жизнь: «От чужих мужей рожали. Жены, правда, возражали, девок драли за волосы, но детишек развелось... Каждая бабёночка была не без ребёночка».

А боль подкараулит, когда уж вроде и выбрались, и уцепились. И тут «Парасковья» и «Снегирёвка», словно части одного текста и одной судьбы, как-то мучительно забьются, будут хвататься за землю, радоваться победе, торопиться жадно наработаться, догнать годы невольной оторванности от земли. И мы вспомним лучшее советское, мечтаемое, что несправедливо осмеяно в «Кубанских казаках» или «Сказании о земле Сибирской», где война побеждалась восторгом надежды. Но тут казённая-то неправда эту надежду на спасительную силу земли и разрушит. И у поэта

и его героев всё будто осыпается в руках, сюжет ищет света и не находит его, как злая вода подтачивает берег. И стих ещё певуч, но песня всё горше. Держи не держи, а деревня — его счастье, его свет, его матушка, как когда-то распутинская Дарья из «Прощания с Матёрой» сказала — пое-еха-ала.

Как хозяйство укрупняли,
То колхозников сгоняли
Семерых в один тулуп,
Поухал, кто не глуп.
Магазины поубрали,
Школы все позакрывали.
И тогда-то вот село
Покосило, повело.

Уходили люди хором
Подпирали двери колом,
Окна накрест забивали,
Дом родимый забывали,
И папаши, и сынки
Расползлись, как щенки.
Те, которые слепые,
Вольный свет узнать впервые,
Жить, кряхтя, не захотели.
И поля осиротели.

И вот он ещё каждым стихом и любит, и стоит на дороге, раскинув руки, чтобы ещё поддержать наглядеться, а уж нет — пое-еха-ала.

Это тоже очень народная черта — видеть обе стороны разом, не умея их примирить, но и не подгоняя решение умом, как делает торопливая журналистика, хотя бы и поэтическая.

Лучше всего передаёт эти обе стороны замечательная трофимовская «Мачеха», любимая моя поэма, в которой сошлось всё сильное и чистое, что порознь было в прежних вещах. И формально она безупречна, так что для анализа строя понадобился бы как раз размер всего предисловия, и суть чудесно глубока. Поэт

словно трижды обманывает нас. Мы готовы вздохнуть, что да, мачеха — это вечная тяжесть и боль для ребёнка. И так понятно, что она страшна и чужда мальчику, и мы тоже легко испугаемся её и вместе с ним защитим от неё всё живое (и кошка скажет: «Я тоже девочкой была когда-то. Заколдовала мачеха меня», и волчица: «Не убивай меня, я тоже человек», и покажется даже, что и деревья падают и улетают птицы от той же мачехи). Но вот она приходит с работы, и живого в ней от усталости только «жёлтые глаза волчицы, холодные, померклые глаза», и велит деду зарезать козлёнка, «а то совсем захлял у нас парнишка». И мы уже готовы ахнуть неожиданности поворота — вон, оказывается, как: тут милосердное мачехино сердце плачет. Но вспомним-ка: с последней фразой «я выбегаю босый на крыльцо» возвращается начало поэмы — мальчик выбегает на крыльцо и плачет и зовёт Алёнушку — родное по сказке сиротское сердце: «Алёнушка-сестрица, выплынь, выплынь, я из копытца больше пить не буду», словно это его будут резать, а не спасать от голода, и мачеха для него и в благом порыве всё будет мачеха — и жизнь всё останется несогласима и страшно трудна, и милосердно-безжалостна и непонятна. То есть останется, чем всегда была, — жизнью.

Это, пожалуй, и вообще тон книги Трофимова, её главная правда — что и в совсем «безлюдных» стихах, и в часто теснящем лирического героя одиночестве (впрочем, это скорее одиночество подолгу жившего по зимовьям охотника) — всё повёрнуто к человеку. Ничего не сглажено, не прибрано для выгодного представления, а повёрнуто к тому, как дальше жить естественно, не ломая родного лада, в согласии хотя бы и с негладкой жизнью.

...Я гляжу, как он снаряжается на охоту, надевая неказистую, но ладную и удобную обувь (им самим сшитые чирки), слушаю, как уговаривает себя, что надо приучать ребятишек к охоте (а то растут городскими и, гляди, не будут знать, как взять лису, поставить капкан и разойтись с медведем), и понимаю, что вместе с его заботами и так же просто, но ладно сложенными стихами, всё живёт, длится, не иссыкает крепкая, здоровая в сердцевине надёжная русская жизнь.

И как хочется и самого поэта удержать, не уступить его времени, как дорогой осколок этой жизни, чтобы он побыл в поэзии всё тем,

кем был, пописал вот так «старинно». И не из «сопротивления», как это бывает с нынешней уже только притворной «деревенской поэзией», а потому, что так шепчет ему милая русская Муза, которая сама тоскует среди брошенных поруганных полей, затянутых кустарником земель, забытых изб. И плачет муза, а не торопится за беспмятным человеком, потому что понимает, что умолкни она, и мы перестанем быть детьми своей Родины, потому что без языка и лада нас можно будет брать «голыми руками».

Но, слава Богу, этот голос не молкнет...

2014

СОДЕРЖАНИЕ:

Елфимов А.Г.

ПРЕОБРАЖАЮЩИЕ СЛОВА 5

«СПАСИБО ВАМ ЗА СЧАСТЬЕ ЭТИХ ДНЕЙ...»

ПИСЬМА АРКАДИЮ ЕЛФИМОВУ 9

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ — ОБ ИЗДАНИЯХ ФОНДА

«ВОЗРОЖДЕНИЕ ТОБОЛЬСКА» 83

«С благодарностью

— Ваш —

Валентин

Курбатов

Редактор-составитель
Перминов Ю.П.

Технический редактор
Сайфуллин Т.А.

Подписано в печать 10.04.2022.
Формат 70*100/16. Усл.п.л. 12,35.
Бумага офсетная пл. 100 г.
Тираж 500 экз. Заказ №

ISBN 978-5-98178-136-0

9 785981 781360

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru>, email:sales@uralprint.ru